

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К

1 (63)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1 9 5 4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
1 (63)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 4

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Член-корреспондент Академии Наук СССР

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Советский народ является поборником укрепления культурных связей между всеми народами. Изучение истории и культуры других народов ведет к упрочению дружественных отношений между странами, служит тем самым великому делу мира.

К жизни и истории различных народов, в том числе и народов Ближнего Востока, советская общественность проявляет глубокий интерес. Этот интерес имеет давние традиции. Еще в XII в. русские люди живо интересовались обычаями и жизнью Передней Азии, о чем свидетельствуют такой выдающийся труд, как „Хождение игумна Даниила“ и последовавшая за ним серия подобных произведений.

Отечественной науке принадлежит огромный вклад в изучение древнего и средневекового Востока, а также новой и новейшей истории, экономики, языков и культуры его народов. В частности, немалую роль сыграло в деле изучения Ближнего Востока и Российское Палестинское общество, возникшее еще в 80-х годах прошлого столетия и ставшее к концу века мощной научной организацией. Хотя в царской России культурная и научная деятельность Общества была ограничена, все же Общество сыграло свою положительную роль. Так, Общество, несомненно, создавало известные условия для культурного сближения русского народа с народами Ближнего Востока. Этому способствовало создание подворий, гостиниц, пунктов врачебной помощи в Палестине и сопредельных странах Передней Азии, в которых останавливались русские путешественники, в том числе ученые.

Другим начинанием Общества было распространение начального образования в массах местного населения. В основанных Обществом школах преподавание велось на родном для населения арабском языке, но в качестве одного из обязательных предметов был и русский язык. Изучающим русский язык открывались сокровища русской культуры, произведения великих русских писателей, мыслителей, ученых.

Кроме значительного числа начальных школ, Общество открыло две учительские семинарии, одну мужскую, другую — женскую для подготовки преподавателей начальных школ из местного населения. Наиболее способные из числа кончавших семинарии слушатели направлялись в Россию для получения высшего образования и возвращались на родину

учителями или врачами. Воспитанные на передовых идеях прогрессивных слоев русского общества, они внесли значительный вклад в культурную жизнь Ливана, Сирии, Палестины; из их числа вышли первые переводчики классической русской литературы на арабский язык, ряд писателей современного Ливана, получивших широкое признание.

Но основной и наиболее существенной стороной деятельности Общества была его научная работа. В ней приняли участие все крупнейшие ученые своего времени, проявлявшие интерес к изучению стран Ближнего Востока. Всесторонние исследования были предприняты востоковедами, классиками, византинистами, славистами, специалистами по древнерусской литературе, искусствоведами и археологами.

Исследовательская активность членов Общества нашла свое отражение в широкой издательской деятельности. С основания Общества отдельными выпусками выходил „Палестинский сборник“, а с 1891 г. ежегодно стали появляться „Сообщения Палестинского Общества“. „Палестинские сборники“ были специально научно-исследовательской серией Общества. „Сообщения“ также печатали сведения научного характера о новейших археологических открытиях, неизвестных рукописях, материалах и источниках.

В „Палестинских сборниках“ печатались памятники древнерусской литературы, связанные с Ближним Востоком, которые давались в критическом издании с переводами. Обширный и до настоящего времени не потерявший своего значения четырехтомный труд проф. Н. А. Медникова „Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов“ был опубликован в той же серии. Он является и по сей день важным трудом по арабской историографии. Не были забыты и житийные памятники, издание переводов которых имело большое значение для истории, филологии, истории культуры.

Нельзя не отметить участия Общества в издании, осуществленном Академией Наук, в восьми томах биографических материалов Порфирия Успенского, который длительное время находился в Иерусалиме. Для периода 40—80-х годов XIX в. сведения о Ближнем Востоке, сохранившиеся в его трудах, очень ценны.

Помимо научно-исследовательской и издательской деятельности, Общество пользовалось всеми возможностями для приобретения памятников материальной культуры и письменности. В принадлежавших Обществу помещениях хранились археологические материалы, надписи, монеты, печати, рукописи, которые были предметом исследования ученых, состоявших членами Общества. Общество организовало не одну научную археологическую экспедицию. Таково было археологическое путешествие по Сирии и Палестине академика Н. П. Кондакова, давшее богатые результаты. Для изыскания греческих и восточных рукописей Обществом была направлена группа ученых на Синай. Успех этой экспедиции был также значительным.

После Великой Октябрьской социалистической революции Российское Палестинское общество получило широкую возможность служить благородным целям содействия укреплению дружественных связей с народами Ближнего Востока. Научная работа членов Общества продолжается ныне на новых началах и принципах, лежащих в основе жизни и деятельности ученых Советского Союза. Советские ученые, работающие в области изучения языков, этнографии истории и культуры стран Ближнего Востока ведут свои исследования на новых методологических принципах и стремятся широко распространять высокие гуманистические идеи передовой советской науки. Опубликование результатов научного изучения Ближнего Востока является прямой задачей „Палестинских сборников“. Исследовательская работа членов Палестинского общества обращена, как и в прошлом, наряду с древнейшим и средневековым периодом истории Ближнего Востока, и к современности. Изучение живых ближневосточных языков, новой и новейшей истории, экономики, современной литературы и искусства народов Ближнего Востока входит в их задачи. Возобновляемая с выходом настоящего сборника издательская деятельность Общества будет способствовать осуществлению этих задач.

Настоящий сборник содержит статьи по истории и филологии стран Ближнего Востока. Первая статья академика В. В. Струве освещает спорный в историографии вопрос из древней истории Ближнего Востока о восстании в Египте в первый год царствования царя Дария I. Другая статья — Л. А. Липина — посвящена недавно найденным древнейшим законам Месопотамии. Н. В. Пигулевской публикуется трехязычная рукопись тысячелетней давности, хранящаяся в Государственной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина. В сборнике помещены статьи о выдающемся советском востоковеде и видном деятеле Российского Палестинского общества покойном академике И. Ю. Крачковском.

ВОССТАНИЕ В ЕГИПТЕ В ПЕРВЫЙ ГОД ЦАРСТВОВАНИЯ ДАРИЯ I

История египетского народа, столь героически борющегося с угнетающим его англо-американским империализмом, заслуживает во всех своих деталях самого глубокого изучения.

Одной из таких еще недостаточно изученных деталей многовековой египетской истории является вопрос о размерах волнений, которые имели место в первый год правления царя Дария I. Упоминая о восстании в Египте, вспыхнувшем наряду с движениями в других странах во время подавления им первого вавилонского восстания,¹ Дарий I тем не менее нигде в своей большой надписи не говорит о покорении долины Нила. Это обстоятельство и заставило некоторых исследователей, как, например, Эд. Мейера, в начале нашего века утверждать, что Египет в этих восстаниях против Дария не участвовал.² В сороковых же годах, наоборот, в американской историографии появились исследования, настаивающие на чрезвычайном значении и больших размерах восстания верхов египетского общества в начале царствования Дария I.³

Не соответствует действительности ни полное отрицание каких-либо волнений в Египте в начале правления Дария I, ни утверждение об исключительном размахе этого восстания, и нам представляется возможным удовлетворительно решить проблему о степени действительности данного исторического события. На пути решения этой проблемы встает закономерный вопрос, почему покорение Египта не упоминается нигде в Бехистунской надписи. Отвечая на этот вопрос, надлежит прежде

¹ Бехистунская надпись, II, строки 5—8.

² См. посмертное 2-е издание его труда: *Geschichte des Altertums*, III, 1937 г., стр. 195. Исследователи, высказавшие подобное суждение, опирались на факт уничтожения в персидском тексте и в вавилонской его версии названия Египта. Сохранившееся же в эламской версии название Египта „missariyaip“ было отождествлено с Арменией. На невозможность подобного отождествления я указал в моем исследовании „Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью“ (Известия Академии Наук Армянской ССР, 1946, № 8, стр. 31 и сл.).

³ См. статьи: Roland G. Kent. Darius' Behistan Inscription. *Journal of Near Eastern Studies* (JNES), т. II, 1943, стр. 105; George G. Cameron. Darius, Egypt and the „Lands beyond the Sea“ (в том же томе названного журнала, стр. 307 и сл.).

всего указать на то, что Дарий в Бехистунской надписи отмечал отнюдь не все деяния, которые были свершены в первый год его правления. Об этом своем умолчании он говорит сам со всей определенностью в 45—50 строках IV столбца надписи: „Говорит Дарий царь: согласно воле Аурамазды мною другое многое было свершено; оно в этой надписи не написано. Того ради оно не написано, чтобы тому, который впоследствии эту надпись прочитает, преувеличенным не показалось то, что мной сделано, и он этому не поверит, за ложь сочтет“.

Дарий „умалчивает“ в своей надписи не только о покорении Египта, но и о покорении Саттагидии и области саков. Надо полагать, что победы над последними не были упомянуты потому, что они (саттагиды и саки) выступали не самостоятельно, а в союзе с другими более мощными областями. Саттагидия была, вероятно, в союзе с мятежной частью Персиды, саки же примкнули к восставшей Маргиане.¹ Что же касается восстания в Египте, то оно было, очевидно, весьма незначительным, коль скоро Геродот, который хорошо был осведомлен о событиях именно в Египте, не упоминает ни о каком мятеже в долине Нила в связи со смертью Камбиса.

Не говорит о каком-либо мятеже и третий источник — текст, написанный на оборотной стороне так называемой демотической хроники,² хотя он и сообщает о смерти Камбиса и начале правления Дария: „Содержание [текста] следующего³ за тем, что было написано в книге платежа от 44 года фараона Амасиса до времени,⁴ когда Камбис сделал себя царем Египта.⁵ Он умер в походе [?], когда еще не достиг своей страны. Дарий [наследовал ему].⁶ Его слушались номы всей страны из-за добродетельности его сердца. Он послал [в] Египет к своему сатрапу в 47 год, говоря: «Пусть пришлют мне знающих людей... из

¹ См.: В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массаитов. Изв. Отд. ист. и фил., т. III, № 3, 1946, стр. 236—237.

² Важнейший исторический источник, известный в науке под названием „демотической хроники“, содержится в папирусе № 215 Национальной библиотеки в Париже. На оборотной стороне был записан ряд не менее важных для историка текстов и одним из них и наиболее интересным является, пожалуй, цитируемый мной третий документ, свидетельствующий об обширном законодательстве древнего Египта.

³ Букв. „Вещи, которые стояли“.

⁴ Букв. „до дня“.

⁵ Имеется в виду время правления Камбиса в Египте.

⁶ Небольшая лакуна в тексте, которая вряд ли может быть заполнена иным содержанием, нежели предложенным мной.

⁷ Уже в моей иероглифической транскрипции, которую я сделал в 1924 г. с данного демотического документа, я исправил ошибку Шпигельберга, прочитавшего для меня непонятным образом данное числительное не в виде знака для „4“, а в виде знака для „3“. В своей вышеуказанной статье 1943 г. (JNES, II, стр. 110) Кент указал на то, что американский египтолог Паркер отметил незадолго до этого ошибку Шпигельберга и предложил датировать этот документ не третьим, а четвертым годом правления Дария.

воинов, жрецов, писцов Египта, которые выйдут [?] из него зараз и пусть они запишут закон Египта, который был раньше вплоть до 44 года фараона Амасиса — закон фараона, храмов, воинов и [пусть] принесут это сюда».¹ Они принесли это. Они записали это в один свиток вплоть до 19 года». В дальнейшем в этом тексте упоминаются в несколько фрагментарном виде данные, относящиеся к 27 году.² Восхваление Дария в только что процитированном демотическом документе перекликается с похвалами Дарию в первой книге Диодора (глава 95),³ восходящей, как известно, в основной своей части к истории Египта, написанной историком Гекатеем из Абдеры, современником Александра Македонского и Птолемея I. У Диодора Дарий также представлен в качестве законодателя и считается шестым из царей-законодателей Египта, бывших египтянами или ливийцами.⁴

Свидетельство демотического документа, восходящего к ахеменидскому времени,⁵ подтверждает, таким образом, традицию о Дарии, сохранившуюся в греческой историографии начала эпохи эллинизма, что имеет, несомненно, большой интерес для историка. Для решения поставленного вопроса о характере событий, последовавших в Египте после смерти Камбиса, этот документ имеет исключительную ценность. Действительно, будет тщетным искать в нем упоминания о каком-либо восстании, имевшем место в Египте в начале правления Дария. Документ, казалось бы, свидетельствует о том, что власть Дария была весьма скоро и безболезненно признана в Египте. Хотя этот источник и был составлен не раньше 27 года правления Дария, но он, конечно, мог говорить о восстаниях в Египте, вспыхнувших после смерти Камбиса, в самом начале царствования известного в истории организатора державы Ахеменидов. Дарий же, как мы знаем, рассылал по сатрапиям и по отдельным городам копии Бехистунской надписи, в которой повествовалось о мятежах и восстаниях.⁶ Поэтому можно полагать, что отсутствие в приведенном выше демотическом документе упоминания

¹ Из текста следует, что эти „знающие люди“, которым поручено было произвести кодификацию древних египетских законов, должны были быть присланы к Дарию в Азию его сатрапом и здесь, в столице Дария, они должны были выполнить свою работу. Любопытно, что ни один из исследователей, изучавших этот документ, не обратил на этот факт должного внимания.

² О конце текста, в котором указывалось о составлении копии законодательного документа арамейским и демотическим шрифтами, будет обстоятельно сказано в статье, посвященной великим достижениям мидийского народа.

³ Диодор подчеркивает заботы Дария о людях и богах, его частые беседы со жрецами и его стремление ознакомиться со священными книгами древней страны.

⁴ На этом списке сказалось воздействие традиций ливийских завоевателей Египта.

⁵ См.: М. Meyer. *Ägyptische Dokumente aus der Perserzeit. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, B. I, 1915, стр. 304 и сл.

⁶ См.: И. М. Волков. *Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до н. э.*, 1915, стр. 58—59.

о каких-либо волнениях после смерти Камбиса свидетельствует о том, что Египет в те годы серьезных и длительных восстаний не переживал. Правда, некоторые исследователи готовы видеть указания на наличие восстания в Египте того времени в известной надписи, вырезанной на наофорной статуе бессменного сановника царей Амасиса II, Псаметиха III, Камбиса и Дария I — Удзахорресент.¹ Они ссылаются на содержание 3-й строки, вырезанной на одежде сановника перед его правой рукой:² „Когда смуты возникли в этом номе во время очень больших смут, возникших во всей стране“ (т. е. в Египте). В непосредственную связь с этими строками, содержащими упоминание „больших смут“, они ставят ту часть надписи вельможи Удзахорресент, в которой упоминается царь Дарий, и они поэтому считают себя в праве утверждать: „Ясно, что в Египте были волнения при вступлении на престол Дария“.³ Но подобный вывод, несмотря на всю категоричность его формулировки, из указанных надписей статуи Удзахорресент сделать нельзя, ибо нет никакой непосредственной связи между теми тремя строками, которые свидетельствуют об „очень больших смутах“ в Египте, и той надписью, которая упоминает о царе Дарии. Действительно, названные три строки являются продолжением надписи, вырезанной на правой стороне наоса (храма), который держит перед собой вельможа Удзахорресент, а надпись, упоминающая Дария, вырезана на оборотной стороне столба, к которому статуя прислонена спиной. Она, несомненно, является заключением для всего комплекса надписей, вырезанных на статуе⁴ и посвящена почестям, выпавшим на долю Удзахорресент, и ответственным задачам, порученным ему при Дарии I. Что же касается надписи, свидетельствующей о восстаниях в Египте, то она связана с прочими надписями, вырезанными на лицевой стороне памятника и излагающими предшествующие воцарению Дария события и деятельность Удзахорресент.

По своему содержанию последняя надпись перекликается с параллельной ей надписью, вырезанной на левой стороне наоса и на одежде перед левой рукой статуи. В обеих параллельных надписях повествуется о восстаниях в Египте, и они по содержанию настолько близки друг другу, что, несомненно, относятся к одному и тому же

¹ См. последнее издание этой знаменитой надписи в труде: G. Posener. La première domination Perse en Egypte. Le Caire, 1936, стр. 1 и сл.

² К расположению надписей на наофорной статуе Удзахорресент, хранящейся в музее Ватикана, см.: O. Marucchi, Il museo egizio vaticano. Rome, 1899, табл. I—II.

³ Кэмерон (JNES, II, 1943, стр. 310), ссылаясь на американского историка древнего Востока Ольмстеда, утверждает, что Удзахорресент, сообщив о смутах в Египте „одним духом“ („in the next breath“), упоминает о „величестве царя Верхнего и Нижнего Египтов, Дария“.

⁴ Так она рассматривалась всеми исследователями, занимавшимися этим памятником.

времени управления Удзахорресент. Надпись на левой стороне наоса и на одежде перед правой рукой статуи не ставилась в связь с текстом столба на обороте памятника. Содержание ее было следующим: „Достойный у богов Саисского нома, великий врачеванием Удзахорресент говорит: я укрепил храмовое имущество Нейт великой, матери бога, согласно приказу его величества на протяжении вечности. Я воздвиг памятники для Нейт, владычицы Саиса, со всеми хорошими вещами, как поступает слуга, полезный для господина своего. Я муж благой в своем городе. Я спас людей его во время очень больших смут, когда они наступили во всей стране и не было равных им [раньше] в этой стране. Я защищал слабого от сильного. Я спасал боязливого, когда наступало несчастье его. Я делал для них всякое полезное, когда [наступало] время действовать для них“.

„Смуты“, о которых глухо говорит здесь Удзахорресент, соответствуют, конечно, тем волнениям, которые возникли в Египте во время неудачного похода Камбиса в Нубию, и той жестокой расправе, которая последовала со стороны вернувшегося из похода Камбиса по отношению к храмам и некоторым слоям населения долины Нила.¹ Если, таким образом, „смуты“, упомянутые в переведенной мной надписи, должны быть датированы временем правления Камбиса, а не началом царствования Дария, то тем же временем надлежит датировать и восстания отмеченные в параллельном ей тексте, вырезанном на правой стороне наоса и на одежде перед правой рукой статуи. „Достойный у своего городского бога, великий врачеванием Удзахорресент говорит: «Я достойный у отца своего, хвалимый матерью своей, любимец братьев своих; я укрепил их в должности жреца-пророка, я дал им поле полезное, по приказу его величества на протяжении вечности, я создал гробницу для тех [из них], которые не имели гробницы. Я кормил всех детей их; я укрепил все дома их. Я делал им всякое полезное, как поступал отец по отношению к своему сыну, когда смуты наступили в этом номе среди очень великих смут, возникших во всей стране»“.

¹ Позенер (ук. соч., стр. 168 и сл.) пытается „обелить“ Камбиса, но о его жестокой расправе нам сообщают не только греческие историки, но и знаменитое письмо представителей иудейской эфепантинской общины наместнику Иудеи. См.: И. М. Волков. Арамейские документы иудейской колонии на Эфепантине, стр. 12; В. В. Струве. Подлинная причина разрушения иудейского храма. ВДИ, 1938, № 4, стр. 108. Об уничтожении Камбисом имен на саркофагах знати, родственной XXVI Саисской династии, свидетельствуют повреждения имен военачальника Амасиса и матери его Нехтесбатерсу на их саркофагах (см. В. С. Голенищев. Inventaire de la collection égyptienne, СПб., 1891, стр. 94 и сл.). Об ущемлении Камбисом экономических интересов египетских храмов сообщают нам и четвертый из папирусов на обороте „демотической хроники“. Этот указ был, наверное, taken издан Камбисом после похода в Нубию. В такой глухой форме мог Удзахорресент говорить о бедствиях конца правления Камбиса, поскольку события этих лет не вызывали одобрения и самого Дария.

Сопоставление этих двух приведенных текстов доказывает их бесспорную близость друг к другу и поэтому недопустимость разрыва их органической связи. Различие между ними состоит только в том, что в первом из приведенных текстов Удзахорресент повествует о своих „благодеяниях“ по отношению ко всему населению, а во втором — о благодеяниях по отношению к своим родственникам. „Смуты“ же, о которых говорят обе надписи, — это волнения, вспыхнувшие в Египте во время пребывания Камбиса в Нубии, и чрезвычайно суровые меры, принятые персидским царем после возвращения из Нубии. О восстании же Египта против Дария ни одна из надписей на статуе Удзахорресент нам не говорит. Не свидетельствует о подобном восстании и факт пребывания Удзахорресент в Эламе, в столице Дария I, как об этом сообщает заключительная надпись на статуе, посвященная событиям, имевшим место при преемнике Камбиса. Египетский вельможа, предавшийся персам, не бежал вместе с сатрапом в Азию из страха перед восстанием египтян,¹ но, несомненно, был послан сатрапом в Элам к Дарию вместе с теми „знающими людьми“, которые должны были по повелению царя быть доставленными к нему для кодификации древнего египетского права.²

Стало быть, ни одна из надписей на статуе Удзахорресент не свидетельствует о каком-либо восстании Египта во время правления Дария. Поэтому можно предположить, что это восстание, о котором сам Дарий сообщает в своей Бехистунской надписи, было настолько незначительным и кратковременным, что о нем могли не сообщать ни греческие историки, ни современные египетские документы и надписи. О кратковременности его говорит и то обстоятельство, что от 3-го года царствования Дария I дошел до нас демотический хозяйственный документ.³

Установив и незначительность, и кратковременность волнений, имевших место в Египте в самом начале правления Дария I, мы вместе

¹ Так полагает Кэмерон (JNES, II, 1943, стр. 310—311).

² См. демотический текст, приведенный мной на стр. 8—9 и прим. 1 на стр. 9.

³ См.: F. Ll. Griffith. Catalogue of the Demotic Papyri in the Randal Library at Manchester, т. III. Manchester, 1909, стр. 25—26; G. Posener, ук. соч., стр. 175, прим. 41. На этот демотический документ, датированный 3-м годом Дария I, должны были обратить свое внимание Кент и Кэмерон, когда они пытались подкрепить свою датировку V столбца Бехистунской надписи (3-й год) ссылкой на отсутствие в величественном эпиграфическом памятнике Дария I упоминания о ликвидации восстания в Египте. Действительно, если Египет уже в 3-м году правления Дария входил в состав персидской державы, то аргументация Кента и Кэмерона в пользу предложенной ими датировки теряла свою силу. Если Египет уже в 3-м году был подчинен Дарию, то с точки зрения исторической датировка V столбца Бехистунской надписи 3-м годом не имеет никакого преимущества перед датировкой его 5-м годом, являвшейся более предпочтительной с точки зрения филологии и истории создания рельефов и надписей Бехистунской скалы.

с тем должны решить вопрос о тех побуждениях, которые заставили царя умолчать о ликвидации этого движения. Я полагаю, что причину подобной „скромности“ Дария следует искать в его отношении к сатрапу Египта, Арианду. Последний был назначен сатрапом Египта еще Камбисом после возвращения его из похода в Нубию.¹ Поэтому Дарий относился с подозрением к нему, подобно тому как он не доверял и Оройту, наместнику в Сардах, которого он также получил в наследство от своих предшественников.² Тем не менее, о передаче должности сатрапа другому лицу тогда и речи быть не могло и, поэтому на долю Арианда выпала задача подавить вспыхнувшие волнения. Они, как мы выше видели, были весьма незначительны и надо полагать, что враждебные персам выступления в различных номах не были объединены и не возглавлялись единым руководством. Поэтому и сатрап Арианд мог столь незаметно для окружающего мира, без сражения в настоящем смысле этого слова, подавить эти волнения. В этом отношении, с точки зрения царя Персии, заслуги Арианда были далеко не так велики, как заслуги других полководцев и сатрапов Дария, отмеченных в Бехистунской надписи, в качестве победителей враждебных царю сил, достигших побед в ожесточенных сражениях. Таким образом, Дарий получал, казалось бы, нравственное право не называть в своей надписи подозрительного ему Арианда, чтобы не закрепить его положение в государстве упоминанием в официальном документе его заслуг при подавлении волнений в Египте.³ Хотя Дарий, как мы выше видели, и отметил восстание в Египте, желая в максимально сгущенных красках представить опасность положения в первом, столь сложном году своего правления, он решил, из указанных соображений, не отмечать его подавления. При этом он скрыл подлинные мотивы умолчания о подавлении восстания в Египте за приведенными выше словами: „... чтобы тому, который впоследствии эту надпись прочитает, преувеличенным не показалось то, что мной сделано, и он этому не поверит, за ложь сочтет“.

На основании приведенных выше данных следует признать, что утверждение некоторых американских исследователей о значительных размерах восстания в Египте в первом году царствования Дария I не соответствует действительности.

¹ См.: Б. А. Тураев. История древнего Востока, II. Л., 1935, стр. 124.

² См.: Геродот, III, гл. 126 и сл. Следует обратить внимание на те значительные военные силы, которыми располагал Оройт. Арианд, сатрап Египта, располагал еще значительно большими военными силами, нежели Оройт.

³ Кэмерон (JNES, II, 1943, стр. 110, прим. 21) включил в свою аргументацию и рассказ Полиэна (VII, II, 7) о волнениях в Египте, вызванных жестокостью Арианда, и о мерах, принятых Дарием в целях умиротворения страны. Я полагаю, что этот рассказ Полиэна имеет отношение к событиям, последовавшим за большим походом в Ливию, предпринятым по приказу Арианда около 512 г. до н. э.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗАКОНЫ МЕСОПОТАМИИ

Как известно, раскопки в Месопотамии начались еще в первой половине прошлого века. Более ста лет, как в Двуречье ведутся археологические работы. Сотни тысяч глиняных табличек, различных как по своим размерам и формам, так и по своему содержанию, были за это время извлечены из-под древних развалин, но их запасы, поистине, неисчерпаемы.

Новые раскопки древних поселений продолжают давать многочисленные материалы — и вещественные, и эпиграфические.

Возобновились раскопки в Ираке и после второй мировой войны. Они производятся в различных пунктах, и в них принимают участие местные археологи.

В 1948 г. в журнале „Сумер“,¹ издаваемом в Ираке на арабском и английском языках, было опубликовано небольшое сообщение местного ассириолога и археолога М. А. Таха Бекира об обнаруженной им одной поврежденной глиняной табличке, содержащей, по его мнению, фрагмент какого-то судебника или свода законов.

В том же номере журнала „Сумер“ была опубликована и краткая заметка Альбрехта Гётце,² сообщившего, что вскоре после находки Таха Бекира, среди хармалских табличек ему посчастливилось натолкнуться на другую табличку, дублировавшую первую.

Пообещав дать полную публикацию найденных документов, Гётце предварительно высказал предположение, что это законы, составленные Билаламой, царем города Эшнунны, или его сыном. Это древнейшие законы из всех нам известных. Они древнее законов Липит-Иштара, царя Исина.³

Важность этой находки для всей истории культуры древнего Востока для истории социальных отношений и права очевидна.

¹ Sumer, a Journal of archeology in Iraq, vol. IV, Baghdad, 1948, № 1, стр. 52 и сл.

² Albrecht Goetze. Another law tablet from Harmal. Sumer, vol. IV, № 1, стр. 58 и сл.

³ Текст законов Липит-Иштара опубликован Ф. Стилем (F. R. Steele. American journal of archeology, № 51, 1947, стр. 158 и сл.).

Уже в следующем номере журнала „Сумер“¹ появились сами законы в автографии, транскрипции и переводе Альбрехта Гётце с приложением фотографий и небольшой вводной статьи, в которой дается краткое описание интересующих нас табличек. Никаких попыток исследовать законы или сопоставить их с другими законами и, в первую очередь, с законами Хаммурапи, Гётце здесь не делает. Как автография, так и фотографии выполнены, к сожалению, далеко не безукоризненно.²

В своей краткой статье Гётце сообщает, что законы были обнаружены среди табличек, раскопанных в небольшом холме, носящем в настоящее время наименование Телль-Абу-Хармал и находящемся на южной окраине Багдада, в Ираке. Из этого холма уже было извлечено множество глиняных табличек, но холм еще далеко не исчерпал себя. Дальнейшие поиски дают все новые и новые архивы глиняных документов. Среди последних — немало юридических и административных (предварительный каталог неопубликованных текстов, хранящихся в Иракском музее, был опубликован в „Сумере“.³) Такого рода документы, как известно, имеют, обычно, дату, благодаря чему удалось установить, что холм Телль-Абу-Хармал скрывал под собой развалины древнего сельского поселения Диниктум, являвшегося частью царства Эшнунны.

При разборе очередной партии табличек, происходящих из Телль-Абу-Хармала, Сеид Таха Бекир опознал в глиняной табличке с инвентарным номером IM 52614 фрагмент каких-то весьма древних законов. А Гётце вместе с Сеид Таха Бекиром и Сеид Селимом Леви продолжал изучение и обследование хармалских табличек, и ему посчастливилось опознать в другой табличке, с инвентарным номером IM 51059, вполне схожую по своему характеру табличку, с той, которую впервые открыл Сеид Таха Бекир. Табличка Гётце, в отличие от таблички Сеид Таха Бекира, сохранилась почти целиком. Но она оказалась не только сходной по своему характеру с первой, — она оказалась более полным ее дубликатом!

Не желая задержать публикацию столь важного для науки памятника, Гётце вместе с Сеид Таха Бекиром и Сеид Селимом Леви, по примеру П. Шейля, впервые опубликовавшего в свое время кодекс законов Хаммурапи, решил, не задерживаясь над тщательным исследованием судебного, дать его публикацию, ограничиваясь при этом только некоторыми предварительными замечаниями, не требующими длительного исследования.

¹ A. Goetze. The laws of Eshnunna discovered at Tell Harmal. Sumer, vol. IV, № 2, 1948, стр. 63 и сл.

² В настоящее время имеется уже новое, улучшенное их издание, сделанное Полем (Pohl), к сожалению, оставшееся мне недоступным.

³ Sumer, vol. III, 1947, № 2, стр. 113 и сл.

Табличка IM 52614, опознанная Сеид Таха Бекиром, является нижней частью таблички, размером 12×11.5 см. Этот фрагмент был найден на Телль-Абу-Хармале в 1947 г. вместе с табличками юридического и административного содержания, датированными правлением царя Дадуша из города Эшнуны. Таким образом, по одним только археологическим данным, до того как она была прочитана, табличка датировалась более ранним временем, чем царствование Хаммурапи, шестого царя первой вавилонской династии (1792—1750 до н. э.).¹ Этой табличке как раскопанной позднее присвоено название „табл. Б законов Билаламы“.

Табличка IM 51059, размером 10.5×20 см и опознанная Гётце, почти цела. Только отдельные, немногочисленные строчки выкрошились. Недостающие в ней слова и строки большей частью восстанавливаются с помощью дубликата, табл. Б. Табличка IM 51059 была найдена на Телль-Абу-Хармале в 1945 г. И, как ранее раскопанной, ей присвоено наименование „табл. А законов Билаламы“. Эта табличка заполнена очень мелкими, часто стиснутыми и нанизанными друг над другом клинописными знаками. Последнее обстоятельство, в сочетании со многими, хотя и мелкими, повреждениями поверхности таблички, препятствовало в течение довольно долгого времени опознать в ней законы. Как отмечает Гётце, ее дешифровка, даже с помощью дубликата — табл. Б, была задачей исключительно сложной, а без дубликата местами совершенно не выполнимой. Некоторые слова в ней не поддаются чтению до сих пор, несмотря на наличие дубликата.

Таким образом, археологически обе таблички относятся ко времени, предшествующему Хаммурапи. Это вполне согласуется и с их палеографическими особенностями. Как табл. А, так и табл. Б обнаруживают более древний, более архаичный курсив, чем тот, который употреблялся в эпоху Хаммурапи.

Текст, покрывающий обе таблички, в общем идентичен там, где он сохранился, хотя налицо ряд вариантов, преимущественно, орфографического характера. В целом, если говорить об этих вариантах, нужно отметить, что табл. Б дает более правильное грамматическое написание, нежели табл. А. Первая более последовательно отмечает мимацию, удвоение согласных в породе II, а также чаще дает фонетические комплементы. Наоборот, в табл. А можно обнаружить тенденцию втиснуть как можно больше текста в весьма ограниченное пространство. Здесь поэтому довольно часто писец предпочитал „дефектное“ написание.

В ряде случаев то одна, то другая табличка имеют пропуски знаков, слов и даже целых строк. Так, например, в §§ 17 и 18 табл. А,

¹ И эту археологическую датировку предложил уже Сеид Таха Бекир, см.: Sumer, vol. IV, 1948, № 1, стр. 52 и сл.

очевидно, ошибочно пропущено несколько строк, имеющих в табл. Б. В § 50 также имеются расхождения. Табл. Б дает расширенный и, вероятно, более полный и правильный текст, чем табл. А. Но, с другой стороны, в § 28 табл. А имеются весьма важные дополнительные строки, отсутствующие в табл. Б. В общем сохранившийся текст табл. Б не только более четко написан, но и дает более полные варианты по сравнению с табл. А. И поэтому следует особенно сожалеть, что табл. Б не дошла до нас целиком.

Но как бы то ни было, обе таблички, А и Б, определенно являются двумя копиями какого-то третьего, может быть более раннего оригинала. Возможно, что известные расхождения, наблюдающиеся в интересующих нас табличках, обязаны своим происхождением значительному промежутку времени, прошедшему между написанием одной и другой таблички.

По нашему мнению, можно рассматривать обе таблички как „ученические тетради“ писцовской школы, где за образец брались древние законы. Но ученики недостаточно хорошо справились с этим сложным делом, особенно писец табл. А, табличка которого значительно уже, чем у его более счастливого собрата, писца табл. Б, располагавшего несколько более широкими „страницами“. Отсюда — стремление в табл. А втиснуть как можно больше текста на малом пространстве. В ней часто даже вынуждены, экономя место, начинать новый параграф с середины строки, чего в табл. Б почти не бывает.

Уже отмеченные нами обстоятельства могут нас побудить приписать авторство подлинника этих законов одному из древнейших царей государства Эшнунны. К счастью, первые строки наших законов полностью подтверждают высказанное выше предположение. Текст начальных строк судебного, сохранившийся только в табл. А (и то неполностью), гласит:

„[.] 21-й день
[.] Билалама
[.] царство города Эшнунны“

и т. д.

Таким образом, подтверждение предположений, высказанных относительно датировки документа, нашлось в самом тексте.

Согласно данным, собранным Т. Якобсеном,¹ Билалама был современником Шу-илишу (šu-ilīšu) из города Исина и, следовательно, жил непосредственно после падения III династии Ура. Майлз и Гарней² считают, однако, что указание, данное в начале табл. А, на время царя

¹ Oriental Institute Publications, vol. XLIII, 1940, особенно стр. 197.

² Miles and Gurney. The laws of Eshnunna. Archiv Orientalni, Journal of the czechoslovak oriental Institute, vol. XVII, Pars 2, Prague, 1949, стр. 174 и сл.; далее цитируются сокращенно: АОJ.

Биламы соответствует времени составления копии законов, а не самих законов. Они даже высказывают сомнение относительно правомерности присвоения этим табличкам А и Б наименования судебника или кодекса законов, считая их выдержками из таковых. Упомянутые авторы считают, что это выдержки из гораздо более древних законов, имя составителя которых остается пока неизвестным. Они упрекают Гётде в том, что он совершил ошибку, дав сводный текст обеих таблиц, в то время как следовало давать их отдельно, ибо Майлз и Гарней отказываются видеть в табличках А и Б дубликаты.

Доказывая неправомочность присвоения табличкам наименования „Кодекса законов из Эшнунны“ или „Судебника из Эшнунны“, Майлз и Гарней приводят, между прочим, следующие доводы.

Оригинальный текст кодекса законов был бы высечен на камне, как кодекс Хаммурапи, а здесь законы начертаны на глине. Кодекс законов начинался бы с введения, найденные же в Телль-Абу-Хармале таблички такового не имеют. Фрагментированные начальные строки табл. А не могут быть пока восстановлены, и в них никак нельзя видеть преамбулу. Более того, в найденных табличках трудно или даже невозможно раскрыть какой-нибудь принцип в расположении законов. Отсутствует всякая система. Так, статьи 1—2 содержат тариф цен на разные предметы; статьи 3—4, 7—8, 10—11 и 14 — размер наемной платы. Статьи 5 и 9 рассматривают вопрос о нарушении контракта по найму, а статья 6 — насильственный захват лодки. Статьи 12—13 рассматривают вопрос о захвате имущества Мушкенума, а статьи 15—16 содержат запрещение, касающееся раба или сонаследника. Статьи 17—18 толкуют об обручении, а статьи 19—20 — о займе. Статьи 22—24 касаются насильственной описи имущества за долги, а затем статьи 25—28 опять возвращаются к вопросам брака. Статьи 29—30 толкуют о правах жены в отсутствие мужа, а статья 31 — о преступлении кормилицы. Статьи 34—35 толкуют о насильственном усыновлении, а следующие за ними статьи 36—37 — о гибели заложенного имущества. Статьи 38—39 рассматривают вопрос о продаже семейного имущества, а статья 40 — о купле-продаже краденого раба, статья 41 — о продаже пива. Статьи 42—48 толкуют о побоях, а статьи 49—50 опять возвращаются к вопросу о краденых рабах. Статьи 51—52 разбирают вопрос о клеймении рабов, а следующие за ними статьи 53—55 — о бодливом быке. Статьи 56—57 толкуют о кусающейся собаке, а статья 58 — об испорченном имуществе. Статья 59 вновь возвращается к вопросу семейных отношений и толкует о разводе. И невозможно, по их мнению, предположить, чтобы какой-нибудь царь составил свои законы в таком хаотическом беспорядке.

К числу дальнейших доказательств они причисляют и неполноту этих законов, отсутствие в них определений по ряду важнейших вопросов юридической практики. Обе таблички, А и Б, не могут, с их точки

зрения, восходить к одному и тому же оригиналу. Да и табл. А они вовсе не склонны считать „полным“ сводом законов, ибо, как уже отмечалось выше, в ней также отсутствует ряд важнейших положений. Поэтому первоначально существовала, по крайней мере, еще одна табличка. Но табл. А является концом этого свода законов, а не его началом, так как обратная сторона этой таблички заполнена не до самого низа, но имеет свободное от знаков пространство.

Приводя еще ряд аргументов, преимущественно юридического характера, в пользу своей концепции, Майлз и Гарней приходят к выводу, что текст или тексты этих двух табличек не могут рассматриваться как кодекс законов. Они представляют собой независимо сделанные выдержки из законов Эшнунны и из других официальных документов. Тем не менее, Майлз и Гарней утверждают, что содержащиеся в табличках законы являются частью опубликованных и действовавших в царстве Эшнунны законов.

Все эти доводы не являются, однако, достаточно убедительными. Действительно, законы из Эшнунны записаны на глине, а не на камне, как кодекс Хаммурапи. Но, во-первых, и кодекс Хаммурапи, как известно, также первоначально был записан на глине, а уж потом, на 35-м году царствования Хаммурапи, его текст был высечен на камне.

Во-вторых, законы Липит-Иштара¹ также дошли до нас записанными на глине, а не на камне. Если бы не их фрагментарность, несомненно, следовало бы считать их „полным“ сводом законов, а не эксцерптом. Законы Липит-Иштара к тому же имеют и введение. Ассирийские законы до нас также дошли на глине, а не на камне.

Что касается хаотичности расположения статей, то она не должна нас смущать, если мы примем во внимание древность этих законов. Ведь у их составителя, насколько мы можем правильно судить по современному состоянию наших знаний, не было примера. Это были первые писанные законы, поэтому, некоторая непоследовательность в расположении статей вполне понятна. Если внимательнее присмотреться к этим законам, то мы все же обнаружим известную систему.

Так, например, Майлз и Гарней усматривают отсутствие какой-либо системы в том факте, что статья 6, толкующая о захвате чужой лодки, помещена между статьями 5 и 7, первая из которых разбирает вопрос о нарушении контракта по найму, а вторая — о размере наемной платы. Конечно, такое расположение статей в официальном сборнике законов, которым судьи должны руководствоваться при разборе всякого рода дел, не является идеальным. Но при этом следует учесть одно, на наш

¹ Как это теперь выяснилось, так называемые шумерийские законы восходят не к III династии Ура, а к эпохе Исына и Ларсы. Имя их составителя — Липит-Иштар. В отличие от законов Билаламы они имеют весьма обширное введение и можно с большой долей вероятности утверждать, что именно они послужили образцом для Хаммурапи при составлении им своего суддебника.

взгляд очень важное и существенное обстоятельство: статьи 5 и 7 также толкуют о лодке! Поэтому древний законодатель, или составитель судебника, мог игнорировать все другие моменты и группировать вместе статьи 5, 6 и 7, поскольку все они обсуждают вопросы, связанные с лодкой. И в этом можно усмотреть известную систему.

Кроме того, не говоря уже об ассирийских законах, где, как известно, также отсутствует определенно выдержанная система, даже кодекс Хаммурапи не имеет выдержанной системы, хоть он и был написан не только на глине, но и на камне.

Более того, в кодексе Хаммурапи имеются статьи, противоречащие друг другу по существу. В качестве примера можно привести хотя бы широко известные статьи 6 и 8. Согласно статье 6, вор, укравший храмовое или дворцовое имущество, приговаривается к смертной казни, а согласно статье 8, человек, укравший храмовое или дворцовое имущество, приговаривается к уплате штрафа, равного тридцатикратной стоимости похищенного. И только в случае отсутствия у вора средств, для уплаты столь высокого штрафа, он приговаривается к смертной казни. При этом штраф здесь — не есть вира. О рабах толкуют статьи 15—20, а затем законодатель вновь возвращается к вопросу о рабах в статьях 278—282 и т. д.

Отсюда ясно, что „хаотичность“ в расположении статей не может служить достаточным основанием для утверждения, что абу-хармалские таблички не являются законами.

Что касается их неполноты, то и кодекс Хаммурапи и, тем более, законы Липит-Иштара, а также ассирийские законы не могут претендовать на полноту охвата всех сторон юридической практики. И в них также отсутствует ряд весьма важных положений.

Сохранившаяся почти полностью в начале табл. А преамбула и то, что конец ее оборотной стороны не заполнен текстом, говорит в пользу предположения, что эта табличка содержала в себе все законы.

Конечно, наличие фрагментарной табл. Б с ее вариантами указывает на то, что мы имеем дело с копиями, а не с оригиналом, но у нас нет никаких оснований думать, что оригинал был полнее копий. Принять дату в табл. А за дату составления копии, а не оригинала также нет оснований. Полагаем, что дата оригинала не отличалась от даты в копиях. По крайней мере неизвестны случаи, чтобы даты в копиях могли отличаться от дат оригинала.

Краткость введения к законам Билаамы также не может быть признана достаточно веским аргументом в пользу утверждений Майлза и Гарнея.

Действительно, кодекс вавилонского царя Хаммурапи имеет обширное „введение“ и не менее обширное заключение. Но в законах Липит-Иштара это „введение“ уж не столь обширно. И вполне естественно, что в еще более древних законах Билаамы „введение“ почти или

вовсе отсутствует. Может быть их автор предполагал расширить свои законы, включить в них дополнительные статьи или даже дать какое-нибудь „введение“. Но обстоятельства помешали ему выполнить свой замысел.

Все сказанное дает достаточное основание предполагать, что таблички, найденные в Эшнунне, являются полными копиями какого-то не дошедшего еще до нас оригинала, из которых табл. А, как уже сказано выше, сохранилась почти целиком.

Перейдем теперь к рассмотрению законов Билаламы по существу.

Клинописный судебник составлен на аккадском языке. Первые семь строк, которые сохранились частично в правой части лицевой стороны, являются датировкой, написанной на шумерском языке. Однако эти строки можно читать и как идеограммы семитических слов. Всего сохранилось на обеих табличках, А и Б, 59 параграфов, или статей. Два последних параграфа (60 и 61) настолько фрагментарны, что их содержание непонятно.

Первые семь строк отделены от остального текста двойной чертой, оттиснутой на мягкой глине, в отличие от других строк, отделенных друг от друга ординарной чертой. Левая часть верха табл. А отломана. В сохранившейся правой части говорится об установлении статуи([a]lan) в доме отца автора законов. Возможно, что alan в данном контексте следует переводить не как „статуя“, а как „стѐла“ или „obelisk“. Нельзя ли видеть в этом слове указание на существование каменного обелиска, с начертанными на нем законами?

Сохранившиеся в тексте слова „[.] Билалама [.] царство города Эшнуны“ дают имя составителя судебного и определяют его хронологически. Это и послужило причиной того, что мы называем эти законы „законами Билаламы“.

После этого краткого „введения“ следуют сами законы.

§ 1 определяет цены на различные товары, выраженные в серебре. Между тем в § 2 цены на товары выражены в зерне. Отсюда ясно, что зерно в эту эпоху продолжало еще выполнять функцию денег, наряду с серебром. К сожалению, значение слова *ša ni-is-ḫa-tim*, употребляющегося во втором параграфе в качестве определения ко всем оцениваемым товарам, неизвестно, а установить его на основании употребления в законах Билаламы¹ не представляется возможным.²

§ 3 устанавливает наемную плату за телегу с быками и их погонщиком. Эта плата весьма высока и равна 100 сила,³ т. е. $\frac{1}{3}$ гура⁴ зерна в день.

¹ В дальнейшем сокращенно: ЗБ.

² Ср. *šab nišhatim* в кодексе Хаммурапи; в дальнейшем сокращенно: КХ.

³ 1 сила = 0.8 литра.

⁴ 1 гур = 300 сила = ок. 240 литров.

Непомерно высока наемная плата за лодку в § 4: 2 сила зерна за каждый гур ее емкости. По КХ наемная плата за лодку в переводе на зерно равна $\frac{5}{6}$ сила. Последнее, может быть, объясняется значительным увеличением количества судов в эпоху Хаммурапи, по сравнению со временем Билаламы, отсюда и снижение фрахта. Об этом говорит и довольно высокая плата за телегу, устанавливаемая в § 3 свода Билаламы.

Оплата лодочника остается неизвестной, так как от восстановления цифры, которая была в лакуне 24 строки табл. А, следует отказаться.

§ 5, устанавливающий материальную ответственность лодочника, потопившего лодку по своей небрежности, должен быть сопоставлен с §§ 236—237 КХ. При этом следует отметить, что ЗБ дают более общее определение, нежели КХ, хотя последний, как известно, был составлен лет на двести позднее. Но в §§ 236—237 дан частный случай из судебной практики, возведенный в закон, в то время как Билалама дает общее определение, пригодное для всех случаев, когда лодка потоплена по халатности лодочника.

§ 6 определяет размер штрафа, который взимается с человека, взявшего чужую лодку. Слово *iššabat* я рассматриваю как I_2 от *šabātu*, а не как IV_1 . Поэтому и толкую параграф, как параграф, наказывающий за хищение.

§ 7 возвращается к вопросу о найме. Тут устанавливается размер наемной платы жнеца. Не следует рассматривать §§ 5—6 как „нарушение системы“, ибо они, как и § 4, касались вопросов, связанных с лодкой.

§ 8 определяет размер наемной платы сеяльщика¹ в 10 сила зерна в день, что составляет вдвое меньше наемной платы жнеца, установленной в предыдущем параграфе. Это и понятно. Во время жатвы рабочих рук нехватало, и жнецам необходимо было платить больше.

Большие трудности для толкования представляет § 9. Первые его строки устанавливают размер оплаты наемника, нанятого в качестве жнеца. Эта плата равна одному сиклю серебра, очевидно, в месяц, т. е. 6 ше² серебра в день.

В переводе на зерно это значит, что плата составляет один гур (или 300 сила) в месяц, т. е. 10 сила в день. Таким образом, данный параграф находится в явном противоречии с параграфом 7, который устанавливает в качестве платы жнецу вдвое больше — 20 сила. Но это еще не все. Далее толкуется о случае, когда жнец не выполнил своих обязанностей, и тут выясняется, что жнец может получить еще дополнительно по 15 сила зерна (очевидно, в день). Кроме того, в качестве

¹ Или, может быть, веяльщика; слово *zaġû* может означать и то и другое.

² 1 ше = $\frac{1}{180}$ сикля; 1 ше (авилонское утуту) = 0.05 г; 1 сикль = ок. 8.4 г.

штрафа он должен уплатить своему работодателю 10 сиклей серебра (штраф в десятикратном размере за нарушение соглашения о найме) и вернуть зерно, елей и одежду. Из термина „он должен вернуть“ (i-ta-a-ar) ясно, что, наряду с деньгами и зерном, жнец получал еще елей и одежду. Таким образом, наемник, согласно данному параграфу, получал не менее 25 сила зерна в день и вдобавок еще неизвестное количество елей и одежду. Согласно же § 7, как мы это уже видели, жнец получал только 20 сила зерна в день и больше ничего.

Майлз и Гарней¹ полагают, что получаемый наемником сикль серебра должен рассматриваться не как наемная плата, а как плата жнецу за его согласие прийти и выполнить договоренную работу. Наемная плата при этом снижается, однако, до 15 сила зерна в день, вместо 20 сила, установленных в § 7. Далее, они высказывают предположение, что в настоящем случае мы, может быть, имеем дело с подрядчиком, обязавшимся снабдить землевладельца рабочими на время жатвы. При этом они ссылаются на Лаутнера.²

В отличие от Гётце, они переводят e-še-dam e-še-dam lâ e-ši-su как „он вовсе не снимал урожая“, а не как „он не завершил уборку урожая“. Филологически они, может быть, и правы. Такой перевод вполне допустим. Но все же с ними нельзя согласиться. Если предположить, что наемник не приступил даже к уборке урожая, то окажутся лишними слова „1 sūtum 5 qa idam irašši u inassaḥ“ (1 сутум³ и 5 сила [зерна] он может получить в качестве наемной платы и должен удалиться). Какую же еще плату он может получить, если он к работе даже не приступил?

Поэтому настоящий параграф может быть понят следующим образом. Поденный жнец получает 20 сила зерна в день (§ 7) и больше ничего. Работник же, нанятый на более длительный срок, а именно на весь жатвенный сезон, получает вперед 1 сикль серебра (= 300 сила зерна), независимо от количества дней, которое он проработает. А за каждый проработанный им день он получает 15 сила зерна в день и, кроме того, еще какое-то количество елей и одежду. Стоимость елей и одежды в общем равна, вероятно, стоимости 5 сила зерна в день. Причем часть этих продуктов им может быть получена также вперед. Отсюда понятно, почему он и должен вернуть (i-ta-a-ar) в случае нарушения им контракта.

Таким образом, аккордная работа была более выгодна для работника, чем поденная. Но и хозяину это было выгодно, ибо он был уверен, что его урожай будет собран во время, и ему не придется

¹ Ук. соч.

² Lautner. Altbabylonische Personenmiete und Erntearbeiterverträge. Leiden, 1936, стр. 142 и сл.

³ 1 сутум = 10 сила.

в самую горячую пору жатвы искать себе поденщиков, которых тогда могло и не быть.

§ 10 устанавливает размер наемной платы за осла, а также размер оплаты его погонщику. Последний получает, как и сеяльщик, 1 сутум (=10 сила) зерна в день.

Общие положения о наемнике, работающем, очевидно, не в страдную пору уборки урожая, а в обычное время года, устанавливаются в § 11. Месячная оплата наемника определяется в 1 сикль серебра. Кроме того, он получает на прокорм 1 массиктум¹ зерна в месяц. Если всю его оплату перевести на зерно, то окажется, что он получал 360 сила в месяц. Надо думать, что наемник не пользовался выходными днями, так что его поденная плата была равна 12 сила в день ($360:30=12$). Эта плата оказывается, таким образом, значительно (вдвое) ниже платы жнеца, нанявшегося на весь сезон, и на 20% выше платы поденщика (сеяльщика в § 8, погонщика осла в § 10).

§§ 12—13 толкуют о случаях, когда кто-либо схвачен в поле (§ 12) или в доме (§ 13), принадлежащих мушкенуму. Наказание в обоих случаях одинаковое — 10 сиклей серебра штрафа, если это произошло днем, и — смертная казнь, если это случилось ночью. Смертная казнь не может быть заменена вирой. Последнее обстоятельство вытекает из употребления здесь формулы, сравнительно часто, но далеко не всегда встречающейся в ЗБ: i-ma-a-at ú-ul i-ba-al-lu-uṭ ('он должен умереть, он не должен жить'). Очевидно, что формула смертной казни iddak ('он должен быть убит'), применяемая в КХ, и формула смертной казни i-ma-a-at ('он должен умереть'), применяемая в других случаях в ЗБ,² предполагают возможность замены смертной казни выкупом. Здесь же, в §§ 12—13, где имело место покушение на имущество мушкенума (?), а также в других случаях, о которых речь будет идти ниже, такой исход отвергается.

Характер преступления, независимо от перевода непонятого слова *kurul(l)um* (§ 12), остается неясным. Возможно, что самый факт нахождения в чужом поле или в чужом доме, без ведома и дозволения их хозяев — мушкенумов, рассматривается как покушение на их собственность, и, следовательно, как тяжкое преступление.³

Значительную трудность представляет собой повторение слов *ina bitim* в § 13 (строка 41). Майлз и Гарней сваливают вину на переписчика, полагая, что вместо этих слов в оригинале стояли другие, уточняющие характер преступления, как слова *ina ku-ru-lim* в § 12. Однако

¹ 1 массиктум = 60 сила.

² Например, ЗБ, §§ 24 и 26.

³ Ср. § 6 ЗБ, где человек, взявший чужую лодку, также подвергается штрафу в 10 сиклей серебра, причем здесь законодатель не делает различия между временем суток. Наказание одинаково, независимо от того, когда совершено преступление — днем или ночью.

наличие этого повтора в обеих табличках, А и Б, делает такое предположение мало вероятным, ибо в таком случае одну и ту же ошибку сделали оба писца. Поэтому, может быть прав Гётце, дающий перевод повторению. Но трудность толкования параграфа все же этим не снимается.

Эти же два параграфа, как и некоторые другие, заключают в себе еще одну важную проблему, связанную с пониманием и переводом слова „мушкенум“. Последнее часто встречается, как известно, и в КХ и, несомненно, является социальным термином. Старые переводы термина „мушкенум“ как „бедняк“ или „вольноотпущенник“¹ явно непригодны. И на это уже указывалось в литературе.²

Невозможно согласиться и с интерпретацией слова „мушкенум“, данной Майлзом и Гарнеем в 1949 г. По их мнению, мушкенум тесно связан с дворцом, так как он якобы работал на царской земле и противопоставлен warad êkallim (букв. „раб, принадлежащий дворцу“), который будто работал внутри дворца. При этом они ссылаются на §§ 24, 34 и 50 ЗБ и на §§ 140 и 175 КХ.

Согласно § 140 КХ мушкенум может вступить в законный брак, а согласно § 175 дворцовый раб (warad êkallim) и раб, принадлежащий мушкенуму (warad muškênim), могут вступить в законный брак с „дочерью человека“ (mârat awêlim). Поэтому, утверждают Майлз и Гарней, оба — и muškênim и warad êkallim (соответственно muškênim) — кажутся свободными, за исключением их зависимости от царя, для которого они — рабы. Упомянутые нами авторы полагают, что мушкенумы имеют в своем пользовании земельный участок за царскую службу, и их положение, таким образом, сходно с положением редума (воина) в КХ.

Однако такая интерпретация явно несостоятельна. Нельзя приравнять мушкенума к вардуму. Считать их находящимися в равном положении может только тот, кто стремится „доказать“ гармонию, якобы существовавшую на древнем Востоке между всеми классами общества, кто отрицает классовую борьбу.

То, что термин „вардум“ означает „раб“, уже давно не подлежит никакому сомнению. И параграфы КХ, на которые ссылаются английские исследователи, не только не подтверждают их концепции, но, наоборот, полностью ее опровергают.

§ 175 и следующие КХ говорят о браке warad êkallim или warad muškênim с дочерью привилегированного свободного (mârat awêlim).

Дворцовый раб (warad êkallim) или раб, принадлежащий мушкенуму (warad muškênim), может вступить в „законный брак“ с дочерью свободного человека (mârat awêlim), и хозяин раба не может претендовать на то, чтобы дети, родившиеся от этого брака, попадали в рабскую

¹ И. М. Волков. Законы вавилонского царя Хаммурапи. М., 1914.

² Акад. В. В. Струве. История древнего Востока. 1941, стр. 95.

зависимость от него. Дети от смешанного брака раба со свободной женщиной остаются свободными. Из такого установления, правда с большими натяжками, еще можно было предположить, будто сам вардум также является представителем свободного населения, хотя это исключается уже потому, что терминология (*warad* и *ana wardûtim ul iraggum*) не позволяет давать такое толкование. Однако следующие параграфы, 176 и 176а, толкующие о дележе имущества этой четы после смерти мужа-раба (вардум), обнаруживают с полной ясностью, что как *warad êkallim* 'дворцовый раб', так и *warad muškênim* 'раб, принадлежащий мушкенуму', являются рабами, а не свободными. Все имущество, приобретенное этой семьей после брака, делится поровну, на две части. Одну часть получает рабовладелец (*bêl wardim* 'хозяин раба', т. е. дворец, если он *warad êkallim*, или мушкенум, если он *warad muškênim*) для себя. Вторую часть получает жена (т. е. *mârat awêlim* 'дочь человека') для своих детей. О какой же „свободе“ вардума может идти речь, если „его“ имущество наследуется не его детьми, а забирает (*i-lî-qî* 'он забирает') его владелец (*bêl wardim*)?

Все параграфы кодекса Хаммурапи и законов Билаламы, упоминающие вардума, независимо от того, кому он принадлежит — дворцу, мушкенуму или авелуму (представителю привилегированного населения) — обнаруживают с несомненностью, что вардум — раб. Так, § 217 КХ устанавливает, что лекарю за излечение вардума платит не последний, а его хозяин (*bêl wardim*), очевидно потому, что у вардума нет и не может быть своих денег. § 219 устанавливает, что если лекарь сделал неудачную операцию вардуму, то „он должен возместить“ хозяину раба другим рабом, взамен умершего, в то время как за неудачную операцию свободному лекарь лишается рук. Широко известны §§ 16—20 КХ, толкующие о беглых вардумах, из которых также с несомненностью явствует, что вардум — раб. Мы не станем приводить других примеров из этого кодекса, из которых вытекает, что вардум, независимо от того, кому он принадлежит, — раб. Но можно сослаться и на законы Билаламы, из которых также следует, что вардум — раб.

Так, § 15 ЗБ запрещает принимать из рук вардума что бы то ни было (в тексте перечисляются серебро, зерно, шерсть и т. д.). Очевидно, что вардум не может иметь собственности, и получение от него каких-либо материальных ценностей должно рассматриваться, как скупка или хранение краденного. § 16 ЗБ запрещает давать вардуму займы. §§ 22—23 так же рассматривают амтум (рабыню; амтум чередуется с вардумом, как термин, обозначающий женщину, находящуюся в состоянии рабской зависимости) как вещь, как собственность рабовладельца. Особенно четко можно установить различие между положением мушкенума и вардума из сопоставления §§ 23 и 24 ЗБ. Если кто-нибудь взял себе в залог амтум (соответственно вардум), принадлежащую человеку, который ему (кредитору) ничего не должен, и ростовщик

уморит эту амтум, то виновный должен вернуть хозяину (ana bēl amtim) двух рабынь. Но если ростовщик взял себе в залог жену мушкенума и уморил ее, то он подвергается смертной казни. § 50 ЗБ толкует о беглом вардуме (соответственно амтум), а § 51 ЗБ устанавливает, что клейменных вардумов (соответственно амтум) запрещается выпускать за городские ворота Эшнунны, если их не сопровождают их хозяева. § 52 ЗБ устанавливает порядок, согласно которому все рабы (вардум) и рабыни (амтум), приведенные под охраной в Эшнунну, должны быть заклеены.

Полагаем, нет нужды приводить еще другие примеры, подтверждающие, что вардум — раб. На этом вопросе, может быть, не стоило бы останавливаться, так как советской наукой точно установлено, что термин „вардум“ значит ‘раб’. И если мы позволили себе вновь остановить внимание читателя на значении термина вардум, то только потому, что Майлз и Гарней отождествляют вардум с мушкенумом. А проблему мушкенума нельзя еще считать вполне разрешенной. Между тем, ЗБ дают дополнительный материал, помогающий уточнить положение мушкенума в вавилонском обществе.

Выше уже отмечалось, что Майлз и Гарней полагают, будто мушкенум как-то связан с дворцом, что он сидел якобы на царской земле и поэтому нет никакого социального различия между терминами warad ēkallim (соответственно warad muškēnim) и между muškēnum, ссылаясь при этом на кодекс Хаммурапи (§§ 140, 175). Но последний указывает на совершенно отчетливую разницу между ними. Второй может быть хозяином первого! Иначе говоря, мушкенум — рабовладелец (или во всяком случае может быть таковым), а вардум — раб. muškēnum — причастие породы III/II, от корня k'n и должен быть переведен, как „подчиненный“, „покоренный“ и т. п. Такой перевод этого термина дан акад. В. В. Струве.¹

Такое же значение приписывает термину „мушкенум“ и В. Эйлерс.² Его перевод кодекса Хаммурапи считается одним из лучших. Это общепризнано.³ Такой же перевод мушкенума дает теперь и И. М. Дьяконов.⁴

На защиту интересов вардума никогда не становятся ни кодекс Хаммурапи, ни законы Билаламы, и он нередко принадлежит дворцу. Мушкенум, наоборот, никогда не связан с дворцом. Ряд парагра-

¹ В. В. Струве. История древнего Востока. 1941, стр. 95.

² W. Eilers. Die Gesetzstele Chammurabis. Leipzig, 1932; (см. параграфы, толкующие о мушкенуме, например 140, 176, 176а и др.).

³ W. von Soden. Kleine Beiträge zum Verständnis der Gesetze Hammurabis und Bilalamas, AOJ, XVII, 2, 1949.

⁴ См.: Хрестоматия по истории древнего мира, т. I. Восток, под ред. акад. В. В. Струве, 1950, раздел: Государства Двуречья, № 40. Кодекс законов царя Хаммурапи.

фов — и в кодексе Хаммурапи и в законах Билаламы — мушкенум противопоставляют дворцу. Что касается КХ, то эти параграфы широко известны, и на них можно не останавливаться. Но можно позволить себе указать на §§ 34 и 50 ЗБ, которые противопоставляют мушкенума дворцу.

§ 34 ЗБ устанавливает, что если рабыня, принадлежащая дворцу (*amat êkallim*), отдает своего сына или свою дочь на воспитание мушкенуму, то дворец может забрать ребенка у мушкенума. А § 50 ЗБ квалифицирует как вора человека, который задержал в своем доме убежавших рабов, рабынь или скот, принадлежащих дворцу или мушкенуму.

Что же касается защиты интересов мушкенума, то большое число параграфов в КХ и ряд параграфов в ЗБ¹ открыто выступают в защиту его личности и принадлежащего ему имущества от покушения на них со стороны всякого другого, в том числе и со стороны наиболее привилегированного слоя вавилонского (соответственно эшнуннского) общества. Но в то же время некоторые параграфы КХ показывают, что защита интересов мушкенумов была, однако, не столь сильной, как защита интересов *mâr awêlim* ('сына мужа') — представителей господствующего элемента в Вавилонии. Так, например, при членовредительстве, причиненном 'сыну мужа', действовал принцип „око за око, зуб за зуб“. Членовредительство, причиненное мушкенуму, наказывалось штрафом.²

Поэтому было бы весьма важно выяснить социальное и правовое положение категории населения вавилонского общества, именуемого „мушкенум“.

Выше указывалось, что филологически термин „мушкенум“ должен быть переведен как 'покоренный', 'побежденный', 'подчиненный' и т. д. Мы имеем много примеров, когда глагол *k'n* в породе III/II₁ имеет указанное значение. Часто встречаемое в анналах ассирийских царей выражение *ana Aššur u Istar ilâni bêlêja palhiš uškîma*³ переводится обычно 'Ашшуру и Иштар, богам, моим владыкам, я со страхом покорился' или 'перед Ашшуром и Иштар, богами, моими владыками, я со страхом склонился' и т. д. Глагольная форма *uškî* также представляет собой породу III/II₁ от корня *k'n*, т. е. ту же форму, что и *muškênum*, с той только разницей, что *uškî* — претерит, а *muškênum* — причастие. Поэтому перевод термина „мушкенум“ как 'покоренный', 'подчиненный', 'склоненный' и т. д. является, на наш взгляд, безукоризненным.

Исторически же такая интерпретация термина „мушкенум“ подтверждается огромным материалом.

¹ Законы Билаламы касаются мушкенума в пяти параграфах — 12, 13, 24, 34 и 50.

² КХ, § 196 и сл.

³ Всюду в ассирийских летописях.

Известно, например, что в Афинах, Риме, Палестине и других странах древнего мира¹ существовали более и менее привилегированные слои населения, в зависимости от того, к кому они принадлежали, — к победителям или побежденным. И нет ничего удивительного в том, что и в Вавилонии существовало такое деление.

Эпоха XX—XVIII вв. до н. э. в древнем Двуречье характеризуется большой политической неустойчивостью. На смену мощному и единому государственному образованию III династии Ура пришел период мелкой раздробленности и враждебной разобщенности. Возник целый ряд небольших царств, ведших между собой острую борьбу за гегемонию. Внешнеполитическая неустойчивость осложнялась борьбой между различными этническими группировками внутри каждого из этих карликовых государств. Повергнутый Шумер, только что бывший гегемоном и помнивший еще хорошо дни своего бывшего могущества, несомненно, не желал добровольно покинуть арену мировой истории. Северные семиты, возможно, не забыли своего расцвета, достигнутого при династии Аккада. Легенды о Саргоне аккадском, как известно, жили очень долго в народном сознании, и это — лучшее доказательство того, что северяне продолжали мечтать о восстановлении своего прежнего влияния в древневосточных делах.

Эламцы, разгромившие Шумерийское объединение III династии Ура и часто битые своими западными соседями, само собой разумеется, считали себя единственными „законными“ наследниками своих побежденных врагов. И мы знаем, что Рим-Син — представитель эламской династии в Вавилонии — был самым серьезным и опасным противником первой вавилонской династии и ее самого блестящего представителя — царя Хаммурапи. Но это еще не все. Новая волна семитических кочевников-амореев, в свою очередь, хлынула в древний культурный и богатый центр Двуречья и образовала ряд царств, таких, например, как Мари, Вавилон, Эшнунна и др.

Нам, к сожалению, не удалось еще обнаружить прямых указаний источников на классовую борьбу между рабами и рабовладельцами, а также на борьбу между различными категориями свободного населения, интересы которых могли нередко не совпадать. Однако, опираясь на ряд косвенных данных, можно с большой долей вероятности уста-

¹ В докладе, прочитанном в 1949 г. в Восточном научно-исследовательском институте при Восточном факультете Ленинградского Государственного университета, мне, кажется, удалось показать, что такое же положение имело место и в Ассирии во второй половине II тысячелетия до н. э. Там „покоренными“ были, главным образом субарийцы (хурриты) и назывались они термином *aššurajāu*. В Палестине „покоренными“ были представители побежденного населения, которые назывались *tōšāb* „старожилы“. Кроме того, и новопоселенцы, называвшиеся термином *gēr*, также приравнивались в правовом отношении к менее полноправной категории „старожилы“. То, что римские граждане пользовались большей полнотой прав, чем италийцы, а афиняне — большей полнотой прав, чем их союзники, — общеизвестно.

новить, что внешнеполитическая борьба разворачивалась на фоне ожесточенной внутренней борьбы. И вполне понятно, что наиболее прозорливые государственные деятели — цари, руководившие внешнеполитической борьбой, стремились к тому, чтобы как-то стабилизировать внутреннее положение, покончить с произволом и беззаконием, несомненно, господствовавшими всюду, привлечь на свою сторону как можно более широкие круги свободного населения, в том числе и из среды покоренного населения.

Отсюда — тенденция к записи действующего права, к регламентации прав и обязанностей граждан как по отношению к государству, так и по отношению друг к другу. Само собой разумеется, рабы не шли в счет. Ни о каких их правах и ни о какой защите их интересов в судебных Биаламы, Липит-Иштара, Хаммурапи речи нет и быть не может. „При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину“.¹

Но другое дело представители покоренного, но не порабоженного населения — мушкенумы. Они, как мы это знаем из кодекса Хаммурапи, законов Биаламы, и из некоторых других документов первой половины второго тысячелетия до н. э., были свободны и обладали не только движимым имуществом, но и недвижимым. Они могли быть и рабовладельцами.

Стоит только внимательно вчитаться в §§ 12—13 ЗБ, чтобы убедиться, что мушкенумы могли быть землевладельцами и домовладельцами. Более того, за нарушение прав частной собственности мушкенумов, за попытку посягнуть на их имущество виновный подвергается смертной казни, без права выкупа. Характерным здесь является защита интересов мушкенума от насилия со стороны представителя господствующего этноса — авелума.

Весьма много, на наш взгляд, для решения вопроса о социальном положении мушкенума могут дать §§ 33—34 ЗБ. Первый из них рассматривает такую ситуацию, когда рабыня отдала² *mârat awêlim*³ своего сына. Законодатель сохраняет право за владельцем рабыни отобрать ее ребенка у усыновившей его свободной женщины в любое время, когда он его ни обнаружит, даже если мальчик уже успел вырасти и стать взрослым. Параграф же 34 рассматривает сходную ситуацию, но с той только разницей, что здесь рабыня отдала своего ребенка на воспитание (*a-na tar-bi-tim*) не дочери авелума, а мушкенуму. Решение —

¹ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1947, стр. 555.

² Очевидно, для воспитания или, может быть, для усыновления.

³ Букв. 'дочери человека', т. е. представительнице господствующего слоя населения.

такое же, как и в предыдущем параграфе: владелец¹ рабыни может забрать ее сына от воспитавшего его мушкенума.

Как видно из этих двух параграфов, законодатель не делает различия в данном случае между *mârat* (соответственно *mâr awêlim*) и мушкенумом. Не делает он различия и в § 50. Здесь движимое имущество (раб, рабыня, вол, осел) мушкенума подлежит защите от покушения на него даже со стороны начальствующих лиц. Более того, интересы мушкенума охраняются в равной мере с интересами государства (*êkallum*).

Таким образом, и согласно ЗБ мушкенум может быть и землевладельцем (§ 12) и рабовладельцем (§ 50). В имущественном отношении нельзя обнаружить никакого различия между *mâr awêlim* и мушкенум. Как один, так и другой, оба являются рабовладельцами. Однако, как мы это знаем из КХ, в случаях членовредительства,² закон проводит различие между ними. Здоровье и честь *mâr awêlim* защищаются в большей степени, чем здоровье и честь мушкенумов, очевидно потому, что последние были представителями покоренного населения и не входили в состав общины. Но в связи со стремлением привлечь их на свою сторону или, хотя бы, нейтрализовать, законодатели становятся на защиту их жизни и имущества от произвола завоевателей.

Прав акад. В. В. Струве,³ полагающий, что мушкенумы, в отличие от *mâr awêlim*, не входили в состав вавилонской общины и, таким образом, не являясь общинниками, отличались от них и по формальным признакам.⁴

Смысл § 14 не вполне ясен. Если здесь идет речь о гонце, то нужно признать, что оплата его в размере 20% от доставленной им суммы серебра является непомерно высокой.

§ 15 запрещает принимать что-либо из рук раба или рабыни даже на время.

§ 16 ставит в одинаковое положение сына свободного человека (*mâr awêlim*), живущего в неразделенном хозяйстве (*lâ zîzu*),⁵ с рабом. И тому и другому нельзя дать взаймы. Полагаю, что в данном контексте термин *mâr awêlim* ('сын человека') должен быть понят в смысле „маленький“, „мальчик“, „ребенок“ и т. п. Иначе непонятно, почему неразделенный брат лишен правоспособности. Все, что нам известно о неразделенных братьях, гозорит об одинаковой правоспособности

¹ В данном случае *êkallum* 'дворец'.

² КХ, § 196 и сл.

³ Акад. В. В. Струве. История древнего Востока. 1941, стр. 96 и сл.

⁴ Размеры данной статьи не позволяют останавливаться подробнее на этом вопросе. Проблема мушкенум вполне заслуживает того, чтобы ей было посвящено специальное исследование.

⁵ Очевидно, со своими братьями. Ведь не может же идти речь об отце, т. е. о *pater familias*.

всех братьев. Очевидно, маленькие дети составляли исключение в Эшнунне.¹

Из § 17 следует, что патриархальные отношения в семье уже получили значительное развитие, и брак совершался путем покупки невесты у ее отца, уплатой „цены девицы“. Закон предлагает вернуть „владельцу“ (a-na be-li-šu-ma) тирхату (цену девицы), если кто-нибудь (жених или невеста) умер. Повидимому, здесь сын уже не мог обладать имуществом при живом отце.² Иначе непонятен термин *kasram ana bêlišuma itâr* („серебро он должен вернуть его владельцу“), т. е. тесть должен возвратить деньги, полученные им за свою дочь, их первоначальному владельцу — отцу жениха. То, что под „владельцем“ подразумевается отец жениха, не подлежит сомнению. Кто же еще должен называться „владельцем“ серебра после смерти жениха?

Значительные трудности содержатся в § 18.³ В нем говорится, что если невеста вошла в дом своего жениха и стала его женой (*i-hu-us-si-ma*) или же (? *lû*) невеста (?) умерла потом, то все, что он (т. е. жених) принес в дом своего тестя, пропадает. Но все, что сверх (?!), он (т. е. жених) может забрать. Непонятно, что же еще он может забрать, если все, что он принес в дом тестя, пропадает?

§ 18а, вопреки мнению Гётце, ничем не связан с предыдущим. Он устанавливает уровень процентной ставки за взятое в долг серебро или зерно. В первом случае процент равен 20, во втором — $33\frac{1}{3}$. Это обычный процент за ссуды в эту и несколько более позднюю эпоху.

§ 19 утверждает за кредитором право заставить своего должника вернуть ему долг на току.

§ 20 несколько труден. Он толкует, очевидно, о процентном займе зерном. Это подкрепляется и уровнем ссудного процента, равного $33\frac{1}{3}$ (за каждый гур ячменя — 100 сила в качестве процентов).

Следующий параграф, § 21, опять толкует о ссуде, как и предыдущие. Здесь речь идет о ссуде серебром и устанавливается уровень процентной ставки — 20%. Но не следует думать, что §§ 20—21 есть простое повторение § 18а. Дело в том, что в Эшнунне, повидимому, существовали различного рода займы, имевшие соответственно свои юридические обозначения. Трудность состоит в филологической интерпретации термина *a-na ra-ni-šu*, так же как термина *ana maḥrišu* в § 19 и непонятного слова в § 20.

Значение всех этих терминов до сих пор не удалось еще установить.⁴

¹ Ср. ассирийские законы, где 10-летний ребенок уже правоспособен.

² Ср.: Л. А. Липин. Ассирийская патриархальная семья. Л., 1949, стр. 2 и сл.

³ Строки 19—20 выделяем в особый параграф (18а), см. „Приложение“.

⁴ Ср.: КХ, § 102, где выдается ссуда *ana tadmiqtim*. Возможно, здесь речь идет о беспроцентном займе? Хотя мало вероятно, чтобы вавилонские ростовщики могли согласиться на беспроцентную ссуду.

Большой интерес представляют собой §§ 22—24. В них законодатель защищает население Эшнунны от произвола кредитора.

§ 22 толкует о случае, когда ростовщик захватил чужую рабыню в качестве залога, но пострадавший отрицает наличие за ним какого-либо долга. В этом случае ростовщик обязывается возместить стоимость захваченной рабыни ее хозяину.

§ 23 рассматривает случай, когда захваченную рабыню уморили в доме ростовщика. Виновный обязывается возместить пострадавшему двух рабынь.

§ 24 толкует о том же, что и предыдущие параграфы. Но тут ростовщик захватил не рабов, а жену или сына мушкенума и уморил их. Закон рассматривает подобное дело как уголовное и приговаривает виновного к смертной казни.¹

Из § 22 можно сделать вывод, что наличие расписки у кредитора как документа, удостоверяющего выдачу им ссуды, еще не было обязательным. Не было, очевидно, обязательным и наличие свидетелей произведенной заемной сделки. Доказательством того, что пострадавший ничего не должен ростовщику, служит не отсутствие расписки у последнего и не отсутствие у него свидетелей, а клятва пострадавшего. Понятно, что если бы были налицо расписка или свидетели, то не было бы нужды в клятве.

Эти параграфы обнаруживают значительное развитие ростовщичества. Ростовщики уже настолько вошли в силу, что нередко, пользуясь своим положением, просто грабили, кого могли. Произвол, повидимому, был полный. И потребовались специальные постановления законодательной власти, чтобы как-то ограничить их аппетиты.

§ 25 и следующие посвящены брачному праву. В § 25 рассматривается вопрос о нарушении брачного контракта со стороны отца невесты. Закон гласит, что виновный обязан вернуть тирхатум (цену девицы) в двукратном размере. Данный параграф перекликается с § 161 КХ, где рассматривается сходная ситуация.

Интересен § 26. Из него с несомненностью вытекает, что принесение тирхатум в дом тестя передает власть над девицей ее жениху, она рассматривается уже, как его жена, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Насилие над девицей, за которую уже внесли тирхатум, квалифицируется как уголовное преступление (*dîn napîštim*), и виновный подвергается смертной казни.²

¹ Ср.: КХ, § 116. Там также речь идет о смерти залога в доме ростовщика, но здесь имеется в виду случай, когда залог был взят за действительный долг, а не за мнимый, как в ЗБ. Характерно, что в случае, если залог-раб умрет, КХ предусматривает уплату виновным 1/3 мины серебра (20 сиклей), т. е. однократную стоимость раба, а ЗБ предписывают вернуть двух рабынь за одну.

² Ср. §§ 6—7 Сумерийских законов: А. Т. Clay. *Miscellaneous Inscriptions in the Jale Babylonian Collection*. *Jale Oriental Series, Babylonian Texts*, vol. I, New Haven, 1915.

§ 27, предусматривающий заключение брачного договора, обнаруживает, что Хаммурапи, выдвинувший подобное же требование, не был оригинален, и § 128 его кодекса явно уходит своими корнями в § 27 ЗБ. Очевидно, составление письменного брачного договора было обязательным уже в эпоху Иисна и Ларсы. Характерным здесь является то, что человек, вступивший в брак с женщиной без брачного контракта и без согласия родителей, не подвергается никакому наказанию. Законодатель ограничивается только констатацией факта, что такой брак считается недействительным, даже если жена успела прожить в доме своего мужа целый год.

Может быть, однако, что формулу $\dot{u}mi^{mi} \dot{s}attim\ 1^{kam} ina\ bitišu\ li-ši-im-ma\ \dot{u}-ul\ aššat$ ('пусть она проживет в его доме хоть целый год, она все же — не жена'), нужно понимать в том смысле, что если она прожила с ним более года, она становится все же его законной женой? Такой вывод мог бы получить некоторую поддержку при сравнении настоящего параграфа ЗБ с § 34 среднеассирийских законов,¹ согласно которому вдова, прожившая два года в доме мужчины, становится его женой и не может от него уйти. Но вдова, согласно ассирийским законам, была вполне самостоятельной и она действовала сама и от своего имени. В ЗБ речь идет о девице, находящейся еще во власти своих родителей, и договор должен быть заключен с ними, а не с нею, не обладавшей правом распоряжаться собой. Интересно, что ЗБ ясно указывают, что брачный договор должен заключаться с родителями невесты, в то время как § 128 КХ просто гласит, что договор должен быть составлен, не указывая, кто именно его заключает со стороны невесты.

§§ 26—28 ЗБ обнаруживают значительные пережитки материнского права. Здесь отец и мать имеют одинаковые права на свою дочь. Чтобы жениться согласно ЗБ, надо было получить на это разрешение у отца и матери девицы. В заключении брачного договора участвуют на одинаковых правах отец и мать невесты, они же совместно получают, очевидно, и тирхатум (калым).

Этих пережитков мы не встречаем в таком ярко выраженном виде в КХ, где мать не участвует в заключении брачного контракта, и тем более в САЗ, где единовластие отца в семье (домовладыки) проявилось уже полностью.

§ 28 рассматривает случай, когда невеста изменила своему жениху уже после того, как был заключен с ее родителями брачный договор. Она приговаривается к смертной казни без права замены этого наказания вирой.²

¹ В дальнейшем сокращенно: САЗ.

² ul (Гётце) в начале параграфа не имеет никакого смысла, и правы, очевидно, фон Соден и другие, которые вместо ul читают здесь $U[D. B]i=ina\ \dot{u}mišu$ 'тогда', 'в свое время', 'в тот день' и т. п.

Значительные филологические трудности имеются в § 29. Здесь речь идет о праве жены выйти замуж за другого, если ее муж был захвачен в плен или уведен разбойниками (na-aḥ-bu-tum). К сожалению, поврежденность строки 41 не дает возможности установить, какой срок она обязана его ждать. Законодатель устанавливает право мужа, освободившегося из плена, вернуть свою жену даже в том случае, если она успела родить сына своему новому мужу. Забирает ли ребенка от второго брака ее первый супруг или же он остается при своем отце — неизвестно.¹

§ 30 толкует о сходном положении, с той только разницей, что здесь муж отсутствовал не по причине плена, а оттого, что он умышленно покинул свой город, возненавидев его (i-zi-ir-ma).² Закон лишает его права претендовать на свою жену, если последняя вышла замуж за другого во время его отсутствия. Непонятен термин bēl-šu. Что здесь имеется в виду? Кого он возненавидел? Своего хозяина? Может быть этот термин следует понимать как 'правитель города'? (Майлз и Гарней). Но едва ли такая интерпретация удачна. Не известны случаи, чтобы правитель города или поселения был назван bēlum. Однако понимать его как „своего хозяина“ в смысле хозяина, на которого он работал, тоже трудно. В таком случае данный параграф имел бы ограниченное, а не общее применение и не касался бы всех граждан Эшнуны, а только тех, кто работают на других или у других.

§ 31 касается сожительства кого-либо с рабыней без ведома ее хозяина. Виновный подвергается штрафу в размере $\frac{1}{3}$ мины серебра,³ а рабыня остается в распоряжении своего прежнего владельца.

§ 32 не находит себе аналогии ни в КХ, ни в САЗ. Здесь речь идет об отдаче сына на воспитание кормилице. Притом законодатель предусматривает такой случай, когда отец ребенка ничего не давал, кормилице в течение трех лет. Ребенок принадлежит своему отцу, но

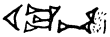
¹ Ср. КХ, § 135, где ситуация сходная и где законодатель постановляет, чтобы дети оставались при своих отцах. Что касается филологической интерпретации данного параграфа и восстановления поврежденных строк, то Гётце читает конец строки 38 и начало строки 39, как še-e[h-tim] ù sa-ak-pi-im и переводит „has been lost in araid or an invasion“. Соден хочет читать šakbim, а не sakpim. Полагаем возможным перевести ḥarran šehtim как „поход“ (см. С. Bezold. Babylonisch-Assyrisches Glossar. Heidelberg, 1926), а sakpum как „отступление“ (см. там же). И если принять восстановление строки 39, как i[t-ta-aš-ba-at] (Соден), то смысл постановления будет вполне ясен.

² Ср. КХ, § 136, где ситуация сходная.

³ $\frac{1}{3}$, а не $\frac{2}{3}$, как Гётце ошибочно дает в своей транскрипции. $\frac{1}{3}$ мины серебра = 20 сиклям, т. е. средней стоимости раба или рабыни, в эпоху I Вавилонской династии. Можно с уверенностью сказать, что и во времена Билаламы рабы стоили, во всяком случае, не дороже, и что этот параграф перекликается с § 5 САЗ, согласно которому насилие над девицей наказывается уплатой штрафа в размере ее полной стоимости в $3\frac{1}{2}$ таланта свинца (1 талант = 3600 сиклей = ок. 30.3 кг.).

последний обязан рассчитаться к кормилицей, уплатив ей за трехлетний срок воспитания и кормления ребенка.¹

Сумму, которую отец должен ей заплатить, нельзя еще считать твердо установленной. Так, Гётце, издавший эти законы, дает в автогра-

фии и транскрипции 10 ma-na (), т. е. 10 мин, в переводе же он дает 10 сиклей.

По фотографии таблички не удастся установить истину. На это противоречие не обратили внимания ни сам Гётце, ни Соден, ни Майлз и Гарней. Кроме того, ни в тексте автографии, ни в транскрипции слова „серебра“ нет, как нет его, очевидно, и на фотографии. Но в то же время Гётце в своем переводе дает „10 сиклей (серебра)“, взяв слово „серебра“ в скобки. Это также осталось незамеченным другими исследователями.

10 мин серебра за воспитание и вскармливание ребенка в течение трех лет является неслыханной ценой! За эту сумму можно было купить, по крайней мере, 30 рабов или хлеба для одного человека не менее, чем на 250 лет! Поэтому, если в тексте действительно стоит 10 мин, а не 10 сиклей, но не указан исчисляемый объект, то невозможно добавить сюда слово „серебра“, даже взяв его в скобки, так как в таком случае цена будет неимоверно высокой. Необходимо предположить, что речь здесь идет о каком-то другом материале, а не о серебре, или, что в тексте ошибка: 10 мин вместо 10 сиклей.

Не имея под руками самого документа или достаточно хорошей фотографии, по которой можно было бы проверить автографию и транскрипцию, оставляем в своей транскрипции и переводе „10 мин“, но не добавляем в скобках слово „серебра“.

Значительные трудности имеются в § 33. Гётце ставит слово (идеограмму) *amtum* 'рабыня' в винительном падеже и переводит 'если он обидел рабыню', и т. д. Майлз и Гарней, отвергающие перевод Гётце, считают, что речь здесь идет о незаконной продаже рабыней своего ребенка в усыновление какой-нибудь свободной женщине. Соден не соглашается с Гётце в переводе глагола *usarrir*, считая, что его можно перевести как 'лгать', и думает, что речь идет о подбрасывании рабыней своего ребенка свободной женщине.

Не желая видеть в тексте того, чего там нет на самом деле, исходим в своем переводе из предположения, что речь идет не о про-

¹ Перевод Гётца *i-ta-ar-ru* как 'она (кормилица) должна заботиться о его сыне' (*she (the nurse) shall care for his son*), не приемлем. *tarû* не имеет такого значения и не подходит по смыслу. Поэтому полагаем, что правы Майлз и Гарней, которые воспроизводят *i-ta-ar-ru* от *warû* (*l₂*), означающее 'уводить', и субъектом к данному глаголу-сказуемому является „отец“, а не „кормилица“.

даже сына, ибо, во-первых, об этом нет ни слова в тексте, и, во-вторых, в таком случае будет непонятно, почему покупателем должна быть именно женщина (*mârat awêlim* 'дочь человека'), а не мужчина, как обычно в ЗБ. Также нет оснований говорить о подкидыше, так как об этом в тексте нет даже и намека. Поэтому считаем, что речь идет об отдаче для вскармливания и воспитания ребенка. Тогда станет понятным, почему рабыня должна была отдать своего ребенка женщине, а не мужчине. Кроме того, и предшествующий § 32 и последующий § 34 толкуют именно об отдаче детей для вскармливания и воспитания *ana tarbîtim* (первый из них толкует о ребенке свободного — *awêlum*, второй о ребенке рабыни — *amtum*), почему же между ними должен был вклиниться параграф, не имеющий никакого отношения ни к предыдущему, ни к последующему? Перевод Гётце слова *i-ta-ar-ru-û-šu* как 'заботиться' тоже является неудачным. В соответствии с § 32 здесь дана форма глагола I₂ от *warû* 'уводить'.

Таким образом, § 33 устанавливает безусловное право собственности рабовладельца на детей его рабынь. В данном случае речь идет о рабыне, отдавшей своего ребенка без ведома ее хозяина на воспитание свободной женщине. При этом она обманула рабовладельца (*u-sa-ar-ri-ir-ma*). Закон гласит, что хозяин рабыни может забрать ее ребенка в любое время и в любом возрасте, даже если ребенок успел стать взрослым. Ему следует только опознать его (*i-mar-šu*), т. е. доказать, что это ребенок его рабыни.

Очень тесно связаны между собой §§ 34 и 35; возможно, что они составляют один параграф, а не два. Они толкуют о случае, когда дворцовая рабыня (*amat êkallim*) отдала своего сына или свою дочь на воспитание мушкенуму. Закон устанавливает право дворца забрать своего раба, а виновного подвергает штрафу в размере стоимости раба.¹

Большие трудности содержат в себе §§ 36, 37. Они толкуют, очевидно, о степени ответственности домохозяина за доверенные ему, но затем пропавшие или украденные вещи. Решение таково: если пропали только вещи, отданные на хранение, но полностью сохранились вещи самого домохозяина и, к тому же, дом не был поврежден, то домовладелец отвечает за пропажу, случившуюся в его доме. Если же вместе с доверенными ему вещами пропали вещи и самого домовладельца, то последний отделяется клятвой.²

§ 38 толкует о преимущественном праве на покупку наследственной доли своего брата. Закон устанавливает, что он должен уплатить

¹ Иначе Майлз и Гарней (см.: АОJ, XVII, 2, стр. 174 и сл.).

² Размеры настоящей статьи не позволяют подробнее остановиться на этих параграфах, хотя они вполне этого заслуживают. Ср., однако, КХ, § 125; ср. также: АОJ, XVII, 2, стр. 174 и сл.

среднюю (qablit)¹ цену между высшей и низшей, которую предлагают другие. Полагаем, речь идет о недвижимом имуществе (земле, постройках и т. д.). Едва ли этот закон мог распространяться и на движимое имущество.

Интересен § 39. Из него видно, что Билалама, как позднее Хаммурапи, делает попытку защитить интересы рядовых представителей свободного населения и в какой-то мере воспрепятствовать их отрыву от средств производства. В данном случае законодатель предусматривает преимущественное право на покупку дома² того, кто прежде продал его по нужде. Из термина *i-ra-tar*³ ('он может выкупить') видно, что цена должна остаться на уровне той, за которую он сам некогда продал свою усадьбу.

§ 40 толкует о покупке краденого. Закон гласит, что если кто-нибудь купит раба, рабыню, скот или другое движимое имущество, то он обязан указать человека, у которого он купил это. Если же он не может назвать продавца, то он считается вором, со всеми вытекающими отсюда последствиями.⁴

Значительные трудности имеются в § 41. Во-первых, неизвестно, как нужно понимать термины *ubârum*, *pa-ap-ta-rum* и *mu-du-û* в данном контексте. Интерпретация термина *ubârum*, данная Майлзом и Гарнеем⁵ как „чужеземный поселенец“, едва ли приемлема, ибо настоящий параграф толкует несомненно о каких-то льготах, предоставляемых лицам, скрытым под этими терминами, и включать сюда чужеземцев невозможно. Что значит *par-tarum* в данном контексте, трудно сказать.⁶ Термин *mudû*, может быть, следует переводить как 'ученый' от корня *jd* 'знать'. Во-вторых, не ясна интерпретация самого параграфа. Майлз и Гарней полагают, что речь идет о какой-то ренте, получаемой упомянутыми лицами, причем глагол *inaddišum* они толкуют в том смысле, что шинкарка, продавая им пиво, не имеет права брать с них дорожку обычной цены. Кроме того, *inaddin* в строке 30 они отказываются перевести как 'продавать', так как тут нет *ana kaspim* 'за серебро'.

¹ *qa-ab-li-it* имеет также значение 'половина'. Отсюда перевод Гётце 'он должен заплатить половину от того, что заплатили бы другие'. Однако трудно себе представить, чтобы брат, продающий свою долю наследства, должен был бы потерять половину ее стоимости, если только другой брат изъявит желание купить ее. Поэтому переводим *qablit* не как 'половину', а как 'среднюю'. Трудно согласиться с Гётце и в том, будто речь идет о неразделенных братьях, ибо ничего подобного в самом тексте нет. Кроме того, *zîttu* обозначает наследственную долю вообще, независимо от совместного или раздельного хозяйничания братьев; *zîttu* обычно противопоставляется *šîamâtum* — покупное имущество.

² „Дом“ здесь в смысле „усадьбы“, т. е. с земельным участком.

³ Ср. КХ, § 119, где речь идет о праве выкупа рабыни, родившей детей.

⁴ Весьма сходное установление, но более подробное, имеется в КХ, § 9.

⁵ АОJ, XVII, 2, стр. 147 и сл.

⁶ Ср. ЗБ, § 36.

Но *ana kaspim* отсутствует и в строке 31, тем не менее они переводят *inaddin* как 'продавать'.¹

Поэтому настоящий параграф должен быть интерпретирован следующим образом. Вышеназванные лица (*ubârum parṭarum* и *mudû*) по высокому положению, которое они занимали в обществе, не могли лично участвовать в торговле алкогольными напитками. И закон обязывает шинкарку продавать принадлежащее им пиво (или сикеру) по обычной цене (*ma-ḫi-ra-at i-la-ku*). Иначе говоря, шинкарка не должна наживаться за их счет.

§§ 42—47² толкуют о членовредительстве. Характерной особенностью здесь является то, что, в отличие от КХ (§ 196 и сл.), ЗБ не делают различия между мушкенумом и авелумом и, кроме того, они не придерживаются принципа талиона даже в отношении высшего сословия — авелума. За членовредительство виновный подвергается различным денежным штрафам, в зависимости от характера причиненного повреждения. Таким образом, в ЗБ за членовредительство, причиненное авелуму, виновный подвергается только штрафу, подобно тому, как в КХ за членовредительство, причиненное мушкенуму.

Трудно судить о § 48, так как часть текста разбита. Майлз и Гарней³ считают, что гражданские дела с суммой иска до одной мины (серебра?) подсудны обычному суду, а уголовные — только царю. Но остается непонятным, кто должен разбирать гражданские дела с суммой иска, превышающей одну мину, а также мелкие гражданские дела с суммой иска ниже 1/3 мины серебра?

§ 49 толкует о случае, когда кто-нибудь был пойман с краденым рабом или рабыней, виновный обязан уплатить штраф в размере 100% их стоимости.⁴

Ряд трудностей заключен в § 50, хотя общий смысл его ясен. Речь идет о поимке беглых рабов или пропавших животных. Поймавший не должен задерживать их в своем доме дольше установлен-

¹ Ср. ЗБ, § 38, где в табл. А также отсутствует *ana kaspim*, но речь определенно идет о продаже; ср. также ЗБ, § 39, строка 27, где также отсутствует *ana kaspim*, но где речь идет опять-таки о продаже.

² К интерпретации § 47 ЗБ ср. § 206 КХ.

³ АОJ, XVII, 2, стр. 147 и сл.

⁴ Соден (АОJ, XVII, 2) предлагает читать (строка 5) ^{sg}wardum ^{sg}wardam *amtum amtam i-re-ed-di* ('раб должен привести раба, рабыня — рабыню'), подчеркивая этим штраф, который виновный обязан уплатить. Однако нет оснований сделать раба и рабыню грамматическими субъектами и превратить их, таким образом, в активные, действующие лица. Раб всегда пассивен. Он рассматривается только как вещь. А штраф и без того виден из употребления глагола *redû*, иначе были бы употреблены обычные в таких случаях глаголы *twr* (возвратить) или *r'b* (возмещать). Майлз и Гарней (АОJ, XVII, 2) полагают, что виновный не рассматривается как вор, поскольку он не подвергается смертной казни, как в КХ (§ 9). Но в ЗБ действует другое право, чем в КХ, мы имели случай неоднократно убедиться в этом.

ного срока, так как это будет считаться кражей. Виновному, в таком случае, придется иметь дело с дворцом.

Но здесь не все ясно. Во-первых, непонятно, почему законодатель перечисляет только чиновников, но оставляет в стороне остальных граждан Эшнуны. Во-вторых, что это за чиновники? Каковы их обычные функции? Имеются также и разночтения. Так, знаки первой строки ŠA. NAM. ID Гётце читает *ša piḫat nârim*, а Соден *ša-pir nârim*. Поэтому перевод этого параграфа дается различный, и количество лиц, перечисленных в параграфе, расходится.

Исследователи расходятся в мнениях и относительно срока, в течение которого можно безнаказанно держать в своем доме беглых рабов и пропавший скот. Так, словосочетание *ûmi^{mi} si-be war-ḫum 1^{kam}* Гётце переводит 'семь дней одного месяца', а Соден — 'семь дней (или) один месяц'. Оба перевода кажутся неподходящими. Если бы речь шла о семи днях, как думает, очевидно, Гётце, то слова *warḫum 1^{kam}* окажутся совершенно лишними. Можно было просто сказать *ûmi^{mi} si-be* и все. Интерпретация же Содена как „семь дней (или) один месяц“ также неприемлема. В тексте нет слова „или“, и всюду, когда речь идет о сроках, они обычно устанавливаются точно, и нет основания думать, что здесь имеется исключение, тем более, что разница между семью днями и целым месяцем слишком велика. Поэтому предлагаю перевод 'семь дней и один месяц', т. е. 'месяц и семь дней'.

Что касается слова *te-ir-tim* (строка 2), то произвожу его от корня *twr* 'возвращать' и полагаю, что имелся целый ряд официальных лиц, ведавших возвратом беглых рабов и пропавших животных. Отсюда такой оборот: „*be-el te-ir-tim ma-la i-ba-aš-šu-ú* 'всякий господин возврата, какой только имеется'.

Из §§ 51—52 видно, что в царстве Эшнуны рабов, обычно, клеймили и без охраны¹ не пропускали за городские ворота.

§§ 53—57 устанавливают ответственность хозяина за вред, причиненный его бодливым быком или укусом его собаки. Во всех случаях виновный уплачивает денежный штраф.

Иначе подходит законодатель к вопросу о ветхой стене в § 58. Если хозяин был своевременно поставлен в известность, что принадлежащие ему стены могут рухнуть, но он не принял мер предосторожности и не укрепил их, то тогда, если стена рухнула и погубила представителя высшего сословия (?) (*mâr [awêlim (?)]*), это является уголовным делом, подлежащим рассмотрению на основании царских установлений (*ši-im-da-at šar-ri-im*).

¹ *mâr šipri* (обычно: гонец) в данном случае, может быть какое-то официальное лицо, на обязанности которого лежала охрана рабов в пути и поимка беглых рабов; ср. E. K l a u b e r. *Assyrisches Beamtentum*. Leipzig, 1910, стр. 91—92, где беглые рабы, должны быть доставлены *mâr šipri* (гонцом?) наследнику царя.

Последний из сохранившихся параграфов, § 59, толкует о разводе. Согласно ЗБ, бросить жену можно было только ценой потери всего принадлежащего мужу имущества как недвижимого, так и движимого. Это опять-таки подтверждает наше предположение о сильных пережитках материнского права в эту эпоху.¹

Подводя итог сказанному выше, необходимо отметить следующее.

Один только беглый обзор вновь найденных в Ираке законов Билаламы показывает, что они представляют собой большой интерес не только для истории права, но и для истории древнего Двуречья вообще и для истории развития социальных отношений в Месопотамии в частности.

Эпоха Исына и Ларсы, к которой эти законы относятся, непосредственно следовала за наиболее блестящей шумерийской династией — III династией города Ура. Различные памятники только что названной династии и особенно документы хозяйственной отчетности позволили в свое время советскому ученому академику В. В. Струве доказать рабовладельческий характер общественного строя на древнем Востоке. Он доказал, что рабовладельческая форма эксплуатации была преобладающей, причем именно в период III династии Ура впервые появляется институт рабства-должничества как один из весьма важных источников рабства. Он справедливо отверг ненаучную, антиисторическую, немарксистскую „теорию“ извечного феодализма на Востоке.

Рассматриваемые нами законы Билаламы обнаруживают дальнейшее развитие общественной, политической, социальной жизни, всех ее сторон в одном из древнейших очагов человеческой цивилизации — в аморейском царстве Эшнунне. Они лишний раз подтверждают правильность выводов советского ученого, сделанных им на основании материала шумерийских источников.

Уже один только факт составления этих законов в столь древнюю эпоху свидетельствует о весьма далеко зашедшем развитии общественных отношений, окончательно перешедших из первобытно-общинных в классовые, и о том, что обычное право, применявшееся ранее, стало теперь, в новых условиях, совершенно непригодным. Появилась необходимость в законодательной регламентации прав и обязанностей граждан в их отношениях к государству и друг к другу.

Характерная для рабовладельческого строя частная собственность на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину, получила ныне столь широкое распространение, что она нуждается в защите закона. Это было тем более необходимо, что, с одной стороны, пережитки общинного строя не могли еще не сказываться, и, стало быть,

¹ Ср. САЗ, согласно которым муж может просто выгнать свою жену, не дав ей ничего; ср. также: Л. А. Липин. Ассирийская патриархальная семья. Л., 1949.

частная собственность, развившаяся к началу второго тысячелетия до н. э., должна была охраняться законом от посягательств на нее со стороны общин. А что такое посягательство могло иметь место, с несомненностью свидетельствуют широко известные памятники времени Урукагины. С другой стороны, крупные рабовладельцы, с их поистине ненасытным аппетитом к грабежу, отрицали не одну только общинную собственность, ставшую для них неисчерпаемым резервом наживы, но и собственность мелких землевладельцев и рабовладельцев. При этом, опираясь на свое экономическое могущество, они не останавливались и перед диким произволом и перед прямым грабежом. Параграфы ЗБ (§§ 22—24), запрещающие ростовщику врываться в дома мелких рабовладельцев и представителей покоренного населения (мушкенумов) и хватать все, что ни попадет под руку, в том числе и людей — рабов и даже членов семьи бедняка, — свидетельствуют о наличии такого произвола и о том, что такой произвол не был уж очень редким явлением. А статьи законов, сурово карающие за хищение, устанавливают отныне неизбежность принципа священности и неприкосновенности частной собственности — и крупной и мелкой.

Наличие в законах Билаламы статей, устанавливающих твердые ставки ссудного процента за денежную и натуральную ссуду (20% за серебро и 33 $\frac{1}{3}$ % за зерно), показывает настолько большой рост ростовщичества, что государственным законодательством пришлось оградить несколько интересы основной массы граждан Эшнунны от слишком уж ретивых ростовщиков. Не подлежит никакому сомнению, что деятельность ростовщиков приводила к массовому отрыву непосредственных производителей от средств производства, к потере ими средств существования, к появлению батрачества как массового явления. Батрачество, впервые появившееся еще при династии Аккада, теперь расцвело пышным цветом и стало уделом многих и многих граждан Вавилонии. Вот почему законодатель оказался вынужденным рядом статей законов регламентировать отношения между работодателем и наемником, ставшим теперь одиозной фигурой в долинах рек Евфрата и Тигра, установить минимальные ставки наемной платы, которая обеспечила бы минимум средств существования наемнику и его семье. Иначе большие массы жестоко эксплуатируемых батраков могли стать опасной силой и угрожать самому существованию рабовладельческого государства Эшнунны.

Огромный размах принимает рабство. Известно, что в период III династии Ура существовали уже специальные лагеря для рабов из военнопленных. Эти лагеря справедливо в советской литературе получили наименование лагерей смерти.¹ Ко времени Билаламы количество

¹ См., например: акад. В. В. Струве. Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тысячелетия до н. э. Вестник древней истории, № 3, 1952, стр. 12 и сл.

рабов еще более увеличилось. Немало этому содействовали и аморейское завоевание двуречья Евфрата и Тигра, и дальнейшее развитие долговой кабалы и рабства-должничества. При внутри- и внешнеполитической слабости и неустойчивости мелких государственных образований типа царства Эшнунны, пришедших на смену мощному объединению III династии Ура, нужны были решительные и действенные меры по обузданию больших масс рабов, скапливавшихся в крупных рабовладельческих центрах. И Билалама принимает ряд законодательных мер, которые должны охранять рабовладельцев от справедливой ярости рабов. Он устанавливает обязательное клеймение всех рабов и рабынь, которые тем или иным путем окажутся в пределах его царства. Эта мера должна была помешать рабам выдавать себя за свободных незнакомым лицам. Кроме того, в свободное от работы время, рабы и рабыни, очевидно, заковывались в кандалы. Такие меры предосторожности вполне понятны для общества типа эшнуннского. Вспомним, что и на финикийских галерах рабы-гребцы приковывались цепью к судну.

Одной из самых распространенных форм классовой борьбы рабов против рабовладельцев было бегство рабов. Это бегство, повидимому, приняло широкий размах, настолько широкий, что оно потребовало от рабовладельческого государства создания специальной организации по ловле беглых рабов. Непосредственно во главе этого ведомства в Эшнунне стоял начальник, носивший характерное название „хозяин возвращения“ (*Bêl târtim*). Но обязанность ловить беглых рабов лежала и на других ведомствах и должностных лицах. Борьба против беглых рабов была, в частности, обязанностью наместника (*šakkanākum*) а также начальника реки или пристани (*šâpir nârim*). С большой долей вероятности можно предположить, что ловля беглых рабов была также обязанностью всех граждан Эшнунны. Во всяком случае, через 200 лет такая обязанность всех свободных граждан зафиксирована в КХ (§§ 17, 18).

Огромное значение не только для царства Эшнунны, но и для всех других государств древней Месопотамии имел вопрос об отношении к покоренному, но не поработанному населению завоеванной страны — мушкенумам. Этот вопрос имел тем большую важность, что он при благоприятных условиях мог оказать решающее влияние на исход борьбы за внешнеполитическое преобладание. Нейтрализовать или даже привлечь на свою сторону многочисленное население завоеванных областей Шумера и Аккада — задача, стоявшая перед всяким мало-мальски опытным государственным и политическим деятелем. Вот причина того, что и в КХ и в ЗБ ряд статей посвящен защите жизни и имущества мушкенумов от посягательства на них со стороны полноправных граждан завоевателей.

Всегда во всех обществах немалую роль играли семейные отношения. Их регламентация, особенно в период борьбы уже патриархали-

зованной семьи с сильными еще в это время пережитками материнского права, также должна была содействовать консолидации и внутреннему упрочению рабовладельческого государства. И хотя в ЗБ еще можно обнаружить сильные пережитки матриархата, куда более сильные, нежели в КХ, не говоря уже об ассирийских законах, где не удается обнаружить даже их следов, необходимо все же подчеркнуть, что семейные отношения по ЗБ носят ярко выраженный патриархальный характер. Отец в это время уже, несомненно, стал общепризнанным главой семьи, руководителем ее хозяйства и, по существу, владельцем всех ее членов¹.

Статьи законов, устанавливающие твердые цены на предметы первой необходимости (§§ 1, 2), которые должны были оградить неимущие и малоимущие слои свободного населения от непомерных appetites тамкаров (торговых агентов) и купцов, свидетельствуют в то же время и о дальнейшем весьма значительном развитии товарного производства и денежных отношений, хотя последние, конечно, не стали и не могли еще стать преобладающими при натуральном характере хозяйства древневосточных рабовладельческих обществ.

Рабовладельческое общество Эшнуны, представленное в ЗБ, стояло значительно выше, нежели общество III династии Ура, но еще не достигло того уровня, который был характерным позже, в период I Вавилонской династии. Поэтому считаем возможным применить к обществу Эшнуны характеристику, впервые данную древневосточным рабовладельческим обществам академиком В. В. Струве,² который называет их полупатриархальными-полурабовладельческими.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Законы Билаламы, даря города Эшнуны³

Введение (табл. А, I, 1—7)

[.] день 21-й [.]
Билалама [.] царство города Эшнуны [.]
статую в доме своего отца [.] Супур-Шамаш [. . .] река
Тигр. Год 1-й, когда он страну завоевал оружием.

¹ См., например, § 17 законов, где отец выступает в роли „владельца“ или „хозяина“ своей дочери и где брак совершается путем покупки невесты и уплаты за нее тирхату (цены девицы).

² См. „Предисловие“ академика В. В. Струве к „Хрестоматии по истории древнего мира“ (т. I, 1950, стр. 9).

³ Здесь дан сводный текст на основании табличек А и Б. В связи с тем, что фотография табличек, представленная Гётце, которая только и была мне доступна, не всегда давала возможность сверки, мне нередко приходилось опираться на его

§ 1 (табл. А, I, 8—17)

1 гур¹ ячменя (должен продаваться) за один сикль² серебра. 3 сила³ хорошего елея (должны продаваться) [за] один сикль серебра. 1 сут⁴ и 2 сила елея (должны продаваться) за один сикль серебра. 1 сут и 5 сила свиного жира (должны продаваться) за один сикль серебра. 4 сат⁵ асфальта⁶ (должны продаваться) за один сикль серебра. 6 мин⁷ шерсти (должны продаваться) за один сикль серебра. 2 гура соли (должны продаваться) за один сикль серебра. 1? гур??⁸ (должен продаваться) за один сикль серебра. 3 мины меди⁹ (должны продаваться) за один сикль серебра. 2 мины очищенной(?) меди(?) (должны продаваться) за один сикль серебра.

§ 2 (табл. А, I, 18—20)

Эквивалент одной силы елея $\bar{\text{ša}} \text{ ni-is-ḥa-tim}^{10}$ — 3 сат ячменя. Эквивалент одной силы свиного жира $\bar{\text{ša}} \text{ ni-is-ḥa-tim}$ — 2 сат и 5 сила ячменя.

же автографию. Если в последней имеются погрешности против подлинника, то они получили отражение и в моем переводе. Замечания Майлза и Гарней (см.: *Archiv orientální. Journal of the czechoslovak oriental Institute*, vol. XVII, pars 2, Prague, 1949) и замечания Содена (см. там же) мною учтены. Поскольку мы оказались вынужденными использовать в равной мере обе таблички, А и Б, нам приходилось иногда менять нумерацию столбцов и строк. Порядок нашей нумерации таков. В начале каждого параграфа указываются номера столбцов и строк, использованных для перевода данной статьи таблички. Если текст сохранился в обеих табличках, мы даем двойную нумерацию. Например „§ 37 (табл. А, III, 18—23; Б, III, 1—6)“ означает, что перевод сделан на основании строк 18—23 столбца III таблички А и строк 1—6 столбца III таблички Б. Встречающиеся варианты отмечены в примечаниях. Если текст параграфа сохранился только в одной табличке, перевод, естественно, дается на основании сохранившегося текста этой одной таблички. Например „§ 1 (табл. А, I, 8—17)“ означает, что перевод дан на основании текста строк 8—17, столбца I, сохранившегося только в табличке А. То же и наоборот, когда текст сохранился только в табличке Б. В квадратных скобках даются восстановления разбитых и утраченных частей текста, а в круглых — необходимые разъяснения к переводу.

¹ 1 гур = 300 сила (ка) или 252.6 литра.

² 1 сикль = 8.4 г.

³ 1 сила = 0.84 литра.

⁴ 1 сут = 1/30 гура = 10 сила.

⁵ Сат — множественное число от сут.

⁶ Или, может быть, нефти; букв. 'речного масла (елея)'; Майлз и Гарней (ук. соч., стр. 180) считают, что $\bar{\text{šam}} \text{ nārim}$ — 'плавающая смола'.

⁷ 1 мина = 1/60 талавта = 60 сиклям = ок. 0.5 кг.

⁸ Начало 15 строки повреждено, и с достоверностью нельзя пока установить количество исчисляемого объекта, а два знака, следующие за единицей измерения и обозначающие исчисляемый объект, не поддаются чтению.

⁹ Отсюда видно, что серебро было дороже меди в 180 раз.

¹⁰ Значение термина $\bar{\text{ša}} \text{ ni-ḥa-tim}$ до сих пор не установлено, хотя он встречается не только в законах Билаламы, но и в других местах; ср., например, КХ, § 33 ($\bar{\text{šab}} \text{ ni-is-ḥa-tim}$).

Эквивалент одной силы древесного(?) масла $\text{\textcircled{a}}$ ni-is-ḥa-tim — 8 сила ячменя.

§ 3 (табл. А, I, 21—23)

Наемная плата за телегу с ее быками и ее погонщиком — 1 мас-сиктум¹ и 4 сат ячменя; если серебром, (то) ее наемная плата — $\frac{1}{3}$ сикля; вечером он ее должен пригнать.²

§ 4 (табл. А, I, 23—24)

Наемная плата за лодку — 2 сила (ячменя за) 1 гур (емкости); [а] наемная плата лодочника [X →]³ 1 сила (ячменя); вечером он должен ее пригнать.⁴

§ 5 (табл. А, I, 25—26)

Если лодочник был небрежен и утопил лодку, (то) он обязан воз-местить все, что он потопил.⁵

§ 6 (табл. А, I, 27—28)

Если человек возьмет у причала (?) лодку, ему не принадлежащую (то) он должен отвесить 10 сиклей серебра.

§ 7 (табл. А, I, 28—29)

Наемная плата жнеца — 2 сат ячменя; если серебром, (то) его наемная плата 12 ше.⁶

§ 8 (табл. А, I, 29)

Наемная плата сеяльщика — 1 сут ячменя.⁷

¹ Массиктум = 6 сат = 60 сила.

² Ср. КХ, § 17. Можно перевести также „целый день он может её гонять“.

³ Гётце (Sumer, IV, 2, стр. 96) восстанавливает поврежденную 24 строку следующим образом: „и х massikti 4 sat 1 qa“. В тексте, однако, судя по фотографии и автографии самого Гётце, можно с уверенностью прочесть только „1 qa“. Соден (см. Archiv Orientalni, XVII, 2, стр. 360 и сл.) предлагает читать либо „[2 s] at 1 qa“, либо „[1 s]ūt 1 qa“. Предпочитаю оставить лакуну с тем, чтобы читатель сам выбрал наиболее подходящий вариант. К сожалению, этот параграф сохранился только в табл. А.

⁴ Ср. КХ, § 17.

⁵ Ср. КХ, §§ 236—237.

⁶ $1 \text{ ше} = \frac{1}{180} \text{ сикля}$, $12 \text{ ше} = \frac{1}{15} \text{ сикля}$; таким образом, плата жнеца устанавливается в 2 сикля в месяц $\left(\frac{1}{15} \cdot 30 = 2\right)$. Плата натурой = 2 гурам ячменя в месяц.

Это вполне согласуется с перечнем цен в § 1.

⁷ Имеется в виду 1 сут ячменя за 1 день работы; zaḡû может означать и 'веальщик'.

§ 9 (табл. А, I, 30—34)

За уборку урожая человек должен платить наемнику 1 сикль серебра; если он¹ не выполнил своих обязанностей² и неполностью убрал ему³ урожай, (то) он [должен отве]сить 10 сиклей серебра. 1 сут и 5 сила (ячменя) он может получить в качестве платы и должен удалиться, [а ячмень], елей и одежду он должен вернуть.

§ 10 (табл. А, I, 34—35)

Наемная плата (за) осла 1 сут ячменя и наемная плата его погонщика 1 сут ячменя; вечером он его должен пригнать.⁴

§ 11 (табл. А, I, 36—37)

Наемная плата наемника 1 сикль серебра; 1 массиктум⁵ ячменя — его пропитание. Он обязан работать⁶ 1 месяц.

§ 12 (табл. А, I, 37—40; Б, I, 1—3)

Человек, который будет схвачен днем в поле мушкенума среди насаждений,⁷ должен отвесить 10 сиклей серебра. [Тот, кто] будет схвачен [ноч]ью среди насаждений, должен умереть, он не должен оставаться жить.

¹ Т. е. наемник.

² *ri-su lâ ú-ki-il* букв. значит: 'голову его он не держал'. Это словоупотребление имеет обычно идиоматическое выражение с разным смыслом в отдельных случаях. Однако до сих пор это выражение не встретилось мне с подобным значением. Тем не менее полагаю, что в данном случае перевод Гётце — *he does not fulfil his obligation* — весьма близок к истине.

³ Т. е. работодателю.

⁴ *ka-la úm^{mi} i-ri-de-šu* можно перевести также 'целый день он (т. е. погонщик) должен его (т. е. осла) гонять'.

⁵ В тексте слово *massiktum* опущено: Гётце в своей транскрипции ошибочно пропустил и „*l še*“, но в переводе дает: „his provender is 1 grain (of silver)“, из чего видно, что Гётце понимает „*l še*“ как меру веса серебра. Соден (ук. соч.) высказал, однако, небезосновательное мнение, что здесь пропущено слово *massiktum*, и речь, таким образом, идет о ячмене, а не о серебре.

⁶ Здесь употреблен термин *i-la-ak*, что следует, очевидно, понимать как обязанность; ср. КХ (всюду), где *alâku* значит 'обязанность'.

⁷ Перевод *kurul(l)um* как 'насаждения' неокончательный. Гётце (ук. соч.) переводит его как посев (crop?); Соден (ук. соч.) думает, что его может быть следует перевести как 'камыш' (*Schilfart*?); Майлз и Гарней (ук. соч.) высказывают предположение, что *kurul(l)um* значит: огороженное место или загон. Ни один из этих переводов, в том числе и данный здесь, не может считаться окончательным; см. также: С. Bezold. *Babylonisch-Assyrisches Glossar*. Heidelberg, 1926, где *kurul(l)um* переводится как *Pflanze*. Но как бы ни перевести это неясное слово, характер совершенного преступления остается неопределенным.

§ 13 (табл. А, I, 41—42; Б, I, 4—7)

Человек, который [будет схвачен в доме муш]¹кенума в доме² днем [должен отвесить 10 сиклей серебра]. [Тот, кто будет схвачен в доме] ночью, [должен умереть, он не должен оставаться жить].

§ 14 (табл. Б, I, 8—9)³

Оплата гонца (?).⁴ (Если) он принесет 5 сиклей серебра, его оплата — 1 сикль, (если) он принесет 10 сиклей серебра, его оплата — 2 сикля.⁵

§ 15 (табл. Б, I, 10—11)³

Тамкар⁶ и шинкарка не должны принимать из рук раба или рабыни серебро, зерно, шерсть (и) елей даже на время.⁷

§ 16 (табл. А, II, 1; Б, I, 12)

Сыну человека, не поделив[шему (еще наследство)], и рабу нельзя дать займы]⁸.

¹ В квадратных скобках дан текст, сохранившийся только в табл. Б.

² Значительную трудность представляет собой повторение в тексте слов *ina bitim*. Мнение Майлза и Гарнея, что это ошибка, и вместо этих слов должны были стоять другие, мало вероятно, так как они повторены в обеих таблицах (А и Б). Поэтому может быть прав Гётце, также дающий им перевод. Но трудность повтора в этом несколько не снимается.

³ В табл. А здесь лакуна строк в 6—7, и перевод дается по тексту, сохранившемуся только в табл. Б.

⁴ Перевод условный. Знаки этой строки, по имеющейся фотографии и автографии, за исключением слова *awêlum*, не поддаются чтению. По смыслу слово „гонец“ является весьма подходящим.

⁵ Оплата гонца невероятно высока. Очевидно, здесь имеется в виду очень далекий путь, или, как думают Майлз и Гарней, путешествие связано с опасностью для жизни.

⁶ Тамкар — торговый агент.

⁷ В этом параграфе выражение *a-di ma-di-im* (или *a-di ma-ti-im*) представляет значительную трудность. Перевод Гётце „as an investment“ искусствен, и в других местах мы не встретим такого значения для *a-di ma-di-im*. Перевод Содена „in grösseren Menge“ также мало удовлетворителен, так как из рук рабов и рабынь нельзя было принимать не только большие ценности, но и малые. Поэтому читаю *a-di ma-ti-im*, а не *a-di ma-di-im* и перевожу как „на время“ или „до времени“, т. е. запрещается принимать что-либо из рук раба или рабыни даже на короткий срок, ибо они не правоспособны и не могут быть обладателями какой-либо собственности. Ср. КХ, § 7.

⁸ В квадратные скобки взяты слова, сохранившиеся только в табл. Б.

§ 17 (табл. А, II, 2—4; Б, I, 13—15)

Сын человека [должен принести тирхатум]¹ в дом т[есть]², если из них двоих³ о[дин] умрет, (то) <он⁴ должен вернуть деньги его владельцу>.

§ 18 (табл. А, II, 4—7; Б, I, 16—18)

<Если он взял ее (в жены), и она вошла⁵ в его дом, но⁶ лишь затем невеста> умерла, (то) все, что он⁷ принес,⁸ он не может унести; то, что сверх, он может забрать.

§ 18a (табл. А, II, 6—7; Б, I, 19—20)

(За) один сикль (серебра) он должен прибавить $\frac{1}{6}$ (сикля) и 6 ше процентов; (за) один гур (зерна) он должен прибавить 1 массиктум и 4 сат зерна процентов.

§ 19 (табл. А, II, 8—9; Б, I, 21—22)

Человек, который дает (в долг), может заставить должника отдать (долг) на току.

§ 20 (табл. А, II, 10—13)⁹

Если человек дал человеку¹⁰ [.] и снабдил¹¹ [его] зерном вместо серебра, (то) во время урожая он может забрать зерно с его процентами (из расчета) 1 массиктум (и) [4(?) сат(?)] (за каждый) гур.

¹ Тирхатум — выкуп.

² В квадратные скобки взяты слова, выкрошившиеся в табл. А, а в остроугольные — слова, пропущенные в табл. А.

³ Имеется в виду жених или невеста, а не тесть.

⁴ Т. е. тесть.

⁵ Здесь употреблен мужской род вместо женского, как в КХ.

⁶ Букв. 'либо же'. Интерпретация данного параграфа как филологическая, так и юридическая, весьма трудна, но размеры настоящей статьи не позволяют остановиться на них подробнее.

⁷ Т. е. жених.

⁸ Имеется в виду, очевидно, все, что он принес в качестве выкупа (тирхатум); см. предыдущий параграф. Таким образом, если невеста умерла до того, как она вошла в дом своего жениха, ее отец обязан вернуть выкуп. Если же она умерла после того, как поселилась у своего жениха, он теряет свой выкуп.

⁹ § 20 сохранился только в табл. А, в фрагментах.

¹⁰ Соден (ук. соч.) читает здесь awêlam; судя по автографии и фотографии Гётце, такое чтение вполне возможно. Однако это словупотребление является необычным для ЭБ (ср. §§ 19, 21, где слово awêlam отсутствует).

¹¹ Гётце читает i-te-wi-[šum], Соден i-te-pir-[šum]. По смыслу — лучше последнее. К сожалению, ни фотография, ни даже автография не дают возможности иметь собственное суждение на этот счет. Все выражение še-a-am a-na kaspim itêpiršum (или itêwišum) несколько необычно. še'am ana kaspim nadânim, вообще говоря, означает „продавать зерно за серебро“. Однако здесь речь идет, несомненно, о ссуде (или

§ 21 (табл. А, II, 13—15)

Если человек дал серебро в качестве *rāni*,(?)¹, (то) он может взять серебро с его процентами; 3[6 ше] (за один) сикль.²

§ 22 (табл. А, II, 15—18)

Есл[и] чел[овек], не име[я] за (другим) человеком никакого (долга),³ взял в залог рабыню (этого) чело[века], (то) хозяин рабыни должен произнести бо[жественную] клятву: „ничего за мной ты [не] имеешь“, и (тот) должен отвесить серебро в полное возме[щение] (за) рабыню.

§ 23 (табл. А, II, 19—21)

Если человек, не имея за (другим) человеком никакого (долга),³ взял в залог раб[ыню] (этого) человека, задержал залог в своем доме и затем убил, (то) он обязан хозяину рабыни дать двух рабынь.

§ 24 (табл. А, II, 22—25)

Если, не имея за ним никакого (долга),³ он взял в залог жену мушкенума или сына мушкенума,⁴ задержал залог в своем доме, а затем убил, (то) это — уголовное дело,⁵ залогоприемщик,⁶ который взял залог, должен умереть.

§ 25 (табл. А, II, 26—28)

Если человек обратился⁷ в дом тестя, а его [тест]ь дал ему соглашение⁸ (?), но затем [от]дал свою дочь [другому (?)], (то) отец дочери должен вернуть тирхатум,⁹ который он принял, в двойном размере.

займе), а не о продаже, что видно, между прочим, и из обусловленных процентов (33 $\frac{1}{3}$), совершенно неуместных при продаже. Может быть должник взял серебро, а обязался вернуть долг зерном?

¹ Характер займа, обозначенного как *rāni*, не ясен, *rānu* вообще значит: 'лицо', 'перед' и т. п.

² В тексте: „ $\frac{1}{6}$ сикля (= 30 ше) и [6 ше]“, что равняется 20%. Это обычный процент за серебро.

³ Букв. 'ничего'.

⁴ О значении термина „мушкенум“ см. выше, стр. 25 и сл.

⁵ Букв. 'суд жизни' или даже 'суд души'.

⁶ Т. е. мнимый кредитор или ростовщик.

⁷ Мне кажется, что глагол *šesû* (обычно 'кричать') в данном случае лучше всего перевести 'обращаться' (со словами или просьбой).

⁸ Глагол *kašû* (*ik-ši*) трудно переводится здесь. Соден (ук. соч.) считает, что *kašû* должен обозначать нечто вроде нанесения обиды, несправедливо обходиться и т. д.; он ссылается при этом на письмо, опубликованное Контено (*Contenuau. Kontrats et lettres d'assyrie et de babylonie*; см. *Textes cunéiformes du Musée du Louvre, Paris, t. XVIII, 1926, № 125, 20*). Но этот глагол почти не встречается, а такие значения, как „нанесение обиды“ или „несправедливости“, сюда явно не подходят. Раз отец невесты получил тирхатум (иначе нечего было бы удавивать), значит им было дано согласие на брак, которое он впоследствии (-та) нарушил.

⁹ О значении тирхатум см. выше, стр. 49, прим. 1. Ср. КХ, § 161.

§ 26 (табл. А, II, 29—31)

Если человек принес [тир]хатум за дочь человека, а затем другой (человек), не спросив ее отца и ее мать, поволок¹ ее и изнасиловал, (то) это — уг[оловн]ое дело, и он должен умер[еть].

§ 27 (табл. А, II, 31—34)

[Е]с[л]и человек взял в жены дочь ч[еловека, н]е спросив ее отца и ее мать и не зак[люч]ив [д]оговора и контра[кта]² с ее отцом и с ее матерью, (то) пусть она проживет в его доме хоть целый год, она — не жена (его).

§ 28 (табл. А, II, 34—37; Б, II, 1—2)

Если он, свое[време]нно³ заключив брачный договор и контракт с ее отцом и с ее матерью, взял ее в жены, (то) она — (его) жена. <В тот день, когда она [будет сх]вачена в лоне (другого) мужчины,⁴ она должна будет умереть, она не может быть оставлена жи[ть]с>.⁵

§ 29 (табл. А, II, 38—45; Б, II, 3—7)

Если человек б[ыл схвачен]⁶ при походе и отступлении,⁷ или же он был пленен грабителями и про[жил] в другой стране [. . .]⁸ дней

¹ Или, может быть, лучше „поташил“ (в тексте: mašāḫu).

² gir-ta-am — конечно имя существительное в винительном падеже, а не глагол. Точное значение этого слова пока неизвестно. Несомненно, однако, что оно очень близко по своему характеру со следующим за ним словом riksātum (здесь ‘брачный договор’); riksātum šakānum значит ‘заключать брачный договор’. Драйвер (цит. по статье: Майлз и Гарней, ук. соч.) сравнивает girrum с глаголом gaṛāru ‘прокатывать цилиндрическую печать’. Но порядок слов в параграфе говорит против такого утверждения, так как сначала надо составить документ, а уже потом ставить на нем печати, но не наоборот. Тем не менее, с указанными оговорками мы все же даем какой-то перевод этому слову, в отличие от Гётце, который предпочитает не только не давать ему никакого перевода, но даже никак не отмечает в своем переводе его наличие.

³ В тексте параграфа после традиционного šumma („если“) какой-то поврежденный знак, который Гётце читает ul. Но чтение ul не дает здесь никакого смысла. Поэтому правы, очевидно, Соден (ук. соч.) и другие, которые читают U[D. BI]=i-ina ūmišu (‘тогда’, ‘в свое время’ и т. п.). Отсюда и мой перевод ‘свое[време]нно’.

⁴ В тексте: awēlum. Здесь лучше всего ‘мужчина’, а не ‘человек’.

⁵ Текст, взятый в остроугольные скобки, сохранился только в табл. А, в табл. Б его не было.

⁶ Полагаю, что прав Соден (ук. соч.), восстанавливающий строку 39 [t-ta-aš-ba-at]. Во всяком случае, такое восстановление дает вполне удовлетворительный смысл.

⁷ Гётце читает конец 38 строки и начало 39, как še-e[h-tim] ū sa-ak-pi-im и переводит: „has been lost in a raid or an invasion“. Соден хочет читать šakbim, а не sakpim. Полагаю возможным перевести ḥarrān šeḥtim как ‘поход’ (см.: С. Bezold. Babylonisch-Assyrisches Glossar. Heidelberg, 1926), а sakpum ‘отступление’ (см. там же). И, если мы примем восстановление строки 39, данное Соденом, как i[t-ta-aš-ba-at], то получим совсем непохожий смысл.

⁸ Гётце, очевидно, восстанавливает в этой лакуне слово [ma-du-tim], это вытекает из его перевода: „for(long) days“. Соден отмечает, что в тексте не хватает места

а его жену взял (себе) другой (мужчина), и она родила (ему) сына, (то) когда он вернется (на родину), его жена обязана ве[рнуться к нему].

§ 30 (табл. А, II, 45—III, 2; Б, II, 8—10)¹

Если человек, возненавидев свое поселение и своего господина, убежал,² а другой взял (себе) его жену, (то) когда он³ вернется, он не сможет предъявить претензий в отношении своей (бывшей) жены.

§ 31 (табл. Б, II, 11—12)

Если человек изнасиловал⁴ чью-нибудь⁵ рабыню, (то) он должен отвесить $\frac{1}{3}$ мины серебра,⁶ а рабыня принадлежит только своему хозяину.

§ 32 (табл. А, III, 3—5; Б, II, 13—15)

Если человек отдал своего сына для вскармливания и воспитания, но в течение трех лет не дал (кормилице) ее зерна, ее ел^{ея} и ее шерсти, (то) он должен отвесить 10(?) мин за воспитание (своего) сына, а затем он сможет увести своего сына.⁷

§ 33 (табл. А, III, 6—9; Б, II, 16—18)

Если рабыня обманула (своего хозяина) и отдала своего сына дочери человека, (то даже) когда он вырастет, его хозяин может его опознать, схватить (и) увести.⁸

для трех знаков. Мне кажется, сюда следует привести еще один довод — ни в кодексе Хаммурапи, ни в ассирийских законах мы не встретим подобного выражения в таких случаях. Обычно устанавливается определенный срок для отсутствия мужа: один год или три года, но нигде мы не найдем выражения *ûmê mādâtîm*.

¹ Перевод настоящего параграфа дается на основании текста табл. Б, так как табл. А в этом месте сильно повреждена.

² В табл. Б: *it-ta-aḥ-bi-it*. Но *ḥ* следует здесь рассматривать как ³, иначе не будет смысла.

³ Т. е. первый муж.

⁴ В тексте так же, как в § 26 (строка 30) — *it-ta-qa-ab*, что буквально означает совершать половой акт.

⁵ Так перевожу слово *awêlim*.

⁶ $\frac{1}{3}$ мины = 20 сиклям, т. е. средней стоимости раба или рабыни в эпоху I Вавилонской династии.

⁷ По вопросу об интерпретации этого параграфа см. настоящую статью, стр. 35 и сл.

⁸ См. выше, стр. 36 и сл.

§ 34 (табл. А, III, 9—12; Б, II, 19—21)

Если дворцовая рабыня отдала своего сына или свою дочь на воспитание мушкенуму, (то) сына <или>¹ дочь,² которых она отдала,³ может забрать дворец.

§ 35 (табл. А, III, 12—13; Б, II, 22—23)

А также тот, кто взял (на воспитание) сына дворцовой рабыни, должен возместить дворцу его⁴ эквивалент.⁵

§ 36 (табл. А, III, 14—17; Б, II, 24—28)

Если человек отдал свое имущество на хранение⁶ трактирщику (?),⁷ и дом не был подкопан,⁸ порог не был вырван, окно не было разбито, а хранимые вещи, которые он ему⁹ дал, пропали, (то) он¹⁰ обязан возместить (пропавшее) имущество.

§ 37 (табл. А, III, 18—23; Б, III, 1—6)

Если дом человека обрушился,¹¹ (и) вместе с хранимыми (вещами), которые он ему¹² дал, пропали¹³ вещи¹⁴ домовладельца, (то) домовладе-

¹ В остроугольные скобки взято слово, пропущенное в табл. А.

² В табл. Б слово *mārtum* 'дочь' стоит в именительном падеже, что вытекает из фонетического компонента (*mārtum^{um}*).

³ Как всегда в ЗБ, здесь употреблен мужской род вместо женского.

⁴ Т. е. сына рабыни.

⁵ Майлз и Гарней считают, что „и“, с которого начинается параграф, следует перевести как „или“, усматривая здесь альтернативу: либо дворец забирает ребенка (§ 34), либо мушкенум, взявший его, может заплатить дворцу его стоимость, а ребенка оставить у себя. При этом в слове *liqū* они видят технический термин для усыновления. Однако речь идет об отдаче детей на воспитание (ср. § 32, где это не вызывает сомнений), а не в усыновление. *tar-bi-tum* значит 'воспитанник' (букв. 'выращенный'), а не 'усыновленный'. Что же касается уплаты стоимости ребенка, то это штраф за оказанную помощь рабыне, укрывающей своего ребенка от ее владельца—дворца.

⁶ Гётце переводит *maṣṣartum* как 'заклад', но для заклада употребляется в ЗБ другой термин, а именно *niṣutum* (ср. хотя бы §§ 23, 24).

⁷ Перевод слова *paṣṣarum* как 'трактирщик' условен. Ср. § 41, ср. также: Соден, АОJ, XVII, 2, стр. 372.

⁸ *Palāšu* букв. 'сделать отверстие, дыру'.

⁹ Т. е. трактирщику.

¹⁰ Т. е. трактирщик.

¹¹ В тексте перед словом *imqut* стоит *lu-ū*. Гётце переводит его как 'действительно' (indeed). Но контекст здесь не требует никакого подтверждения. Усмотреть в этом *lū* альтернативу („либо“) тоже нельзя, поэтому я оставляю это *lū* без всякого перевода, вполне сознавая эту трудность; невозможно считать его и лишним, так как это *lū* содержится в обеих таблицах. Майлз и Гарней (ук. соч.) полагают, что здесь выпал один параграф, имевшийся в оригинале, с которого наши законы были скопированы.

¹² Т. е. трактирщику.

¹³ Или „погибли“, *ḫalāqu* имеет и такое значение.

¹⁴ В тексте *ḫu-lu-iq* — букв. „пропажа“. Это обычное для семитических языков выражение — „пропажа пропала“, „дарением одарил“ и т. п.

лец должен произнести божественную клятву у врат бога Тишпака: „Вместе с твоим имуществом пропало и мое имущество, (ничего) фальшивого(?) и дурного я не совершил“ — (так) он должен ему произнести, и тот ничего за ним не имеет.¹

§ 38 (табл. А, III, 23—25; Б, III, 7—9)

Если один из братьев хочет продать за серебро² свою долю (наследства), а его брат хочет (эту долю) купить, (то) он должен заплатить³ (цену) среднюю (с) другими.⁴

¹ Настоящий параграф, а также предыдущий (36), содержат в себе ряд трудностей. Неясно — это два тесно связанных между собой параграфа или же их следует понимать как один. Далее, что значит в данном контексте слово *imqut* (строка 18)? *maqātu* обычно переводят 'обрушиваться', 'падать', как дано в нашем переводе. Но в таком случае в § 37 трудно обнаружить какую-либо органическую связь с § 36, так как там речь идет о пропаже вследствие хищения. Может быть *maqātu* имеет тут другое значение, нечто вроде 'взламывать', 'проламывать' и т. п. Майлз и Гарней интерпретируют эти параграфы следующим образом: А сдал вещи на хранение Б. Вещи пропали или были украдены (*iḥṭaliq*) без взлома, подкупа и т. п. В этом случае Б обязан возместить А убытки, связанные с пропажей его добра. Если здесь имела место ссуда, то последняя вычитается из суммы компенсации (§ 36). А сдал вещи на хранение Б. Был совершен взлом и пропали вещи как А, так и Б. Последний отделяется клятвой в том, что он к пропаже не причастен и что похищены его собственные вещи (§ 37). Однако не все еще ясно. Во-первых, КХ (§ 125) устанавливает ответственность домовладельца за принятые им на хранение вещи во всех случаях, не делая различия — пропало ли и его добро или нет. Во-вторых, в § 36 толкуется о случае, когда не только не пропали вещи самого домовладельца, но не было и взлома. Кроме того, поскольку в точности неизвестно, что такое *parṭarum*, трудно решить, идет ли речь об отдаче вещей на хранение или же о закладе. Наконец, *halāqi*, означающее обычно 'потеряться', 'пропадать', в некоторых случаях имеет в виду пропажу вследствие хищения (ср. КХ, § 125, где домовладельцу предлагается найти воров и забрать от них пропавшие вещи). Но для § 37 такой перевод не совсем подходит потому, что вещи ведь погибли в результате обвала дома (*imqut*).

² Слова „за серебро“ имеются только в табл. Б.

³ Букв. 'восполнить'.

⁴ Гётце переводит *qa-ab-lit* как 'половину'. Отсюда его перевод получает совершенно иной смысл. Нам, однако, кажется, что его перевод лишен оснований. Трудно себе представить, чтобы законодатель заставил кого-либо продать свою долю наследства за полцены, если только эту долю хочет купить брат продавца; *qa-ab-li-it* означает еще и 'середину'. И в целом мы понимаем настоящий параграф следующим образом. Один из наследников хочет продать свою долю наследства; покупателей много, и цены они предлагают различные. Но если эту долю хочет купить брат, то он не обязан заплатить высшую цену из предлагаемых, а только среднюю между высшей и низшей, предлагаемой посторонними покупателями. При такой интерпретации брат пользуется преимуществами по сравнению с чужими, но он все же должен заплатить подходящую цену.

§ 39 (табл. А, III, 25—27; Б, III, 10—11)

Если человек ослабел¹ и продал свой дом за серебро, (то), когда покупатель будет (его пере)продавать, (прежний) хозяин дома может (его) выкупить.

§ 40 (табл. А, III, 28—29; Б, III, 12—13)

Если человек купил раба, рабыню, быка или всякую (другую) покупаемую вещь, но не может установить продавца, (то) он — вор.²

§ 41 (табл. А, III, 30—31; Б, III, 14—16)

Если убарум,³ наптарум⁴ и муду⁵ хочет продать свою сикеру,⁶ (то) шинкарка обязана продать ему⁷ (его) сикеру по ходовой цене.

§ 42 (табл. А, III, 32—34; Б, III, 17—20)

Если человек укусил нос человека и отрезал⁸ (его), (то) он должен отвесить 1 мину серебра; (за) глаз — 1 мину, (за) зуб — $\frac{1}{2}$ мины; (за) ухо — $\frac{1}{2}$ мины; (за) пощечину он должен отвесить 10 сиклей серебра.

§ 43 (табл. А, III, 35—36; Б, III, 21—22)

Если человек отрежет палец человеку, (то) он должен отвесить $\frac{1}{3}$ мины серебра.

§ 44 (табл. А, III, 36—37; Б, III, 23—24)

Если человек толкнул⁹ (?) человека [в драке (?)] и сломал [ему]¹⁰ руку, (то) он должен отвесить $\frac{1}{2}$ мины серебра.

§ 45 (табл. А, III, 38; Б, III, 25)

Если он сломал ему¹¹ ногу, (то) он должен отвесить $\frac{1}{2}$ мины серебра.

¹ Имеется в виду — ослабел экономически, т. е. обнищал.

² Ср. КХ, § 9, где обсуждается сходная ситуация. Очевидно, что покупка движимого имущества совершалась в ту эпоху без документа и свидетелей.

³ Термин „убарум“, во всяком случае в данном контексте, не переводим. См. также соответствующее место в статье.

⁴ Ср. ЗБ, § 36.

⁵ Муду может быть 'ученый' от *jd* 'знать'.

⁶ *šikarum* — какой-то хмельной напиток, может быть пиво.

⁷ Продать „ему“ в смысле „для него“, „за него“, „вместо него“ и т. д. Ср. выше, стр. 38.

⁸ Т. е. откусил. К ЗБ, § 42 и сл. ср. КХ, § 196 и сл.

⁹ Глагол *sakānu* вообще означает 'заботиться', 'хлопотать' и т. п., по данному контексту обычные значения никак нельзя признать подходящими.

¹⁰ Букв. 'его'.

¹¹ См. прим. 10.

§ 46 (табл. А, III, 39—40)

Если человек ударил человека и сломал ему¹ [.], (то) он должен отвесить $\frac{1}{3}$ мины серебра.

§ 47 (табл. А, III, 40—41)

[Ес]ли человек (?)² в [дра]ке³ человека, (то) он должен отвесить 10 сиклей серебра.

§ 48 (табл. А, III, 42—44; Б, IV, 1—3)

И в [. . ? . . ? . .] от $\frac{1}{3}$ мины до 1 мины [.] должны его подвергнуть⁴ суду; уголовные дела (должны направляться) только царю.⁵

§ 49 (Б, IV, 4—5)

Если человек будет пойман с краденым рабом (или) краденной рабыней, (то за) раба он должен привести (еще одного) раба, за рабыню — (еще одну) рабыню.⁶

§ 50 (табл. А, IV, 1—7; Б, IV, 6—10)⁷

Если наместник,⁸ управляющий рекой,⁹ (или) всякий ведающий возвращением поймает убежавшего раба, убежавшую рабыню, убежавшего быка (или) убежавшего осла, принадлежащих дворцу или мушкенуму,¹⁰ и не пригонит (их) в Эшнунну, а задержит в своем собственном доме,

¹ Букв. 'его'.

² По фотографии трудно прочесть это слово. Гётце, издавший ЗБ, читает „i-še-el“ и переводит hits (?) Однако глагол š'l не имеет значения 'ударять', 'бросать' и т. п. Поэтому я оставляю его без перевода.

³ Следует ли здесь читать [ri-is-ba]-tim, как предлагают Майлз и Гарней, трудно сказать. Судя по фотографии и автографии Гётце, там нехватает места для трех знаков. Ср. КХ, § 206, где это слово встречается, но с глаголом таhāšu 'ударять'.

⁴ Букв. 'они должны заставить его взять суд'.

⁵ Смысл настоящего параграфа неясен из-за его фрагментарности; см. также выше, стр. 39.

⁶ Ср. выше, стр. 39.

⁷ Табл. А здесь сильно фрагментирована.

⁸ Перевод šakkanākum как „наместник“ весьма условен. К сожалению, точное значение ряда терминов, обозначающих должностных лиц, до сих пор еще не установлено.

⁹ В тексте ŠA. NAM. ID, что Гётце читает: ša piḫat nārim, а Соден — ša-pir nārim. Подробнее об интерпретации данного параграфа см. выше, стр. 39 и сл.

¹⁰ В ЗБ слово muškēnum пишется MAŠ. KAK. EN, а не MAŠ. EN. KAK, как обычно, например в КХ. Характерным здесь является то, что защита интересов мушкенума одинакова с защитой интересов дворца. Подробнее см. выше в статье.

(то) по прошествии одного месяца (и) семи дней¹ дворец будет с ним разговаривать по поводу краденного.

§ 51 (табл. А, IV, 7—9; Б, IV, 11—13)

Раб и рабыня из Эшнунны, на которых наложены повязки, колодки и клейма, не должны выходить за ворота Эшнунны без их хозяина

§ 52 (табл. А, IV, 10—13; Б, IV, 14—16)

На раба и рабыню, которые вступили в Эшнунну, охраняемые гонцом, должны быть наложены повязки, колодки и клейма; они охраняются для их хозяина.²

§ 53 (табл. А, IV, 13—15; Б, IV, 17—19)

Если бык забодал (другого) быка и убил (его, то) цену живого быка и эквивалент убитого быка оба хозяина быков должны поделить (между собой).

§ 54 (табл. А, IV, 15—18; Б, IV, 20)

Если бык был бодливым, и (о его) пороке³ сообщили его хозяину,⁴ (но тот) не пригнул⁵ (голову) своему быку, и он забодал и убил человека, (то) хозяин быка должен отвесить ²/₃ мины серебра.

§ 55 (табл. А, IV, 18—19)

Если он⁶ забодал и убил раба, (то) он⁷ должен отвесить 15 сиклей серебра.

¹ ūmi^{mi} si-bé warḥum l^{ka}m ū-še-te(?) -iq-ma. Гётце читает ū-še-li-ik, но мне не известен ни один случай, когда глагол alāku 'ходить' применялся бы в сочетании со временем. См. также соответствующее место настоящей статьи.

² §§ 51—52 ЭБ приобретают особый интерес, так как они обнаруживают ряд деталей в рабовладельческом обществе древнего Двуречья.

³ В тексте: ba-ab-tum. Майлз и Гарней считают, что это нечто вроде двора для собраний у городских ворот, придавая такое же значение этому слову § 251 КХ. Однако и в КХ в § 251 ba-ab-ta-šu не может быть переведено иначе, чем порок; ср. „Хрестоматия древнего мира“, 1950, т. I, под редакцией акад. В. В. Струве, где слово babtum в КХ, § 251 также переводится 'порок'.

⁴ Далее текст дается только по табл. А.

⁵ Гётце читает ra-ši-ir, Соден ū-ši-ir, от šurru 'пригибать', 'склонять' и т. д.; полагая, что бодливому быку обычно притягивали веревкой голову к ноге, чтобы он не мог бодаться, читаю ū-ši-ir, воспроизводя этот глагол от корня šjr; ср.: С. В. Zold. Babylonisch-Assyrisches Glossar. Heidelberg, 1926, стр. 263; ср. также КХ, § 251, где употреблен глагол šarāmu.

⁶ Т. е. бык.

⁷ Т. е. хозяин быка.

§ 56 (табл. А, IV, 20—23)

Если собака (была) свирепа и (о ее) [по]роке¹ сообщили ее хозяину, но (тот) не охранял² свою собаку, и она укусила и умертвил[а] человека, (то) хозяин собаки должен отвесить $\frac{2}{3}$ мины серебра.

§ 57 (табл. А, IV, 23—24)

Если она укусила³ и умертвила раба, (то) он⁴ должен отвесить 15 сиклей серебра.

§ 58 (табл. А, IV, 25—28)

Если стена обветшала и (о ее) пороке⁵ сообщили владельцу стены, но (тот) не укрепил свою стену, и стена обрушилась и уб[ил]а сына [человека (?)], (то — это) уголовное⁶ дело, (решение) по закону царя.

§ 59 (табл. А, IV, 29—32)

Если человек, (у которого) родились сыновья, оставил свою жену и взял [др]угую, (то) он должен быть лишен⁷ дома и всего, что он [име]ет, [по]сле чего пусть идет за той, которую он [любит (?)].⁸

§§ 60, 61 (табл. А, IV, 33—37)

[.] дом [.] [.] [.]
[.] ? без [.] и [.] ? $\frac{1}{2}$ [.].

¹ См. прим. 3 на стр. 57.

² Гётце читает *is-ki-ip-ma*, а не *iš-šu-ur-ma*.

³ В тексте явно ошибочно *ik-ki-im-ma* 'она забодала' (от *pa-káru*) вместо *iš-šu-uk-ma* она укусила'.

⁴ Т. е. хозяин собаки.

⁵ См. прим. 3 на стр. 57.

⁶ Букв. 'душа' или 'жизнь', т. е. 'суд жизни', как в других местах 3Б, см. выше, стр. 50.

⁷ *in-pa-sa-aḥ-ma* букв. 'он должен быть исторгнут' (из дома и от всего, что он имеет).

⁸ Восстановление *i-[ra-am-mi]* кажется вполне подходящим.

ГРЕКО-СИРО-АРАБСКАЯ РУКОПИСЬ IX в.

В числе сокровищ, которые тщательно и любовно хранят библиотеки Советского Союза, имеется большое количество коллекций рукописей на восточных языках. Многие рукописи пользуются мировой известностью, они были описаны, опубликованы и введены в научный оборот учеными нашей родины. В коллекциях советских библиотек немало уникальных рукописей, значение которых трудно переоценить. Ряд восточных рукописей из книгохранилищ СССР легло в основу изданий, которыми пользуются во всем мире.

К числу ценнейших рукописей принадлежит и до настоящего времени оставшаяся неизвестной рукопись — полиглотта. Как материал, на котором она написана — пергамент, так и палеографические особенности указывают на ее более чем тысячелетнюю давность. Наличие в ней одновременно трех параллельных текстов — на греческом, сирийском и арабском языках — позволяет провести их сравнительное изучение.

Наша рукопись, вывезенная из Палестины более ста лет тому назад, во многих отношениях представляет выдающийся интерес и позволяет сделать новые выводы в области изучения истории языка и письменности народов Ближнего Востока.

Принадлежащая Всесоюзной Библиотеке им. В. И. Ленина, пергаментная рукопись № 432 содержит фрагменты греко-сиро-арабской псалтыри. На листе 26 имеется экслибрис: два скрещенных меча, полумесяц и три звезды. Вокруг щита лента с надписью: „omnia si perdas, animam servare memento“ („если все теряешь, помни о спасении души“), ниже другая надпись: „ex biblioth. Abrah. Noroff“. Рукопись, следовательно, принадлежала небезызвестному Аврааму Норову (1789—1869), который был министром народного просвещения в 1854—1858 гг.¹ Норов совершил путешествие по Ближнему Востоку, посетив в 1835 г. Сирию, Палестину, Нубию и Египет. В описании своего путешествия

¹ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, т. 41, стр. 375.

он сообщил, что, побывав в Иерусалиме, направился затем в находящуюся поблизости лавру Саввы, обычно называемую мар-Саба и расположенную на горном массиве. Здания обители, основанной около 450 г. и процветавшей в VI в., составляют „одно целое с дикой горой“. „Четырехстенная башня венчает темя главной скалы“, она состоит из необыкновенно твердых и толстых камней и носит название „Юстиниановой“ башни.¹ В этой башне Норов и нашел „нестройную груду“ рукописей и книг, выброшенных из монастыря за ненадобностью. „Обреченные тлению“, они вызвали „сожаление“ Норова, он стал их рассматривать и отобрал 15 славянских и „9 рукописей греческих“, которые и приобрел „как ненужные обители“.²

Описание славянских рукописей, привезенных Норовым, составил пользовавшийся широкой известностью ученый-славист А. Востоков (1781—1864).³

Греческие кодексы описал профессор С.-Петербургского университета эллинист Д. Попов (1780—1864). Из числа описанных рукописей № 2 (20) названа им „Григория Богослова речи праздничныя и изъяснение повестей“ — *Γρηγορίου Θεολόγου λόγοι πανηγυρικοί καὶ ἐξηγήσεις ὧν ἐμνήσθη ἱστορίῳν*. О ней Д. Попов пишет: „И эта рукопись не позже XV в., в лист, писана очень хорошо связными и скорописными буквами в два столбца“.⁴ Она была в переплете, причем „в начале рукописи вплетены четыре пергаменные же листа из весьма древней рукописи VIII в. или даже еще древнейшей Псалтыри на трех языках, на греческом, сирском и арабском“.⁵ Эти четыре листа полиглотты, в настоящее время уже отделенной от рукописи, содержащей речи Григория Богослова, хранятся в рукописном отделении Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина под № 432 каталога иностранных рукописей, где они записаны в следующих словах.

„№ 432. Отрывок из псалтыри на греческом, сирийском и арабском языках IX в. Рукопись in 4° (29×23 см) в виде 4 листов, вырванных из двух разных мест основной рукописи. Писана на пергаменте в три столбца с параллельным греческим, сирийским и арабским текстом. Листы частью подверглись действию воды. Сохранившиеся листы содержат текст псалмов 70₇₋₁₆, 73₁₋₁₁, 77₂₈₋₃₈, 79₉₋₁₆“.

Таким образом, ни подробного описания, ни анализа эта трехязычная рукопись не имеет.

¹ А. Норов. Путешествие по святой земле в 1835 г., ч. II, СПб., 1838, стр. 48.

² Там же, стр. 53.

³ А. Востоков. Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих г-ну Норову. Журнал Мин. нар. просв., 1836, ч. XI, стр. 529—551.

⁴ Д. Попов. Описание греческих рукописей, принадлежащих г-ну Норову. Журн. Мин. нар. просв., 1835, ч. XII, стр. 401—411.

⁵ Там же, стр. 411—412.

Описание полиглотты

Пергамент размером 29×23 см имеет несколько изношенные края. Предварительно развернутые листы были разлинованы чем-то острым. Наиболее вероятно, что эти черты наносились грифелем и только с одной стороны пергаменты.¹

Каждый лист имеет восемь продольных черт. С левой стороны одна черта отделяет поле, вторая, близкая к ней, проведена для вынесения заглавных букв.

Между сирийским и греческим, сирийским и арабским столбцами имеются по две черты, определяющие границы текстов. Справа начало арабского текста отделено также чертой, вторая параллельная ей и нанесенная симметрично греческому столбцу остается без особого назначения, так как арабский заглавных букв не имеет. Особенно отчетлива линовка на 2 листе (л. 2а). Для текста на каждом листе нанесено 35 линеек.

Рукопись написана в три столбца, из которых первый слева направо столбец греческий, второй сирийский, третий арабский. Все три столбца написаны одними и теми же чернилами черного, впадающего в коричневатый оттенок, цвета.

Сохранность рукописи прекрасная, несколько пострадали от воды листы 16 и 2а, но и они хорошо читаются. Текст всех трех столбцов дословно совпадает в строках и диктуется расположением первого греческого столбца.

Сохраняя построчное соответствие греческому тексту более убогие сирийский и арабский пропускали некоторые строки, для которых не имели соответствующих слов. Из общего расположения очевидно, что греческий текст писался первым, затем сирийский и последним арабский. Подтверждается это тем, что первоначальный пропуск в греческом и сирийском тексте третьего листа был обнаружен и исправлен. Арабский же столбец ни этой ошибки, ни поправок не имеет (л. 3а).

В левом углу на полях (лл. 1а и 2а) киноварью сделана звездочка. В правом углу листы пронумерованы греческими буквами. Фрагменты являются 15-м, ιε (л. 1а) и 17-м, ιζ (л. 3а) листами рукописи, которая, следовательно, составляла полную псалтырь.

Прекрасные, четкие почерки всех трех колонок указывают на то, что писцы в совершенстве владели своим каламом, и имеются все основания предполагать, что каждый из столбцов был написан другим писцом.

¹ Сравни. W. Wattenbach. Das Schriftwesen im Mittelalter. Leipzig. 1896, стр. 215.

Палеографические особенности и датировка полиглотты

Греческий текст полиглотты написан уставом, буквы которого совершенно не связаны между собой. Расстояний между словами нет. В ряде случаев перенос осуществляется так, что одна буква слова оставляется на предыдущей, а вся остальная часть переносится на следующую строку (ε — φητευσεν, α — παλοῦνται, л. 46; ἡ — μέγαν, л. 1а; ι — πι, л. 2а).

Почерк имеет общий наклон направо. Округлые буквы имеют овальный, вытянутый характер, с несколько заостренными концами, как ε, θ, ο, σ. Характерна форма ι в виде толстой наклонной и тонкой петли, θ в виде ϑ с тонкой перекладиной и δ с одной ножкой ρ. Μ имеет форму двух прямых, которые соединены удлиненной овальной. Все прямоугольные буквы сохраняют прямые углы, они пишутся с отрывом руки, как η, π, ν, γ.

Характерна форма ξ, верхняя часть которой представляет собой дужку, с обращенными вверх концами.

Прописные буквы в точности повторяют строчные по форме, но значительно превосходят их по величине. Каждый стих псалма начинается со строки и с прописной буквы, вынесенной за черту налево, по верхней линии большие буквы равняются со строчными, за счет своей величины они спускаются ниже строки.

Текст имеет придыхания и ударения, которые расположены систематически, хотя встречаются и отдельные пропуски. Обращает на себя внимание густое и тонкое придыхание в слове ἔκλυτο. Приписная иота отсутствует. В конце строки буква ν, как правило, помещается над предыдущей буквой в виде горизонтальной черты с незначительными утолщениями по краям (л. 1а καίρον, φυλάσσον — те; л. 16 τήν, παν — то; ἐνδιβάλλον — те; л. 2а αὐτῶν, καταπαύσωμεν; л. 3а αὐτῶν; л. 46 ἄμπελον). Так поступал писец и с некоторыми другими буквами, помещая их над предшествующей, в конце строки (л. 1а μη; л. 2а ὑπεράνω; л. 26 τέλος).

Лигатур письмо не имеет, за исключением дифтонга ου в конце строки в виде петли, два конца которой обращены вверх ϑ (л. 16 ἐρου), причем в этом случае лигатура помещена над μ (л. 16 μου; л. 46 σου). Имеется ряд сокращений, отмеченных титлом. Как обычно, сохранены начальные и конечные буквы слова: θεός — θς̄ (лл. 1а, 26, 36, 46); θεοῦ — θ̄ν (лл. 2а, 3а, 4а); θεόν — θ̄ν (л. 36); ὁόν — ὄ̄ν (л. 46); ὁόν ἀνθρώπου — ὄ̄ν ἀνθ̄ου (л. 46); οὐρανοῦ — οὐ̄νοῦ (л. 46); σωτηρίαν — σ̄ρίαν (л. 16) и σιᾶν (л. 26); Ἰσραὴλ ιη̄λ (л. 3а). Характер письма не изменяется и в более мелком почерке, которым писец сделал вставку двух пропущенных им строк (л. 3а).

Все перечисленные особенности греческого почерка полиглотты дают основание отнести его ко времени после VII в., когда унциальное письмо, где буквы писались отдельно друг от друга, пережило

переходное время и получило новые характерные черты. Этот переход уловил и точно определил первый исследователь греческой палеографии Монфокоп. Он указал на характерный для VIII и IX вв. переход к овальным, несколько заостренным формам округлых букв, на все более систематически поставленные придыхания и ударения.¹ Наметившийся в VII в. наклон почерка в VIII в. усиливается и становится отчетливым. Для того же VIII и IX вв. он считает характерным особое написание δ — ϕ и δ — ρ .² Наконец, типичным является изменение в написании ξ , как ξ или ξ и μ с удлинённой, овальной связующей линией, как в рукописи Дионисия Ареопагита, относящейся к VIII или IX в.³ Эти отличительные черты, характеризующие новые формы унциального письма,⁴ имеются и в нашей рукописи.

Однако представляется возможным еще более точно датировать нашу рукопись, так как греческий столбец обличает разительное сходство с датированной 862 г. псалтырью, открытой Порфирием Успенским (хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде, греческ. № 216, собр. Порф. Успенского).⁵ В отчете Публичной библиотеки за 1883 г. в „Описании датированных греческих рукописей Порфириевского собрания“ В. К. Ернштедт писал о ней: „Псалтырь, уставного письма 862 года, в 8 д. л. на 349 листах. Древнейшая из известных доселе греческих уставных рукописей с годом написания. (Греч. № CCXVI)“. Общее сходство греческого столбца полиглотты с рукописью 862 г. во всех палеографических деталях настолько велико, что может быть поставлен вопрос не только о точной дате рукописи, но и о том, не вышли ли обе рукописи из одного скриптория или не могли ли иметь скриптории, в которых они были написаны, общей школы, общей рукописной традиции. Такого рода предположение может быть обосновано и подтверждено рядом данных. Сличение греческого столбца нашей рукописи с соответствующим текстом рукописи № 216 дает также полное совпадение текста. Начало каждого стиха дано совершенно одинаково, с новой строки и заглавной буквы, а сходство почерков подчеркивает это особенно сильно. Сличение было сделано со следующими листами рукописи № 216:

Полиглотта, л. 1а—б	Рукопись № 216, л. 143б—145а
„ л. 2а—б	„ „ „ л. 152а—153б
„ л. 3а—б	„ „ „ л. 163а—164б
„ л. 4а—б	„ „ „ л. 171б—172б

¹ B. Montfaucon. Paläographia graeca. Parisiis, 1708, стр. 225.

² Там же, стр. 231.

³ Там же, стр. 185, 232, II.

⁴ V. Garthausen. Griechische Paläographie. 2 Auflage, II B. Leipzig, 1911, стр. 147—148. .

⁵ W. Wattenbach. Scripturae graecae specimina. Ed. altera tabl. 10. Berolini, 1883.

Все особенности текста полиглотты, которые отмечены под строкой, имеются и в псалтыри 862 г. Незначительные различия в правописании некоторых слов приведены в прилагаемой таблице.

Листы	Полиглотта	Псалом	Листы	Рукопись № 216
1a	ἐγκαταλείπης	70 ₉	144a	ἐγκαταλίπης
16	γραμματείας	70 ₁₆	145a	γραμματίας
26	αἰῶνων	73 ₁₂	153a	αἰῶνος
36	ἐξέλειπον	77 ₃₃	1636	ἐξέλιπον
46	ὅς	79 ₁₄	172a	ὅς
46	ἄγριος	79 ₁₄	172a	ἄγρειος
46	ἐάυτῷ	79 ₁₆	1726	σεάυτῷ

Характерно, что в написании слова ὅς обе рукописи сходятся; ἐάυτῷ полиглотты в рукописи № 216 стало σεάυτω, но сохранило тонкое придыхание над дифтонгом, как и в полиглотте.

Колофон рукописи 862 г. указывает на то, что она была заказана проедром Ноем: „της φιλουχρίστου μεγαλοπόλεως τιβεριάδος“. Заказ этот выполнил „Θεόδωρος ἐλάχιστος διάκονος τῆς ἀγίας Χυ τοῦ Θυ ἡμῶν Ἀναστασεως“.¹ В других известных рукописях имя этого писца не встречается.² По мнению издателей списка греческих переписчиков, Федор был дяконом храма Воскресения в Иерусалиме.³ Таким образом, данные колофона ведут в Палестину, заказчик жил в Тивериаде, писец служил в иерусалимском храме Воскресения. Палеографическая традиция лавры Саввы распространилась и на Иерусалим, в округу которого ее обычно и причисляют.⁴ В псалтыри 862 г. есть приписка еще одного лица, Фомы, принимавшего участие в ее написании. По мнению В. К. Ернштедта, приписка современна написанию псалтыри — *θωμᾶς μονάζων ζωγράφος Δαμασκίῳθεν*. Фома был, следовательно, монашествующим изографом и имел прозвание Дамаскинца.⁵ И это третье указание в одной и той же рукописи относится к ближайшему относительно Палестины городскому центру приморской Сирии. Необходимо принять во внимание глубокую арабизацию Дамаска, бывшего одно время столицей халифата и сохранившего потом за собой положение культурного центра. В этом свете связь дамаскинского изографа с греческой рукописью, имеющей такое исключительное сходство с полиглоттой, вышедшей из лавры Саввы, приобретает особое значение.

¹ Рукопись Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, № 216, л. 350a.

² Marie Vogel und Victor Garthausen. Die Griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Beihefte zum Zentralblatt für Bibliothekswesen, B. 33, Leipzig, 1909, стр. 136.

³ Там же, стр. 501.

⁴ Там же, стр. 502.

⁵ Рукопись Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, № 216, л. 3496.

Общая характеристика палеографических особенностей изменившегося и принявшего окончательно новую форму в VIII в. унциального греческого письма¹ соответствует всем признакам, отличающим греческий столбец полиглотты. Наилучшим датированным образцом этого письма с наклоном в правую сторону, заострением округлых букв, наличием ударений и придыханий, заглавных букв и сокращений считается псалтырь Порфирия Успенского. К ней примыкает Парижский кодекс № 510, содержащий речи Григория Назианзина,² который относят приблизительно к 880 г. Третьей рукописью, чрезвычайно сходной с этими двумя и особенно близкой рукописи 862 г., является греческий текст нашей полиглотты. В полиглотте, однако, не встречается написания $\psi\zeta$, как в рукописи 862 г., которое Ваттенбах считает „*veteri more apostropho munitum est*“.³ Но несомненной особенностью ее являются два придыхания в слове $\epsilon\acute{\chi}\omega\tau\omega$, как выше уже было отмечено, густое придыхание над $\acute{\epsilon}$ и тонкое над $\acute{\omega}$, что должно быть отнесено к числу признаков, отмечающих ее относительную древность. К этой же группе рукописей палеографически относится и фрагмент греческой псалтыри, с параллельным арабским текстом греческими буквами, с которым ниже дано сличение нашей рукописи.

Черты палеографического сходства полиглотты с псалтырью 862 г. могут быть отнесены не только за счет их хронологической близости, тем более, что датировка московской трехязычной рукописи подтверждается и другими данными, но и за счет общей локальной традиции. Палеографическое родство обеих рукописей и территориальное соседство Иерусалима и лавры Саввы дают основания говорить об общей локальной рукописной манере, которая вышла из одной и той же школы, приобрела свои навыки в одном и том же скриптории. Традиции диакона Федора, вероятно, были им получены в лавре Саввы, откуда вышла и московская полиглотта. И это предположение подтверждается выводами, которые можно сделать на основании сравнительного палеографического исследования и арабского текста.

Сирийский текст полиглотты писан скорописным почерком, не потерявшим связи с эстрангело. Это тип письма, который встречается в мелкитских и ранних несторианских рукописях, когда они еще слабо отличаются друг от друга. Такого рода скоропись типична для VIII, IX вв., но встречается и в VII в. Устава, который характерен для греческих, латинских, славянских рукописей, как известно, сирийский не знает, древнейшие рукописи V в. написаны связным письмом. Наиболее монументален сиро-палестинский шрифт, но и он не может считаться

¹ Montfaucon. Palaeographia graeca, стр. 215. — V. Garthausen. Griechische Paläographie, II, стр. 148.

² Факсимиле, см.: Montfaucon, ук. соч., стр. 252.

³ W. Wattenbach. Scripturae graecae specimina, стр. 5.

уставом в строгом смысле слова. С веками буквы сирийского алфавита приобретали все более скорописные формы.

Почерк сирийского столбца полиглотты имеет следующие характерные черты. не имеет курсивного начертания. имеет угловатый характер. несколько развернуто. и имеют курсивную форму большой запятой, впрочем появляющуюся уже в ранних рукописях. имеет форму правильного круга. имеет курсивную форму круга, соединенного горизонтальной чертой с вертикальной. мелкое, мало отличается от . мелкое соединяется, как в курсивном письме, в обе стороны. В конце слов типичную курсивную форму имеет . Нижняя

прямая черта соединяется в обе стороны. пишется несколько наклонно, так как из середины соединяется чертой налево. представляет собою замкнутую петлю. имеет более острый угол, чем . лигатур не имеет и пишется одинаково в конце и в середине слова.

Никакой огласовки — ни несторианской, ни яковитской — рукопись не имеет. Сильный и слабый звук изредка отмечается точкой наверху или внизу, преимущественно это имеет место в глагольных формах, чтобы отличать лицо или форму, при одинаковом их написании. Множественное число последовательно отмечено двумя точками.

Палеографические особенности сирийского столбца характерны для VIII—IX вв., встречаются и в VII в. Отсутствие огласовки указывает на мелкитскую традицию, которая вполне оправдывается, если рукопись вышла, как мы предполагаем, из скриптория лавры Саввы.

Арабский текст фрагментов, так же точно следует строкам греческого и сирийского столбцов. Благодаря тому, что арабский скорописный почерк мельче и убористей двух остальных, арабская часть пропускает целые строки, чтобы создать необходимое совпадение.

Почерк, которым написан арабский текст, скорописный, все буквы, между которыми связь допустима, связаны. Длинные горизонтальные линии связывают буквы слов, с тем чтобы заполнить всю строку словом, состоящим из немногих букв.

Написание многих букв живо напоминает характер куфических рукописей, в то же время это почерк, имеющий ряд элементов несхи.

 имеет форму простой вертикальной прямой, которая спускается ниже строки.   и строчное не отличаются друг от друга. в конце слов спускается несколько ниже строки.   и имеют вид острого угла (л. 1а, строки 15, 31). В середине слов для них обычны лигатуры в виде одной буквы над другой (л. 4а, строка 23). Округлая форма и имеет сходство с конечным . и написаны, как три связанные прямые, несколько ниже . Характерно написание и в виде низкого вытянутого вдоль строки прямоугольника, несколько округленного с левой стороны. Эти буквы пишутся значительно крупнее остальных. и повторяют это написание с той разницей, что

с левой стороны высоко над строкой эти буквы ограничивает прямая, наклонная верхним своим концом направо. ء и ؤ пишутся как сильно открытый полумесяц, от нижнего конца которого прямая связывается со следующими буквами налево. ف, ق мало отличаются от و. В конце слова ك имеет часто сходное написание с ل. ل пишется как простая прямая, употребительна лигатура لا. م чернильная точка, изредка кружок, от которого в конце слова 'отводится наклонная вниз. ه имеет вид кренделя, в конце слова это малого размера наклонная с кружком. ي в конце слов имеет характерный росчерк.

Никаких знаков огласовки рукопись не имеет. Диакритические точки, отличающие буквы одинакового написания, немногочисленны и размеждены не систематически. تن имеет обычно три точки, расположенные подряд (л. 3а, строки 9 и 11, л. 45, строка 6), в иных случаях не имеет их вовсе (л. 46, строка 23). Встречается и иное расположение точек — ش (л. 46, строка 7). Иногда положение точек несколько смещено. Эти данные указывают на колебания, на отсутствие выработанной системы в расположении точек. Это подтверждается и другими случаями. Слово مثل (л. 1а, строка 1) написано без точек, тогда как через строку та же буква имеет пунктуацию в виде трех точек подряд تن (л. 1а, строка 3). ق имеет две точки, но часто бывает, что они пропущены, как в слове يقولوا (л. 1а, строка 32) и قد (л. 1а, строка 33).

Сравнивая между собою столбцы арабского текста, можно отметить, что листы 3а, 3б, 4б написаны более тонким и более мелким почерком, который производит впечатление особого изящества.

Палеографически арабская часть полиглотты сходна с некоторыми датированными рукописями. В 1859 г. из своего третьего путешествия по Ближнему Востоку Тишендорф привез конец рукописи, содержащей арабский перевод Нового Завета, начало которого было им приобретено в предшествующие поездки. Конец рукописи содержал Послание евреям и колофон, приписку, свидетельствовавшую о ее окончании в Шабане 279 г. хиджры, т. е. 27 октября 892 г.¹ Написание отдельных букв и лигатуры имеют большое сходство с почерком полиглотты, но почерк ее имеет более скорописный характер и гораздо большее количество диакритических точек, чем полиглотта. Характерно для обеих рукописей большое расстояние между буквами, не имеющими связи налево, что сближает их с куфическими рукописями.²

Несомненно, много общего имеет полиглотта и с рукописью арабского перевода книги Иова, которая была вывезена из монастыря Саввы.³ Флейшер относит ее на основании палеографических данных

¹ Fleischer. Vermischtes § 4. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, B. 15, 1861, стр. 385.

² Fleischer. Zur Geschichte der arabischen Schrift. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, B. 18, 1864, стр. 291.

³ Там же, стр. 281, 291.

к первой половине IX в.¹ Рукопись эта вышла из арабско-христианской среды, так как перевод ее сделан с греческого текста семидесяти alexandрийской традиции.

Большое палеографическое сходство с полиглоттой имеет рукопись Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, подробно описанная и изданная академиком И. Ю. Крачковским. Эта рукопись, вывезенная в 1853 г. Тишендорфом с Востока, происходит, как и наша рукопись, из монастыря Саввы. Она содержит фрагмент новозаветного апокрифа, вероятно Евангелия Никодима, в арабском переводе.² Колофон этой рукописи сообщает, что переписал ее „авва Антоний Багдадский Дауд ибн Сина в монастыре святого Саввы“. Он сделал это по просьбе „аввы Исаака для горы Синая“.³ Переписчик Антоний известен и по другой арабской рукописи. Дата рукописи 272 г. „по годам арабов“, т. е. хиджре, и соответствует 885—886 гг. н. э.⁴

Наличие палеографически близкой рукописи из лавры Саввы 885—886 гг. подтверждает высказанное предположение, что наша трехязычная рукопись, найденная в упомянутой лавре, была там же и написана.

На то, что рукописные традиции мусульманских и христианских арабов имели много общего между собою и развивались во взаимном влиянии, указывают те палеографические особенности, которые роднят упомянутые выше христианские рукописи IX в. с описанной де Гье рукописью, содержащей сочинения Абу Убайда ал-Казима ибн Саллама о необыкновенных словах Мухаммеда (Garib'al-Hadith), датированной 252 г. хиджры, т. е. 866 г. н. э.⁵ И эта рукопись занимает среднее положение между куфи и несхи и несколько напоминает старые магрибинские рукописи. По сравнению и с этой рукописью полиглотта имеет более редкую пунктуацию, диакритические точки в ней чаще пропущены. В этом случае следует указать на традицию сирийских мелкитов, которые отказывались от огласовки и пунктуации, принятых несторианами и яковитами, и это в противовес общему влиянию сирийской системы вокализации, оказавшей такое большое влияние на огласовку арабского письма..

Если принять во внимание датированные арабские рукописи, с которыми текст полиглотты имеет наибольшее сходство, особенно рукописи 866 и 892 гг. н. э., и учесть ее особенности относительно более редкой и несистематичной пунктуации, то датировка ее серединой IX в. становится достаточно вероятной.

¹ Palaeographical Society. Oriental Section. Plate VI. London, 1879.

² И. Ю. Крачковский. Новозаветный апокриф в арабской рукописи 885—886 гг. Византийский временник, т. XIV, (1907), стр. 247, 251.

³ Там же, стр. 261, 267.

⁴ Там же, стр. 250, прим. 3.

⁵ Georg Graf. Die christlich-arabische Literatur. Freiburg, 1905, стр. 9.

Сопоставив же данные палеографического анализа и греческого и арабского столбцов полиглотты и сходства их с рукописями греческой 862 г. и арабскими 866 г., 885—886 гг., 892 г. можно с большой вероятностью датировать ее второй половиной IX в.

Текст трех столбцов рукописи дан ниже. Под строкой приведены разночтения греческого текста с каноническим текстом семидесяти,¹ сирийского текста с сиро-гексапларным текстом.²

При окончательном пересмотре текста арабского столбца были приняты во внимание исправления в чтении некоторых слов, внесенные покойным академиком И. Ю. Крачковским. Первый вариант этого исследования вошел в рукописный сборник, составленный друзьями И. Ю. Крачковского ко дню его шестидесятилетия 16 марта 1944 г.

Тексты полиглотты

Сравнение греческого текста полиглотты с каноническим греческим дает разночтения, которые восходят к alexandрийской традиции. Разночтения эти, вынесенные с соответствующими примечаниями под строку, как лексического, так и этимологического характера. К числу первых принадлежит в пс. 73₁₄ συνέθλασας (л. 2б), заменившее общепринятое συνέτριψας. В пс. 79₁₄ (л. 4б) вместо οὗς имеется написание οῦς с густым придыханием. Можно указать на некоторые неправильности греческого правописания, в ряде случаев: по созвучию заменена дифтонгом ει, как в пс. 70₉, ἐγκυχαλείπης (л. 1а); пс. 70₁₁, ἐγκυχαλείπεν (л. 1а); пс. 70₁₃, ἐκλειπέτωσιν (л. 1б). пс. 77₃₄, ἐξέλειπον (л. 3б); пс. 77₃₈, οἰκτιρέμων (л. 3б). В слове γήρους правильное окончание изменено на γήρως (л. 1а). Тот факт, что греческий текст полиглотты ближе всего alexandрийской версии, не может вызвать удивления уже потому, что относительно арабского перевода книги Иова, вышедшего из того же монастыря Саввы, высказывалось мнение, что он ближе всего к alexandрийской греческой традиции, которой, очевидно, придерживались в лавре, располагавшей соответствующими рукописными списками.

Сирийский текст полиглотты соответствует не пешитте, а сиро-гексапларному переводу. Разночтения полиглотты, по сравнению с известной рукописью VI в. Миланской библиотеки Амвросия,³ таковы, что еще в большей степени сближают и уподобляют сирийскую версию греческому тексту. Местоимения, которые в гексапларном тексте присоединены в качестве местоименных суффиксов к соответствующим словам, выделены в полиглотте в самостоятельные, отдельные слова,

¹ Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes, t. II. Lipsiae, 1856.

² A. M. Ceriani. Codex syro-hexaplaris Ambrosianus photographice editus. Mediolani, 1874 (Monumenta sacra et profana ex codicibus praesertim Bibliothecae Ambrosianae, t. VII).

³ Там же.

как это вполне допускает сирийский язык. Имея в пс. 70₈ вместо **ܡܪܥܐ** — **ܡܪܥܐ ܕܡܪܥܐ** (л. 1а), в пс. 73₁₂ вместо **ܡܪܥܐ** — **ܡܪܥܐ ܕܡܪܥܐ** (л. 2б), в пс. 77₃₃ вместо **ܡܪܥܐ** — **ܡܪܥܐ ܕܡܪܥܐ** (л. 3б), сирийский дословно соответствует греческому τὸ στόμα μου, βασιλεὺς ἡμῶν, τὰ ἔτη αὐτῶν, и соответственным образом располагает слова по строкам. Вопрос только в том, какой из двух текстов нашей рукописи или рукописи Миланской библиотеки является первоначальным видом так называемой гексапларной версии. Что разница между ними заключается в особенно тесном сближении с греческим текстом сирийского столбца нашей рукописи, видно и из других примеров. Вместо **ܡܪܥܐ** в пс. 73₁₃ с притяжательным местоименным суффиксом в полиглотте стоит **ܡܪܥܐ** (л. 2б), что больше соответствует греческому τὰς κεφαλὰς, как и в пс. 77₃₀ вместо **ܡܪܥܐ** в полиглотте стоит **ܡܪܥܐ** в соответствии с греческим τῆς βρώσεως. Если бы сирийский не стремился к дословному подражанию греческому, он должен был бы оказать предпочтение форме с местоименным суффиксом. Пс. 79₁₃ в греческом имеет μονὸς ἄνθρωπος (л. 4б, строка 5), которое в сирийском передано, как **ܡܪܥܐ ܕܡܪܥܐ**. В гексапларном тексте имеется **ܡܪܥܐ ܕܡܪܥܐ**, т. е. дана транскрипция греческого слова μονὸς 'одинокий', которое сириец не сумел перевести, и **ܡܪܥܐ** 'дикий'. В полиглотте вместо транскрипции дан перевод слова одинокий **ܡܪܥܐ**, кроме того добавлено **ܡܪܥܐ** 'онагр', представляющее позднейшую вставку. В пс. 79₁₀ кодекс библиотеки Амвросия имеет **ܡܪܥܐ** 'кедры'. В тексте полиглотты оно заменено термином **ܡܪܥܐ**, названием для кедра, сосны и хвойных растений вообще. В скобках, между сирийским и арабским текстом, вдоль листа имеется примечание: **ܡܪܥܐ ܕܡܪܥܐ ܕܡܪܥܐ** 'читай „кедре“ вместо „арзе“ (л. 4а). Это примечание, сделанное почерком того же типа, что и вся рукопись, указывает на то, что гексапларный текст сравнивался с теми корректурами, которые были внесены в полиглотту, так как точный сирийский перевод слова μονὸς, добавление названия онагра, — **ܡܪܥܐ**, изменение названия кедра, говорят о том, что это были позднейшие изменения, внесенные в гексапларный текст. Между тем, сирийский допускает и несовпадения с греческим текстом, в пс. 79₁₆ (л. 4б) сирийский остается верным гексапларному тексту и пишет **ܡܪܥܐ ܕܡܪܥܐ** 'сын человеческий', тогда как греческий опускает слово „человеческий“. Это несоответствие греческому, как и вставленное „онагр“, свидетельствует, что сирийский не всегда последовательно проводил свое сближение с тем текстом семидесяти, который представлен в полиглотте.

Таким образом, в основе сирийского текста полиглотты лежит не пешитта, а сиро-гексапларный перевод, с изменениями, которые имели целью приблизить сирийский к греческому — как выделение местоимений в самостоятельные слова, уяснить некоторые слова — как перевод слова „одинокий“, уточнение названия кедра. В некоторых случаях

сирийский остается верным гексапларному тексту („сын человеческий“), вопреки греческому столбцу полиглотты или даже допускает дополнения, как слово „онагр“, отсутствующее в параллельном греческом. Последнее заставляет предполагать, что сирийский переписывался с рукописи, содержавшей этот измененный гексапларный перевод с дополнениями, не соответствовавшими греческому тексту, принятому полиглоттой. Трудно предположить, чтобы для переписчика, тщательно помещавшего строку за строкой в соответствии с греческим, эти дополнения, не соответствовавшие последнему, остались незамеченными, они сохранены им как имеющие существенное значение.

Арабский текст является особым самостоятельным переводом, отличным от других переводов псалтыри. Его тенденция — возможно ближе следовать греческому — также очевидна, как и в сирийском. На арабском переводе можно отметить и известное влияние сирийского текста, как и сирийских корней, которые в ряде случаев повлияли на выбор арабских слов. В пс. 79₁₁ полиглотта дает غطا (л. 4а, строка 13) в соответствии сирийскому ܥܬܐ ‘скрывать’, ‘покрывать’, тогда как другие арабские переводы дают ظ в IV породе — ‘бросать тень’ (греческое ἐκάλυψεν). В пс. 79₁₂ ‘тростник’ قصباً (л. 4а, строка 21) ближе к сирийскому ܩܕܝܚܐ, чем ‘растительность’ или ‘растение’ اقصانها других текстов, соответствующие греческому τὰ κληματα.

В пс. 73₁₁ колпос передано арабским عب одного корня с сирийским ܥܒܐ (л. 26₂₀), тогда как другие арабские переводы имеют حضن.

На то, что арабский следовал греческому, указывает отсутствие в 79₁₆ слова „человеческий“, имеющегося в сирийском, арабский الابن соответствует ἐπὶ υἱόν (л. 4б, строка 21).

В пс. 79₁₃ арабский следует греческому, так как не имеет слова онагр, дополненного в сирийском. Но так как μονὸς ἄγριος вызывал некоторое недоумение, то арабский текст дополняет: والذي هو واحد وحش ‘и тот одинокий дикий’.

Таким образом, арабский текст полиглотты следует греческому тексту с большей последовательностью, чем сирийский, некоторые вставки которого роднят его с другими списками греческой версии, как название „онагр“ или дополнение к имени сына прилагательного „человеческий“. Но на арабском тексте полиглотты можно убедиться и в сильном влиянии сирийского, так как лексика арабского перевода отличается целым рядом слов, общих с сирийскими корнями. Обращают на себя внимание некоторые обороты речи, которые, стремясь к более близкой передаче греческого, в меньшей степени отвечают строю арабского языка. Так, парижский текст дает قد رفضه الله¹, тогда как полиглотта — اذ يقولوا الله قد تركه, что ближе отвечает грече-

¹ Psalterium Job Proverbia arabice, Paulus de Lagarde edidit. Göttingen, 1876, стр. 110.

скому λέγοντες ὁ θεὸς ἐγκατέλειπεν αὐτὸν и непосредственно зависит от сирийского ~~ܡܠܟܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ~~ (пс. 70₁₁, л. 1а, строки 32—34).

Близость арабского к сиро-гексапларному тексту имеет зафиксированную традицию и в христианском трактате (рукописи IX в.), обращенном к мусульманам, содержащем ряд цитат из Библии, где цитата из пс. 72₉ является переводом с гексапларного текста, а не с пешитты.¹ Арабский текст нашей рукописи не соответствует ни одному из четырех арабских переводов псалтыри, изданных Лагардом.² Рукописному отделению Института востоковедения Академии Наук СССР принадлежат две греко-арабские псалтыри, которые кратко описаны академиком И. Ю. Крачковским в следующих словах: „Псалтырь с параллельным греко-арабским текстом на пергаменте в два столбца. Экземпляр дефектный с лакунами, иногда восстановленными на бумаге. Даты нет, вероятно XI в.“. „Такой же псалтырь на бумаге, сильно поврежденный в начале и в конце. Дата не сохранилась, вероятно XII в.“.³ Сличение с этими рукописями арабского столбца нашей рукописи показало, что это различные тексты, хотя отдельные предложения и слова их совпадают. И в этом случае можно наблюдать, как один и тот же арабский корень в различных переводах дается в разных вариантах. Но и эти тексты не отвечают арабскому тексту нашей трехязычной рукописи.

Большой интерес имеет сравнение текста полиглотты с фрагментом, изданным Бруно Виолетом.⁴ Двойной лист пергамента, исписанный в два столбца, из которых первый является греческим, второй транскрипцией арабского текста того же псалма греческими буквами, был найден в генизе мечети Дамаска. Четыре страницы фрагмента содержат пс. 77_{20—31, 51—61}. Лист 3 нашей рукописи содержит тот же псалом 77_{28—38}, так что стихи 28—31 могли быть сличены.

Оба столбца дамаского фрагмента написаны почерком, имеющим разительное сходство с греческим столбцом полиглотты. Прописные буквы за счет своей величины спускаются ниже верхней линии текста. Характерен тот же наклон всех букв вправо, сходно начертание отдельных букв, как овального о, написание конечного *υ* над предшествующей буквой и т. д. Греческий текст общих стихов совпадает дословно, насколько позволяет судить дефектный текст из Дамаска. Что касается арабского текста, как он воспроизведен издателем, то большое число совпадений следует отметить для нашего текста с дамасским фраг-

¹ Georg Graf, ук. соч., стр. 20.

² Psalterium Job Proverbia arabice, Paulus de Lagarde edidit Göttingen, 1876.

³ И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха Антиохийского. Л., 1924, стр. 9. (Огд. оттиск).

⁴ Bruno Violet. Ein zweisprachiges Psalmfragment aus Damascus. Orientalistische Literaturzeitung. 4 Jahrgang, 1901, № 10, столб. 384—403; № 11, столб. 425—441; № 12, столб. 475—488.

ментом и с бейрутским изданием псалмов 1899 г. Последнее воспроизводит текст псалтыри монастыря Швер на Ливане.¹ Ниже приводим таблицу сравнения арабского текста.²

Псалом 77

Полиглотта	Дамасский фрагмент	Бейрутское издание
28. ووقع في وسط محلّتهم حول مظلاتهم	28. فوقعت في وسط حول خيامهم	28. سقطت في وسط حول خيامهم
29. واكلوا وشبعوا جدا وشبهوتهم جات لهم	29. فاكلوا وشبعوا جدا وشبهوتهم جاب لهم	29. فاكلوا وسبعوا جدا واتاهم بشبهواتهم
30. لم يعدموا من شبهوتهم ايضا اذ الطعام في افواههم	30. لم يُعْدَمُوا و عند ما كان الطعام في فاهم	30. ولم يعد منهم شبهواتهم واذا كان الطعام في افواههم
31. ورجز الله سعد عليهم	31. و رجز الله	31. طلع عليهم رجز الله

Как видно из приведенной таблицы, особенно велика близость между полиглоттой и дамасской рукописью, хотя и здесь имеются отступления, и о совершенном совпадении арабских текстов говорить нельзя.

Палеографическое сходство дамасского фрагмента с греческим столбцом полиглотты и с псалтырью 862 г. говорит об их хронологической близости. Издатель фрагмента склонен отнести его к концу VIII в. или к началу IX в.³ Таким образом, все три рукописи относятся к одному и тому же времени. Выше уже было указано на территориальную близость лавры Саввы и Иерусалима, из которых вышли две первые рукописи, третья была найдена в Дамаске. Это говорит о наличии общей палеографической традиции в IX в. в приморской Сирии.

Насколько позволяет судить фрагментарный характер полиглотты и дамасской рукописи, их греческий текст совпадает с текстом псалтыри 862 г., следовательно и в этом случае сохраняется единство традиции.

¹ B. Violet, ук. соч., столб. 386.

² В составлении этой таблицы принял участие А. Г. Лундин, которому автор выражает свою признательность.

³ B. Violet, ук. соч., столб. 386.

Что касается арабского текста, то при недостаточном совпадении его в обеих рукописях не приходится говорить о том, что это один и тот же текст, а только о значительной близости этих текстов между собою.

Все три рукописи приводят к мысли о том, что в IX в. на Сиропалестинском побережье усиленно занимались арабской письменностью и переводами с греческого и сирийского на арабский. Стремление дать на этом новом литературном языке Ближнего Востока такой широко распространенный памятник, каким была псалтырь, объясняется и тем, что его постоянно привлекали для начального обучения, с псалтыри начинали учиться во всех средневековых школах.

Значение полиглотты

Высоко ценятся те немногие рукописи мировых библиотек, которые имеют приписки и заметки на полях, как греческие маргиналии сирийских и славянских кодексов, сирийские приписки на армянских манускриптах.

Редчайшим считается все то, что сохранилось от попыток Оригена сопоставить греческие переводы Библии с древне-еврейским подлинником. Тем более замечательна древнейшая полиглотта Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, локализация которой несомненна, а датировка не вызывает колебаний.

Три столбца рукописи дают превосходный материал для палеографических разысканий. Отчетливый характер всех трех почерков, изящный в греческом, красивый в сирийском, отчетливый в арабском, не оставляет сомнения в том, что в скриптории лавры Саввы, откуда вышла полиглотта, были люди, владевшие в совершенстве не только греческой, но и сирийской, и арабской письменностью. Если сравнить все три почерка, то наиболее архаичным, монументальным является греческий устав. Наиболее скорописным, во многом носящим черты несхи, является арабский. Сирийский занимает среднее положение как с точки зрения палеографической, так и текстуральной. Это тип почерка (сохранившего связи с эстрангело), связывающий часть букв и отчетливо отделяющий слова, давно утративший характерные черты устава. Отсутствие огласовки в сирийском для рукописи IX в. объясняется ее мелкитским происхождением.

Палеографические особенности полиглотты находятся в полном соответствии с традициями палестинских скрипториев, как это видно на греческих рукописях. О непосредственной связи со скрипторием лавры Саввы свидетельствуют арабские манускрипты.

Точно так же принятой в лавре александрийской версии семидесяти соответствует греческий текст полиглотты. Ее сирийский столбец оказывается наиболее близким сиро-гексапларному тексту, к которому так близок арабский перевод книги Иова, вышедший из той же лавры.

Арабский столбец, стремясь точно следовать греческому, находится и под явным влиянием сирийского гексаплярного текста в отношении лексики и отдельных оборотов речи.

Известно, какое значение имела псалтырь как учебная книга. По псалтыри учились читать на латинском западе, на греческом востоке, в славянских странах, она служила для усвоения грамоты в Сирии и Армении, в Египте и Абиссинии. По псалтыри преодолевали премудрость слогов и механизм чтения, „выучить“ ее — значило пройти первую ступень несложного тривиума. В качестве учебной книги она могла служить и служила не только для освоения грамоты на родном языке, но и для изучения чужого языка. В лавре Саввы объединялись принадлежащие к разным народностям и говорившие на разных языках люди. Она была центром не только греческой, но и христианско-арабской образованности, а библиотека ее заключала и сирийские рукописи, так как влияние сирийского языка в Палестине и Сирии было неизбежно. Псалтырь была привычной книгой для освоения грамоты, она могла быть использована и для того, чтобы освоить чужой язык, выучиться ему.

В таком виде, как написана рукопись полиглотты, она давала возможность последовательно построчно и дословно следить за тремя текстами. Трехязычная псалтырь преследовала некие научные, а тем самым и учебные цели, давая арабскому греческую и сирийскую параллель; она была в равной мере предназначена для усвоения арабского языка греком и греческого арабом, при возможности располагать сирийской справкой. Если принять во внимание широко распространенное среди сирийцев знание как греческого, так и арабского языков и ту роль посредников, которую они сыграли, познакомив арабов с греческой литературой и наукой, то это делает вполне понятным наличие среднего, сирийского, столбца. Связующее положение его между двумя текстами прекрасно отвечает общему положению, которое занимал сирийский. Культурное влияние сирийцев на арабов было значительным, через сирийцев арабы знакомились с произведениями греческих философов, математиков, астрономов и алхимиков, из их рук они получили и Библию. Аристотель и Гален были переведены на сирийский, чтобы затем стать достоянием арабов. Десятый век был веком расцвета арабской образованности, науки и искусства. В IX в. сириец по происхождению, знаменитый врач Хунайн ибн Исхак (ум. 877 г.) перевел с сирийского на арабский энциклопедию медицинских знаний Галена, тщательно сверяя свои переводы и с греческими.¹

¹ Н. Пигулевская. Сирийская литература и ее значение для мировой культуры. Советская наука, 1941, № 2, стр. 28—38; Н. Пигулевская. Сирийская алхимическая литература. Архив науки и техники, т. IX, 1936, отд. отт., стр. 329—342.

Псалтырь на трех языках является памятником научной деятельности арабов и сирийцев, их стремления освоить и утвердить свои знания греческого, значение которого было исключительным.

Полиглотта Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина является замечательным памятником, свидетельствующим о высоком развитии научных знаний на Ближнем Востоке в половине IX в. Эта рукопись, написанная более тысячи лет тому назад, проливает новый свет на научную и учебную деятельность лавры Саввы в Палестине.

Фрагменты греко-сиро-арабской псалтыри
 Рукопись Государственной Библиотеки СССР
 им. В. И. Ленина, № 432

(Жирные цифры обозначают номера стихов, светлые цифры — строки рукописи)

Псалом 70₇₋₁₆

Лист 1а

7. 1	Ὡσεὶ τέρας ἐ	ܐܝܬܐ ܠܗܝܐ	مثل عجب
2	γενήθην	ܕܐܕܥܐ	صرت
3	τοῖς πολλοῖς.	ܠܩܬܝܪܝܢ	لكثيرين
4	καὶ σὺ βοηθός	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	وانت معيني
5	μου ¹ κραταίος ²	ܕܐܝܬܐ ܕܩܘܝ	قوي
8. 6	Πληρωθήτω	ܕܐܝܬܐ	بمتلي
7	τὸ στόμα μου	ܕܐܝܬܐ ܕܦܝ	فابي
8	αἰνέσεως.	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	من التسبحة
9	Ὅπως ὕμνη	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	كلما امجد
10	σὴν τὴν δό	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	
11	ξάν σου.	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	سبحك
12	Ὅλην τὴν ἡ	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	واليوم كله
13	μέραν τὴν	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	
14	μεγαλοπρέ	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	بعظيم
15	πειάν σου ³	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	جلالك
9. 16	Μη ἀπορύψης	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	لا تطرحني
17	με εἰς καιρὸν	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	الي وقت
18	γήρους. ²	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	الكبير
19	Ἐν τῷ ἐκλεί	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	وفي فنا
20	πειν τὴν ἡ	ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ	قوتي

¹ Проп. ² γηρους.

^a Добавл. ܕܐܝܬܐ.

^b Проп., им. ܕܐܝܬܐ.

^c Проп., им. ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ.

^d Проп., им. ܕܐܝܬܐ ܕܡܥܝܢܐ.

7 βοήθειάν μου	^a ܠܗ ܕܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	معونتي
8 πρόσχες·	. ܝܬܐ	فانصت
13. 9 Αἰσχυνθήτω	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	يخزوا
10 σαν και ἐκλει	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	وبيدوا
11 πέτωσαν ¹ οἱ	ܠܡܝܬܐ	
12 ἐνδιαβάλλον	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	الذين يحلوا
13 τες τήν ψυ	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	بنفسى
14 χήν μου·	⁶ ܠܗ	يلبسون
15 Περιβαλλέσθω	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	
16 σαν αἰσχύνην .	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	الحزى
17 καὶ ἐντρο	^b ܠܗ ܕܡܝܬܐ	
18 πὴν. οἱ ζη	^r ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	والهمته الذين
19 τοῦντες τὰ	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	يطلبون
20 κακά μοι·	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	شرى
14. 21 Ἐγὼ δε δια παν	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	وانا ابدا
22 τὸς ἐλπιδῶ.	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	ارجوا
23 Καὶ προσθήσω·	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	وازيد
24 ἐπὶ πᾶσαν τήν	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	علي كل
25 αἴνεσίν σου·	^x ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	مجدك
15. 26 Τὸ στόμα μου·	⁶ ܠܗ ܕܡܝܬܐ	فاى
27 ἀναγγελεῖ ² τήν	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	يخبر
28 δικαιοσύνην	ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ	بعزلك
29 σου·	[*] ܠܗ ܕܡܝܬܐ	

¹ ἐκλιπεωσαν. ² ἐ'αγγελεῖ.

^a Προπ., им. ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ.

⁶ Προπ., им. ܠܗ ܕܡܝܬܐ.

^b Προπ., им. ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ.

^r Προπ., им. ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ.

^x Προπ., им. ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ.

^e Προπ., им. ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ.

^{*} Προπ., им. ܠܡܝܬܐ ܕܡܝܬܐ.

30 Ὅλην τὴν ἡ	חלם	اليوم كله
31 μέραν τὴν	כא [א]	
32 σφῖν σου·	אֶחָדָא חֲסִידָא	خلاصك
16. 33 Ὅτι οὐκ ἔγνω	חַסִּידָא חֲסִידָא	ان لم اعرف
34 γραμματεῖ	כְּחִידָא	الكتب
35 ας ¹ εἰσελεύσο	אֶחָדָא	ادخل
36 μαῖ ἐν δυνά	חֲסִידָא	بقوة

Псалом 73₄₋₁₄

Лист 2а		
4. 1 τέες σε ἐν μέ	אֶחָדָא חֲסִידָא	في وسط
2 σω τῆς ἐορ	כְּכָא	
3 τῆς σου·	אֶחָדָא	עמך
5. 4 Ἐθεντο τὰ ση	אֶחָדָא	جعلوا
5 μεῖα αὐτῶν	אֶחָדָא חֲסִידָא	علاماتهم
6 σημεῖα καὶ	חֲסִידָא	علامات
7 οὐκ ἔγνωσαν·	אֶחָדָא	ولم يعلموا
8 Ὡς εἰς τὴν εἰ	אֶחָדָא	مثل الخدم
9 ζοδον ² ὑπεράνω·	כֶּחָדָא :	من فوق
6. 10 Ὡς ἐν ὄρνυ	אֶחָדָא חֲסִידָא	مثل في غيصه
11 ζυλῶν ἀζῖ	אֶחָדָא חֲסִידָא	الخشب
12 ναῖς ἐξεκοψαν	אֶחָדָא	بالفوس قطعوا
13 τὰς θύρας αὐτῆς·	אֶחָדָא חֲסִידָא	ابوابها

¹ πραγματείας. ² εἰσοδον. На полях вписано скорописью позднего времени εἰσοδον.

³ Проп., им. אֶחָדָא. ⁶ Проп., им. אֶחָדָא. ⁷ Проп., им. אֶחָדָא.

⁸ Проп., им. אֶחָדָא.

14 Ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐν	כחכח	جميعا
15 πελέκει καὶ	כחלכ	بالقاس
16 λαξευτηρί	כחכחכח	والمنقال
17 ὡ κατέρραξαν	^a כחכחכח	شققوها
18 αὐτήν·		
7. 19 Ἐνεπ' ῥισαν	כחכחכח	احرقوا
20 ἐν πυρὶ τὸ ἅ	כחכח	بالنار
21 γαστήριον σου·	^b כחכחכח	قدسك
22 Ἐἰς τὴν γῆν ἐ	כחכח	في الارض
23 βεβήλωσαν	כחכח	نجمسوا
24 τὸ σκήνωμα	[כח] כחכח	مظلة
25 τοῦ ὀνόμα	כחכח	اسمك
26 τοῦ σου.	^b כחכח	قالوا
8. 27 Εἶπας ἐν τῇ	כחכח	في قلوبهم
28 καρδίᾳ αὐτῶν	^r כחכחכח	قربانهم
29 ἡ συγγένει	כחכחכח	جميعا
30 α αὐτῶν ἐ	כחכח	
31 πε τὸ αὐτό.	כחכחכח	هللوا
32 Δεῦτε καὶ ¹ κα	כח	ونبطل
33 ταπαινωμεν	כחכח	
34 πάσας ^a τας ἐορ	^x כחכחכח	كل اعياد
35 τὰς τοῦ ³ θ' ὁ	כחכחכח	الله

¹ Проп. ² Проп. ³ Проп. τοῦ θεοῦ, им. κυρίου.

^a כחכחכח. ^b Проп., им. כחכחכח. ^c Проп., им. כחכחכח. ^r Проп., им.

כחכחכח. ^x כחכחכח.

Лист 26

1	πο τῆς γῆς	מ ארץ	من الارض
9. 2	Τα σημεῖα ἡμῶν	^a אֲמַלְתָּ סִמְיוֹתַי	علاماتا
3	οὐχ ἴδομεν ¹	לֹא נִרְאָה	لم نري
4	Οὐκ ἔστιν ἔτι	לֹא עוֹד הָיָה	ليس هو ايضا
5	προφῆτης	נָבִיא	نبي
6	καὶ ἡμᾶς οὐ	וְלֹא אֲנִי	وايانا لا يعرف
7	γνώσεται ἔτι	יָדַע עוֹד.	ايضا
10. 8	Ἔως πότε ὁ ὤς	חַסְדְּךָ לְעַמְּךָ לְדוֹר וָדוֹר	الي متى يا الله
9	ὀνειδιεῖ ὁ ἐ	נִסְתָּחַר	يعبر
10	χθρός ²	חֹדֶסְךָ.	العدو
11	Παροξυνεῖ ὁ ὕ	יִצְחָק	يغضب
12	πεναντίος	שֶׁנֶּחֱמָה	المخالف
13	τὸ ὄνομα σου	לִשְׁמֶךָ הַגָּדוֹל ⁶	اسمك
14	εἰς τέλος.	לְעוֹלָם	الى الكمال
11. 15	Ἰνα τί ἀποστρέ	לְמַדְּךָ מִפְּנֵינוּ	لما ذا ترد
16	φεις τὴν χεῖ	כַּףְךָ הַיְמָנִית	يدك
17	ρά σου· καὶ τὴν	יְמִינִי ^b .	
18	δεξιάν σου ἐκ	מִיְמִינִי	ويمينك
19	μέσου τοῦ κόλ	מִבְּתֵיךָ הַיְמָנִית ^c	من وسط (*)
20	που σου εἰς τέλος ³	חֶסֶדְךָ הַגָּדוֹל ^d מִיְמִינִי ^e	عبك الي التمام
12. 21	Ὁ θε ὤς βασιλεὺς	לְעַמְּךָ מִן הַחַיִּים	والله ملكنا

¹ οὐκ εἶδομεν.

^a Проп., им. אֲמַלְתָּ סִמְיוֹתַי. ⁶ Проп., им. הַגָּדוֹל. ^b Проп. הַיְמָנִית. ^c Проп., им.

הַיְמָנִית. ^d Проп., им. הַגָּדוֹל. ^e Проп.

* Чит. وسط.

22 ἡμῶν προ αἰ	מלמ ^a מר	قبل
23 ὧνων ¹	חלמ.	الدور
24 Ἐργάσατο σφίαν	חבד חסמ	عملت الخلاص
25 ἐν μέσῳ τῆς γῆς [*]	חסיחמ ¹ חסמ	في وسط الارض
13. 26 Σὺ ἐκραταίωσας	חסיח חסמ	انت امسكت
27 ἐν τῇ δυνά	חסמ	بقوتك
28 μεῖ σου τὴν	מלמ ¹	
29 θαλασσαν [*]	חסמ.	البحر
30 Σὺ συνέτριψας	חסיח חסמ	انت كسرت
31 τὰς κεφαλὰς	חסיח ¹	رؤوس
32 τῶν ὀρακόν	חסמ	التنانين
33 των ἐπὶ τοῦ	חס	علي *
34 ὕδατος [*]	חסמ	البا
14. 35 Σὺ συνέθλασας ²	חסיח חסמ	انت فزعت

Псалом 77^{28—38}

Лист 3а

28. 1 Καὶ ἐπέπεσεν ³	חסיח חסיח	وقع
2 εἰς μέσον τῆς	חסיח חסיח	في وسط
3 παρεμβολῆς	חסיח חסיח	محلتهم
4 αὐτῶν κύ	חסיח חסיח ¹	حول
5 κλω των	חסיח	
6 σκηνομά	חסיח חסיח	مظلاتهم

¹ αἰῶνος. ² συνέτριψας. ³ ἐπέπεσαν.

^a Проп., им. חלמ. ⁶ חסיחמ. ¹ Проп., им. חסיח. ¹ חסיח.

^x Проп., им. חסיח.

* Чит. עלی.

7 τῶν χυτῶν·	ⲁⲙⲗⲁⲧ	
29. 8 Καὶ ἑφάγον ¹	ⲁⲓⲕⲁⲛ	واكلوا
9 καὶ ἐνεπλή	ⲁⲓⲕⲁⲛ	وشبعوا
10 σθησαν σφοδρα	ⲁⲓⲕⲁⲛ	جدا
11 Καὶ τὴν ἐπιθῶ	ⲁⲓⲕⲁⲛ	وشهوتهم
12 μίαν αὐτῶν	ⲁⲓⲕⲁⲛ	
13 ἤνεγκεν	ⲁⲓⲕⲁⲛ	جات لهم
14 αὐτοῖς.	ⲁⲓⲕⲁⲛ	
30. 15 Οὐκ ἔστειρη	ⲁⲓⲕⲁⲛ	لم يعدوا
16 θησαν ἀπὸ τῆς	ⲁⲓⲕⲁⲛ	من شهوتهم
17 ἐπιθυμίας αὐτῶν	ⲁⲓⲕⲁⲛ	ايضا اذ الطعام
18 Ἐτι τῆς βρώσεως ²	ⲁⲓⲕⲁⲛ	في افواههم
19 οὐσης ἐν τῷ στομαχί ³	ⲁⲓⲕⲁⲛ	
20 αὐτῶν. ³	ⲁⲓⲕⲁⲛ	
31. 21 Καὶ ὀργή τοῦ	ⲁⲓⲕⲁⲛ	ورجز
22 θῷ ἀνέβη ἐ	ⲁⲓⲕⲁⲛ	الله صعد
23 π αὐτούς·	ⲁⲓⲕⲁⲛ	عليهم
24 Καὶ ἀπέκτει	ⲁⲓⲕⲁⲛ	وقتل
25 νεν ἐν τοῖς	ⲁⲓⲕⲁⲛ	كل
26 πλείοσιν ⁴ αὐτῶν	ⲁⲓⲕⲁⲛ	كثرتهم
27 Καὶ τοὺς ἐκλε	ⲁⲓⲕⲁⲛ	ومختارى
28 κτούς τοῦ	ⲁⲓⲕⲁⲛ	

¹ ἐφάγοσαν. ² Добавл. αὐτῶν. ³ Три строчки вставлены более мелким почерком, но той же рукой, что и весь текст. ⁴ πλείον.

^a ⲁⲓⲕⲁⲛ. ⁶ Проп., им. ⲁⲓⲕⲁⲛ. Две строки вписаны более мелким почерком, но той же рукой, что и весь сирийский текст. ^b ⲁⲓⲕⲁⲛ.

29 ἰὼλ συνενπό	לסריו,י	اسرائيل
30 δισεν·	.סרס	اسر
32. 31 Ἐν πᾶσι του	סחלסס	في كل
32 τοις ἡμαρ	סלס ביה	هنا كانوا
33 τον ἔτι·	.ססס	خطوا ايضا
34 Καὶ οὐκ ἐπί	לס	ولم
35 στευσαν ἐν ¹	ססס,ס	يومنوا
36 τοῖς θαυμασί	סססססססס	بعجايبه
37 οἱς αὐτοῦ·	^a .סלס	

Лист 36

33. 1 Καὶ ἐξέλειπον ²	ססססס	وكانت تعباً
2 ἐν ματαιότη	ססססססס	في الباطل
3 τι αἱ ἡμέραι	סססס	ايامهم
4 αὐτῶν.	⁶ .סלס	
5 Καὶ τὰ ἔτη αὐ	ססס	وسنهم
6 τῶν μετα	ס ^b סלס	
7 σπουδῆς·	.סססס	[بع]جله
34. 8 Ὅταν ἀπέκτει	סס,ססס	[ود]بن قتلهم
9 νεν αὐτούς	סל סס	
10 ἐξεζήτουν ³	סס סס סס	كانوا يطلبوه
11 αὐτόν·	.סל	
12 Καὶ ἐπέστρεφον	ססס סססס	وكانوا يرجعوا
13 καὶ ὠρθρίζον	ססססס	ويرجعوا
14 προς τὸν θῦ·	.סלס סלס	الى الله

¹ Проп. ² ἐξέλειπον. ³ ἐζήτουν.

^a Проп., им. סססססססס ⁶ Проп., им. ססססססס ^b Проп., им. ססססס

35. 15	Καὶ ἐμνήσθησαν	[οἶα.τ]θικα	وذكروا
16	ὅτι ὁ θεὸς βοηθὸς	κτιτκα κελκτ	ان الله معينهم
17	αὐτῶν ἐστιν·	,καοθικα κελκτ	هو
18	Καὶ ὁ θεὸς ὁ ὑψιστος	κτιτκα κελκκα	والله تعالى
19	λυτρωτὴς αὐ	^a κελκτ καοτκ	مخلصهم
20	τῶν ἐστιν·	,καοθικα	هو
36. 21	Καὶ ἠγάπησαν	,καοκκακα	وحبوه
22	αὐτον ἐν τῷ	κκακα	بقاهم
23	στόματι αὐτῶν·	^b κελκτ	
24	Καὶ τῇ γλώσσῃ	κκκκα	وبلسانهم
25	αὐτῶν ἐψεύ	^b κελκτ	كذبوا
26	σαντο αὐτῷ·	,κακκκτ	[له]
37. 27	Ἡ δὲ καρδία αὐ	κκα	وقلبهم
28	τῶν οὐκ ευ	κτκτ κκ ^r κελκτ	[ول]م مستقيم
29	θεῖα μετ' αὐτοῦ·	,κακκα	مع
30	Οὐδὲ ἐπιστώ	κακ,καθικα κκκα	ولم يصدقوا
31	θησαν ἐν τῇ	κκαθικα	
32	διαθήκῃ αὐτου	,κκκτ	بميثاقه
38. 33	Ἄυτὸς δὲ ἐστιν	,καοθικα κτκ κα	وهو
34	οἰκτεῖρμων ¹	,κκκκ	حنان
35	καὶ ἰλάσεται	κκακκα	ويغفر

¹ οἰκτεῖρμων.

^a Проп., им. κελκκατκ.

^b Проп., им. κκακκακα.

^r Проп., им.

κκκκκτ. ^r Проп., им. κκκκκτ.

Лист 4а

9.	1 τῆρας	. 𐤀𐤃𐤁𐤕𐤕	. نفلت
	2 Ἐξέβαλες ἔθνη	𐤀𐤃𐤁𐤕𐤕 𐤁𐤁𐤕𐤕	اخرجت الشعوب
	3 καὶ καταφύ	. 𐤕𐤁𐤁𐤕𐤕	
	4 τευσας αὐτήν.		ونصبته
10.	5 Ὡδοποίησας	𐤕𐤁𐤁𐤕𐤕 𐤁𐤁𐤕𐤕	سهلت
	6 ἔμπροσθεν	. 𐤀𐤁𐤁𐤕𐤕	قدامه
	7 αὐτῆς· καὶ		وغرست
	8 καταφύτευ	𐤁𐤁𐤕𐤕	اصوله
	9 σας τὰς ρίζας	𐤕𐤁𐤕𐤕	
	10 αὐτῆς· καὶ	^a . 𐤀𐤁𐤁𐤕𐤕	واملا
	11 ἐπλήρωσε	𐤁𐤁𐤕𐤕	
	12 [τ]ὴν γῆν· ¹	. 𐤕𐤁𐤕𐤕	الارض
11.	13 Ἐκάλυψεν ὁ	, 𐤁𐤁	غطا
	14 ρη ἡ σκιὰ	𐤕𐤁𐤕𐤕 𐤕𐤁𐤕𐤕	الجبال
	15 αὐτῆς·	⁶ 𐤀𐤁𐤁𐤕𐤕	ظله
	16 Καὶ αἱ ἀνὰθεν	["] 𐤕𐤁𐤕𐤕𐤕	ودوالته
	17 δράδες αὐτῆς	𐤀𐤁𐤁𐤕𐤕	ارز الله
	18 τὰς κέδρους	^r 𐤕𐤁𐤕𐤕	
	19 τοῦ θυ.	𐤕𐤁𐤕𐤕	
12.	20 Ἐξέτεινε τὰ	𐤁𐤁𐤕𐤕	مد
	21 κλήματα αὐ	𐤕𐤁𐤕𐤕	قصباه
	22 τῆς ἕως θα	𐤕𐤁𐤕𐤕 ^x 𐤀𐤁𐤁𐤕𐤕	الى

¹ ἐπλήσθη ἡ γῆ.^a Проп., им. 𐤀𐤁𐤁𐤕𐤕.⁶ Проп., им. 𐤕𐤁𐤕𐤕.["] Проп., им. 𐤕𐤁𐤕𐤕𐤕. Припискана полях между сир. и арабск. текстами 𐤕𐤁𐤕𐤕 𐤕𐤁𐤕𐤕 ^r 𐤕𐤁𐤕𐤕. ^r Добавл. 𐤕𐤁𐤕𐤕𐤕𐤁𐤕𐤕 𐤕𐤁𐤕𐤕. ^x Проп., им. 𐤀𐤁𐤁𐤕𐤕.

23	λάσσης.	לסס	البحر
24	Καὶ ἕως ποτα	סחכס	والى الانهار
25	μῶν ¹ τὰς πα	ססס	
26	ραφιδάδας	ססס	فروغه
27	αὐτῆς·	ססס ²	
13. 28	Ἵνα τί καθεῖλες	ססס ססס	لماذا نهتك
29	τὸν φραγμὸν	ססס	سياحه
30	αὐτῆς·	ססס ³	
31	Καὶ τρυγῶσιν	ססס	ويطفوه
32	αὐτὴν πάν	סס	كل
33	τες οἱ παρα	ססס	الذين لسلكون
34	πορευόμενοι	ססס	
		Лист 46	
1	τὴν ὁδόν.	ססס	الطريق
14. 2	Ἐλυμήνατο αὐ	ססס	افسده
3	τὴν ὕς ² ἐκ	ססס	خنزير
4	δρυμοῦ·	ססס ³	من الغابة
5	Καὶ μονιὸς ἄγρι	ססס ססס ⁴	والذى هو وحده
6	ος. κατενεμή	ססס	وحشي
7	σατο αὐτὴν·	ססס	اقتسمه
15. 8	Ο ὅς τῶν δυνά	ססס	اله القوات
9	μεων. ἐπὶ	ססס	(وجه)
10	στρεψον δὴ	ססס ססס	
11	Καὶ ³ ἐπιβλεψον	ססס ⁵	وابصر
12	ἐξ οὐνοῦ καὶ	ססס	من السما

¹ ποταμοῦ. ² σὺς. ³ Προπ.

⁴ Προп., им. ססס. ⁵ Προп., им. ססס. ⁶ ססס. ⁷ Προп. это и предшествующее слово, им. ססססס. ⁸ Προп. ססס.

NO. 77-0.28-38

11.

[illegible][illegible]

ووفى
وسك
عنه
والم
مظنهم
واك
وصاع
خذا
وسهو
حات
اوعدم
منسحقو
اصداك
واواش
ورج
الله
عليه
وفى
كل
كل
مظنهم
ومح
اس
اس
وك
هدا
كلوا
ولم
لوم
يعا

13 ἴδε·	..כ.ו.א	وانظر
14 καὶ ἐπίσχεψαι	ו.א.ש.ח.ו	واطلع
15 τὴν ἄμπελον	כ.ח.פ.ל	هذا الكرّم
16 ταύτην·	..כ.ת.ו	
16. 17 καὶ κατάρτισαι	ו.א.ש.ח.ו	وثبته
18 αὐτήν, ἣν ἐ	..ו.א.	الذي نصب
19 φύτευσεν	ו.א.ש.ח.ו	
20 ἡ δεξιὰ σου·	..כ.ח.פ.ל	يمينك ¶
21 καὶ ἐπὶ οὖν ¹ ὄν	ו.א.ש.ח.ו	وعلى الابن
22 ἐκραταίωσας	ו.א.ש.ח.ו	الذي امسكت
23 αὐτῷ ²	..כ.ח.פ.ל	لنفسك
17. 24 Ἐμπεπυρισμέ	ו.א.ש.ח.ו	محرقا
25 νη πυρὶ καὶ	ו.א.ש.ח.ו	بالنار
26 ἀνεσκαμμένη·	..כ.ח.פ.ל	مقلوع
27 Ἀπὸ ἐπιτιμῆ	ו.א.ש.ח.ו	من رجز
28 σεως τοῦ προ	ו.א.ש.ח.ו	وجوهك
29 σώπου σου ἃ	..כ.ח.פ.ל	
30 πολοῦνται·	..כ.ח.פ.ל	يهلكون
18. 31 Γενηθήτω	ו.א.ש.ח.ו	نکن
32 ἡ χεὶρ σου, ἐ	..כ.ח.פ.ל	برك
33 π ἄνδρα δεξιᾶς σου	..כ.ח.פ.ל	علي رجل يمينك
34 καὶ ἐπὶ οὖν ἄνθου	ו.א.ש.ח.ו	و علي بن النشן
35 ὃν ἐκραταίω	ו.א.ש.ח.ו	الذي امسكت

¹ Добавл. ἀνθρώπου. ² σεαυτῷ.

^a Проп., им. כ.ח.פ.ל.

^b Проп., им. ו.א.ש.ח.ו.

^c Проп., им. כ.ח.פ.ל.

^d Проп., им. כ.ח.פ.ל.

Алфавиты полиглотты

Арабский
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

Сирийский
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

Греческий
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

Алфавиты полиглотты.

В. И. Беляев и И. Н. Винников

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

(16 III 1883—24 I 1951)

24 января 1951 года скоропостижно скончался академик Игнатий Юлианович Крачковский, крупнейший русский востоковед, глава советской арабистики.

И. Ю. Крачковский, по происхождению белорусс, родился в г. Вильно (ныне Вильнюс) 4/16 марта 1883 г. в семье известного деятеля народного просвещения и неутомимого исследователя истории культуры Западного края Ю. Ф. Крачковского. И. Ю. Крачковский учился с 1893 по 1901 г. в Виленской 1-й мужской гимназии, которую окончил с золотой медалью.

В 1901 г. И. Ю. поступил на Факультет восточных языков С.-Петербургского университета и окончил его в 1905 г. с дипломом 1-й степени.

На Факультете восточных языков И. Ю. Крачковский изучал арабский язык и литературу у А. Э. Шмидта, Н. А. Медникова и В. Р. Розена, сыгравшего выдающуюся роль в развитии русского востоковедения. Персидский язык И. Ю. изучал у В. А. Жуковского, турецкий и другие тюркские языки — у В. Д. Смирнова и П. М. Мелиоранского. Историческими дисциплинами И. Ю. занимался у В. В. Бартольда, считавшего молодого Крачковского наиболее подготовленным для специализации по истории мусульманского Востока. Среди учителей И. Ю. был и Д. А. Хвольсон, у которого И. Ю. изучал арамейский язык. Большое влияние на научные интересы И. Ю. оказал Б. А. Тураев, у которого он изучал эфиопский язык и литературу Абиссинии. И. Ю. первоначально даже думал посвятить свою научную деятельность этим вопросам, но затем, под влиянием В. Р. Розена, он целиком отдался изучению арабской литературы и языка.

Интересы И. Ю. Крачковского в студенческие годы не ограничивались избранною им специальностью и смежными дисциплинами, которыми он занимался с необычайным упорством и методичностью. Его влекло к непрерывному расширению своего кругозора и в других

областях, не связанных с востоковедением. Он слушал целый ряд курсов на Историко-филологическом и Юридическом факультетах: систематически посещал лекции по русской истории, древней и современной русской литературе, по истории западных литератур, прослушал курс психологии, энциклопедии права, занимался испанским и португальским языками, и др.

За сочинение „Царствование халифа ал-Мехдия по арабским источникам“, выполненное при окончании Университета, И. Ю. Крачковский был удостоен Факультетом восточных языков золотой медали. Это сочинение получило высокую оценку со стороны специалистов. В отзыве о нем были отмечены „основательные познания молодого ученого в арабском языке, его редкая начитанность, осторожность и обоснованность его выводов, тщательная разработка им предмета, благодаря чему некоторые из примечаний к сочинению получили характер самостоятельных монографий“.¹

По окончании курса И. Ю. Крачковский был оставлен при Университете для приготовления к профессорской деятельности и в течение двух лет упорно занимался изучением арабского языка и литературы. Сам И. Ю. писал впоследствии о занятиях со своим руководителем по специальности следующее: „... двухлетия, с глазу на глаз с В. Р. Розеном работа над текстами (преимущественно поэтическими и грамматическими) по окончании Университета открыли мне постепенно всю научную арабистику того времени в полном объеме и я имею основания считать его своим основным учителем по специальности“. В этот же период была проделана основная подготовительная работа по диссертации, темой которой было избрано творчество поэта-дамаскинца X в. ал-Ва'ва.

В январе 1908 г. И. Ю. Крачковский был командирован Университетом для дальнейшего усовершенствования на Восток и пробыл там два года, с июля 1908 г. по июль 1910 г. Перед ним стояли задачи ознакомления с живыми арабскими диалектами, изучения современной арабской литературы и культуры и ознакомления с постановкой преподавания арабской словесности на Восточном факультете Бейрутского университета св. Иосифа, а также с научной деятельностью факультета. Основным местом его пребывания был Бейрут. Там он слушал в университете у крупнейших ученых ряд курсов: по истории арабской литературы, по истории времени Мухаммеда, по арабской диалектологии. Одновременно И. Ю. работал в университетской библиотеке над рукописями, приобретая опыт в текстологической работе и помогая при подготовке издания литературных памятников. И. Ю. посещал с научной

¹ Записка об ученых трудах профессора Петроградского университета Игнатия Юлиановича Крачковского. Известия Российской Академии Наук, VI серия, XV, 1921, стр. 19.

целью и другие города, имевшие собрания рукописей или интересовавшие его в другом отношении. Так, он посетил Дамаск, Тарабулус, Алеппо (Халеб), Хомс, Хаму, Баальбек, Иерусалим, Назарет, Иерихон, Табарю, дважды был он в Египте, — в Александрии и Каире, — везде изучая рукописные собрания и знакомясь с представителями науки и литературы, со многими из которых сохранил дружбу и переписку на всю жизнь. В Каирском университете И. Ю. прослушал курс лекций по арабской астрономии. В летние месяцы И. Ю. жил в горных селениях на Ливане, для того чтобы лучше овладеть разговорным народным языком.

Результаты пребывания И. Ю. на арабском Востоке были очень велики. Он в совершенстве овладел арабским литературным и народным языком, хорошо ознакомился с жизнью и культурой арабских стран и их населения и основательно изучил новую арабскую литературу, переживавшую в те годы период возрождения и бурного роста. И. Ю. завязал дружеские личные связи с представителями этой новой литературы, которые помогли ему во многом уяснить характер „литературного возрождения“ в арабских странах, как и некоторые индивидуальные черты в творчестве отдельных арабских писателей. Кроме того, И. Ю. получил отчетливое представление о постановке учебной и научной деятельности в этих странах.

Находясь на Востоке, И. Ю. Крачковский участвовал также ближайшим образом в деятельности Российского Палестинского общества. Он помогал разработке его нового устава, входил в комиссию Общества по вопросу о преподавании русского, арабского и западноевропейских языков в школах Палестинского общества в Сирии, на Ливане и Палестине, присутствовал на экзаменах в этих школах и экзаменовал сам. При этом он вступал в живое общение с преподавателями, близко знакомясь с их нуждами и интеллектуальными запросами. Официально И. Ю. вошел в состав Палестинского общества после избрания его в 1915 г. пожизненным действительным членом Общества. В 1921 г. он был избран в члены его Совета, а с 1928 г. до дня своей кончины состоял товарищем председателя Общества, исполняя с 1934 г. обязанности председателя.

По возвращении из Сирии в 1910 г. И. Ю. Крачковский начал преподавание в С.-Петербургском университете, которое продолжал вести в течение 40 лет. За этот период им читались многочисленные курсы по арабскому языку и литературе, большей частью до него никогда не читавшиеся. Уже вступительная лекция И. Ю. „Исторический роман в современной арабской литературе“, прочитанная им 2 ноября 1910 г., знаменовала принципиально новый, прогрессивный подход к арабской литературе. Впервые в университетское преподавание оказалась включенной современная арабская литература, до тех пор нигде не являвшаяся предметом изучения и большое значение кото-

рой в национальном движении на арабском Востоке оставалось непонятым западноевропейской наукой и некоторой частью профессуры факультета. Небывалым в университетском преподавании оказалось также включение курсов по современным арабским диалектам Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки. Все курсы И. Ю. отличались новизной темы и методологического подхода так же, как совершенно исключительным богатством и широтой материала.

И. Ю. Крачковский принимал большое участие и в организационной работе в Университете, особенно в период после Великой Октябрьской социалистической революции, на который падает расцвет научной и преподавательской деятельности И. Ю. В течение семи лет (1910—1917) он являлся хранителем Восточного семинария имени В. Р. Розена, состоял секретарем Факультета восточных языков (1918—1919), с 1921 г. руководил в качестве председателя Восточной секцией Научно-исследовательского института сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока при Университете. С организацией в 1944 г. Кафедры арабской филологии И. Ю. был назначен ее заведующим, а с 1945 г. был членом Ученого совета Восточного факультета и членом Ученого совета Университета, состоял членом редакционной коллегии „Вестника Ленинградского университета“ и т. д. Осенью 1950 г. И. Ю. Крачковский оставил преподавание в Университете.

Помимо Университета, И. Ю. Крачковский с 1920 г. по 1938 г. в качестве профессора вел преподавание и заведывал Кафедрой арабского языка в Ленинградском восточном институте. Из читанных им курсов нужно особо отметить новые курсы — по арабской диалектологии, по истории современной арабской литературы, по текущей прессе арабских стран. В 1920 г. И. Ю. был назначен профессором Российского института истории искусств.

В 1921 г. И. Ю. Крачковский был избран действительным членом Академии Наук. В записке о представлении, составленной В. В. Бартольдом, Н. Я. Марром, С. Ф. Ольденбургом, подписанной также П. К. Коковцовым, высоко оценивалась научная деятельность ученого. Работа в Академии позволила проявиться также большому организационному таланту И. Ю. В следующем, 1922, году он был избран академиком-секретарем Отделения исторических наук и филологии (позже — Отделения гуманитарных наук) и оставался им в течение восьми лет, до 1929 г.

Помимо руководства всей деятельностью Отделения, И. Ю. Крачковский редактировал с 1924 г. „Доклады Академии Наук“, которые благодаря ему, впервые в академической практике, были широко открыты для публикации работ молодых востоковедов. Часто замещая непременного секретаря и вице-президента, он фактически руководил, таким образом, работой всей Академии. Кроме того, И. Ю. работал во многих постоянных и временных академических комиссиях и совещаниях в каче-

стве их председателя или члена, всюду внося свою инициативу и ставя вопросы на принципиальную и конкретную почву. Особенно близко был связан И. Ю. с Архивом и Библиотекой Академии Наук. В первом он с 1939 г. состоял членом Ученого совета, а с 1946 г. председателем Ученого совета и Архивного совещания. С Библиотекой он был связан как председатель Библиотечной комиссии при Президиуме Академии Наук с 1944 по 1946 г.

В конце 20-х годов И. Ю. Крачковским были предприняты шаги к объединению советских арабистов с целью организации планомерной работы в области арабистики. В 1928 г. И. Ю. был создан Научный кружок ленинградских арабистов, просуществовавший в течение двух лет под его председательством. Одновременно И. Ю. принимал меры к образованию арабистического центра в составе Академии Наук СССР. В 1929 г. им была подана в Президиум Академии Наук специальная записка об учреждении Кабинета арабской филологии. В 1930 г. такой кабинет был создан в Институте востоковедения Академии Наук СССР, возникшем на базе, главным образом, Азиатского музея Академии, и И. Ю. был назначен заведующим кабинетом.

Под руководством И. Ю. Крачковского Арабский кабинет за все время своего существования (до 1950 г.) стремился в первую очередь разрешать задачи, составляющие специфику русской арабистики. Кабинетом систематически велась работа: 1) по изучению источников на арабском языке для истории народов СССР и Восточной Европы, 2) по изучению ранних памятников литературы народов Советского Востока на арабском языке, 3) по изучению ново-арабской литературы XIX—XX вв. и выяснению влияния на нее русской классической и советской литературы, 4) по изучению арабских диалектов, сохранившихся у арабского населения Средней Азии, 5) по изучению современных арабских диалектов Сирии, Ливана и Палестины и составлению словарей этих диалектов и 6) по исследованию вопросов истории русской и советской арабистики.

В 1934 г., имея в виду дальнейшее укрепление и координацию научно-исследовательской работы по арабистике в Советском Союзе, И. Ю. Крачковский организовал при Институте востоковедения Академии Наук СССР Ассоциацию арабистов и в качестве председателя Ассоциации руководил ее деятельностью за время ее пятилетнего существования. В 1935 и 1937 гг. им были созваны сессии Ассоциации, в работе которых участвовали почти все арабисты Союза: из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Казани, Ташкента и других научных центров. В докладах И. Ю. были подведены итоги и намечены задачи арабистической работы в Советском Союзе.

И. Ю. Крачковский всегда уделял много внимания подготовке и воспитанию научных кадров. Считая, что самостоятельное исследование должно начинаться уже на школьной скамье, он охотно руководил

работой студенческих научных кружков и дипломантов, не жалея своего времени и делая все, что было в его силах, для того чтобы привить студентам вкус к научно-исследовательской работе. И. Ю. руководил специальной подготовкой аспирантов в Университете, в Восточном институте, в Академии Наук. Часто к нему направлялись аспиранты и молодые научные работники из других городов и братских республик СССР для повышения их квалификации. Неоднократно, по просьбе общественных организаций, он выступал перед научной молодежью с лекциями о методах и организации научной работы. За долгий период своей деятельности И. Ю. подготовил целый ряд поколений ученых, многие из которых сами уже воспитали немало научных работников, ведущих преподавание и исследование в различных востоковедных учреждениях нашей страны.

Близкое участие принимал И. Ю. Крачковский также и в деятельности других научных учреждений Советского Союза.

Прежде всего следует назвать Русское археологическое общество, членом которого И. Ю. состоял с 1908 г. вплоть до 1923 г. Особенно активно И. Ю. участвовал в работе Восточного отделения Общества. Здесь он выступил с первым своим докладом 28 сентября 1906 г. В „Записках Восточного отделения“ были также напечатаны его первые научные исследования. В 1913—1914 гг. И. Ю. состоял секретарем этого Отделения. С образованием в 1924 г. при Азиатском музее Академии Наук Коллегии востоковедов И. Ю. вошел в число ее активнейших членов, выступая в ее заседаниях со своими докладами и печатая в ее „Записках“ многочисленные статьи и рецензии.

Не менее значительной и важной была деятельность И. Ю. Крачковского в Русском географическом обществе. Он принимал постоянное участие во многих работах Общества и не раз оказывал Обществу помощь в трудные моменты его деятельности. Действительным членом Географического общества И. Ю. был избран в 1909 г. С 1927 г. он состоял членом Совета Общества, а в 1938 г. был избран вице-президентом Общества и состоял им до 1945 г. Он наблюдал за работой Ученого архива Общества, с 1939 по 1945 г. возглавлял Отделение истории географических знаний, а с 1940 г. состоял членом редакционной коллегии „Известий Всесоюзного Географического общества“.

Долголетней была связь И. Ю. Крачковского с Государственной Публичной библиотекой в Ленинграде. Изучению и описанию ее рукописных фондов И. Ю. посвятил немало времени и трудов и не одна его научная работа была основана на рукописных материалах Библиотеки. Для библиотечных сотрудников И. Ю. разработал научную транскрипцию арабского алфавита на основе русской графики, принятую теперь в советских арабистических работах. Неофициальным консультантом Библиотеки И. Ю. был до конца своей жизни. После Великой Отечественной войны И. Ю. участвовал в научном руковод-

стве работой Публичной библиотеки в качестве члена Ученого совета Библиотеки (с 1947 г.).

Библиотечная работа всегда привлекала самое серьезное внимание И. Ю.: правильную и четкую ее организацию он считал необходимым условием успешной научной работы как учреждений, так и отдельных ученых. Из этого вытекало и его неизменно внимательное отношение к библиотечным работникам, большой и незаметный труд которых им высоко ценился. И. Ю. всегда с благодарностью отмечал их помощь то в своих печатных работах, то в устных выступлениях по разным поводам. Будучи сам большим знатоком и ценителем книги, И. Ю. стремился привить это понимание, любовь и чувство ответственности работникам библиотек, выступая для них со специальными докладами и лекциями.

Много лет И. Ю. Крачковский состоял членом Совета ленинградского Дома ученых имени М. Горького: он был в числе его учредителей и принимал деятельное участие в его жизни. И. Ю. участвовал в работе еще ряда других научных учреждений.

Главной линией деятельности И. Ю. Крачковского всегда оставалась востоковедная работа. В Академии Наук И. Ю. начал работу по специальности еще до избрания в действительные члены АН, в 1916 г., когда он был приглашен в Азиатский музей для описания арабских рукописей, поступавших в Академию Наук в этот период. Результатом этой работы был опубликованный в 1917 г. алфавитный список этой коллекции, состоявшей более чем из 1200 сочинений. После этого работа И. Ю. над описанием рукописей Азиатского музея не прекращается. В 1919 г. И. Ю. заведывал Мусульманским отделом; в этом году благодаря его стараниям Азиатскому музею удалось получить ценную коллекцию рукописей из Библиотеки Зимнего дворца, над описанием которой он сам работал с 1913 г. Работа по описанию рукописных собраний Азиатского музея составляет важную сторону научной деятельности И. Ю. Он придавал огромное значение прекрасным рукописным собраниям, являющимся предметом нашей законной гордости, никогда не упускал случая говорить об их важности как базы научного исследования и всегда отстаивал необходимость организации систематического и планомерного их описания, изучения и публикации. Много внимания уделял он также изучению и описанию рукописей ленинградской Публичной библиотеки и Университета. Результатом явились многочисленные статьи об отдельных наиболее выдающихся рукописях, носящие характер историко-литературных исследований.

В своей широко известной и поучительной книге „Над арабскими рукописями“ (1945) И. Ю. Крачковский показал, какой широкий простор для научного творчества открывается исследователю рукописных памятников и как щедро он бывает вознагражден за свои труды. Эта книга сыграла огромную роль в пропаганде научных знаний и всюду

встретила восторженный прием. За несколько лет она выдержала четыре издания общим тиражом около 170 000 экземпляров. Она также переведена на ряд иностранных языков, в том числе и на арабский. Книга „Над арабскими рукописями“ была удостоена Сталинской премии первой степени за 1950 г.

Основной областью научных интересов И. Ю. Крачковского была история и теория арабской художественной литературы — поэзии и прозы. Литературе средневековья он посвятил ряд исследований общего характера, критических изданий и переводов литературных памятников. Среди них важнейшими являются труд о поэте X в. ал-Ва'вā Дамасском, издание самого раннего трактата по поэтике Ибн ал-Му'тазза (X в.), работы о поэте Абū-л-'Алā ал-Ма'арри (XI в.) и общие очерки развития арабской литературы, и в частности поэзии, на востоке халифата и в средневековой Испании.

Изучение арабской литературы XIX—XX вв. было начато трудами И. Ю., и это оказалось важнейшим открытием в мировой арабистике: до него ни европейские исследователи, ни сами арабские писатели и ученые не обращали внимания на молодую арабскую литературу и не придавали ей никакого значения. Авторитет И. Ю. Крачковского как основоположника изучения и лучшего знатока ново-арабской литературы признан мировой наукой и деятелями самой арабской литературы.

В 1923 г. И. Ю. был избран членом Арабской академии в Дамаске и принимал в последующие годы деятельное участие в работе академии, сотрудничая в ее научном органе „Бюллетень“ и в ряде ее научных предприятий.

Несомненно большое значение имели для развития современной арабской литературы его статья в „Бюллетене“ за 1930 г. „Изучение новой арабской литературы (методы и современные задачи)“ и никогда не прекращавшаяся переписка И. Ю. с крупнейшими литературными деятелями, в которой они находили как критические замечания и оценку, так и необходимую поддержку. Некоторые его письма были воспроизведены авторами при издании их сочинений. Не один писатель признавал влияние И. Ю. на формирование его литературного облика.

Значительное место в научном творчестве И. Ю. Крачковского занимают его исследования в области географической литературы, которым он уделял главное внимание последние двенадцать лет своей жизни. Подготовленный им большой труд охватывает развитие географической литературы на арабском языке за громадный период, начиная с зарождения географических представлений у арабов до ислама и кончая XVIII в. Помимо своего общего значения для истории географических знаний и значения специально арабистического, этот труд впервые в мировой науке раскрывает выдающуюся роль в развитии многих наук таких замечательных ученых, как ал-Бирūнī, Авиценны

и других прославленных деятелей нашей страны в средние века, которые намного опередили свое время и оказали большое влияние на дальнейшие судьбы науки.

Очень много внимания уделял И. Ю. Крачковский изучению памятников арабской письменности, важных для истории народов СССР. Он всегда считал эту тему одной из важнейших задач нашей отечественной арабистики. С 1931 г. И. Ю. стал во главе специальной академической Комиссии по вопросу о своде арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. В 1932 г. И. Ю. выступил в печати с планом подготовки свода этих источников, что и положило начало их систематическому изучению. Благодаря его инициативе и неустанному руководству, в 1939 г. было осуществлено А. П. Ковалевским новое издание и критический перевод важнейшего памятника для истории народов нашей страны — описания путешествия Ибн Фадлāна в Поволжье (X в.). Это стало возможным после получения из Ирана, стараниями И. Ю., фотокопии мешхедской рукописи этого памятника. Под наблюдением и редакцией И. Ю. осуществлялась также публикация переводов арабских текстов для истории туркмен и Туркмении (1939). Начаты были и некоторые другие работы по переводу документов и повествовательных источников на арабском языке и по истории их изучения. К сожалению, до сих пор еще очень мало сделано для реализации плана работ, намеченных И. Ю. в этой области.

Самому И. Ю. Крачковскому принадлежит важная заслуга в изучении и издании ряда памятников и выяснении их значения для прошлого нашей страны. Так, им была написана работа о путешествии Макария Антиохийского в XVII в. на Украину и в Россию. В ряде работ им впервые в науке выяснено важное значение „Второй записки“ арабского путешественника X в. Абū Дулефа, освещающей некоторые вопросы истории Азербайджана, Грузии, Армении и других стран. И. Ю. произведено систематическое обследование известного „Географического словаря“ Йақута (XIII в.) и им окончательно определен весь объем материалов о кавказских областях, заключающихся в этом произведении. Много внимания посвятил И. Ю. публикации и исследованию памятников, относящихся к истории Северного Кавказа в середине XIX в.

Для изучения истории Средней Азии имеет огромное значение опубликованный И. Ю. Крачковским совместно с В. А. Крачковской арабский документ от 718—719 г. н. э. из Согдианы. В этой публикации И. Ю. дал мастерскую дешифровку и блестящую историческую интерпретацию документа. Исследование И. Ю. осветило весь начальный период борьбы одного из народов Средней Азии с арабскими завоевателями. Оно дало также надежную опору для дешифровки и датировки всего комплекса согдийских документов и вызвало продолжение плодотворного изучения этого периода нашими учеными.

Большое место в научной деятельности И. Ю. Крачковского занимала работа по популяризации арабской литературы как средневековой, так и современной путем перевода лучших ее произведений на русский язык. Уже в 1912 г. появился его перевод книги прогрессивного арабского деятеля Касима Амина „Новая женщина“. В 1917 г. И. Ю. были выпущены избранные произведения Амина ар-Рейхāни, тогда еще молодого писателя. Предисловие И. Ю. к этому сборнику переводов неоднократно перепечатывалось по-арабски на Востоке.

После Великой Октябрьской революции, в связи с организованным по инициативе М. Горького издательством „Всемирная литература“, И. Ю. Крачковский был избран в 1919 г. членом редакционной коллегии экспертов Восточного отдела издательства. В том же году И. Ю. опубликовал подробный план издания на русском языке памятников арабской художественной литературы. Этот план, включавший основные произведения древнего и нового периодов литературы и фольклора, до сих пор сохраняет все свое значение, так как в нем дано полное представление о богатстве арабской литературы. К сожалению, только незначительная часть плана была осуществлена. Одновременно И. Ю. являлся авторитетнейшим экспертом в этом издательстве и по западным литературам, причем часто его мнение было решающим.

В 1922 г., когда был основан журнал „Восток“, И. Ю. Крачковский вошел в состав его редакции. В этом журнале И. Ю. напечатал переводы произведений аш-Шанфары, Нāсийфа ал-Йāзиджй, Амина ар-Рейхāни и поместил ряд общих статей о новой и средневековой арабской литературе.

В 1929 г. под редакцией И. Ю. Крачковского в издательстве „Academia“ начал выходить выполненный М. А. Салье перевод книги „Тысяча и одной ночи“ — первый полный русский перевод с арабского оригинала. Он сыграл большую роль в ознакомлении советских читателей с этим выдающимся памятником мировой литературы. В 1934 г. появился перевод И. П. Кузьмина и И. Ю. другого знаменитого памятника — „Калилы и Димны“. В том же году вышел в свет перевод И. Ю. первой части автобиографической повести современного египетского литератора и ученого Тāхā Хусейна „Дни“. В рукописном наследии И. Ю. имеются многочисленные переводы арабских произведений, в том числе вторая часть повести Тāхā Хусейна „Дни“, повесть современного ливанского писателя Шукри Хурй „Путешествие Финийāнуса“, сборник произведений арабских доисламских поэтов, и др.

Особое место в научной деятельности И. Ю. Крачковского занимало исследование Корана как литературного памятника. В результате тридцатилетней работы им завершен громадный труд по переводу этого памятника на русский язык. Этот перевод, выполненный лучшим знатоком арабского языка и литературы, с совершенно исключительным знанием всех относящихся сюда источников, при изумительном владе-

нии русским литературным языком, впервые дает адекватное представление о Коране и позволяет объективно и всесторонне использовать этот памятник в историческом и литературоведческом исследовании.

Много внимания уделял И. Ю. Крачковский созданию учебных пособий для удовлетворения возросших потребностей нашей высшей школы. Так, под его непосредственным руководством была написана Н. В. Юшмановым первая русская научная грамматика арабского литературного языка. Первый русский словарь современного арабского литературного языка проф. Х. К. Баранова составлен при ближайшем участии и под редакцией И. Ю., как и первая антология современной арабской литературы К. В. Оде-Васильевой. По инициативе И. Ю. и под его руководством появилась первая хрестоматия разговорного арабского языка (сирийского наречия), составленная Д. В. Семеновым; при участии И. Ю. вышла на Кавказе также первая хрестоматия арабского классического языка, составленная Г. В. Церетели. Большинство этих изданий снабжено вводными статьями И. Ю., в которых с исчерпывающей полнотой освещена история вопроса, дан критический анализ всех предшествующих пособий и охарактеризованы принципы построения каждого данного пособия. Особое значение сыграло предисловие И. Ю. к хрестоматии „Образцы ново-арабской литературы“ К. В. Оде-Васильевой (1928) для изучения современной арабской литературы. Между прочим, эта хрестоматия широко была использована за границей как для преподавания, так и для научного изучения, и послужила образцом для ряда аналогичных учебных пособий также и в арабских странах. Почти все упомянутые работы превзошли пособия, имеющиеся в этой области за рубежом.

На всем протяжении своей научной деятельности И. Ю. Крачковский уделял исключительное внимание истории арабистики и сопредельных областей востоковедения. Десятки статей он посвятил наиболее выдающимся деятелям отечественного востоковедения. В этих статьях И. Ю. всегда стремился показать большие заслуги наших ученых и их вклад в мировую науку. Завершением его многолетних работ в этой области является вышедшая в 1950 г. книга „Очерки по истории русской арабистики“.

Книга состоит из трех разделов. В первом дана предистория русского востоковедения. Во втором разделе, на фоне общего развития востоковедения, И. Ю. Крачковский рисует яркую картину истории арабистики в России с начала XIX в. до Великой Октябрьской революции, со всей силой подчеркивая самостоятельный и своеобразный путь развития русской арабистики и ее ведущую роль. Третий раздел посвящен арабистике в СССР. Здесь И. Ю. убедительно показывает серьезные успехи арабистики за советский период, детально характеризует наметившиеся новые линии научной и практической деятельности, ярко освещает специфику советской арабистики, по праву заняв-

шей первое место в мировой науке, дает глубокий анализ выполненных за советский период крупнейших работ и четко намечает задачи, которые имеют существенное значение для развития советской арабистики. Эта работа, получившая в 1949 г. первую премию Ленинградского Государственного университета, является первым и пока единственным специальным трудом по истории нашего отечественного востоковедения. Она значительно облегчает насущную задачу создания аналогичных трудов в других областях востоковедения.

В этой же связи следует назвать еще ненапечатанный труд И. Ю. Крачковского „Библиографический словарь русских арабистов“. Этот словарь, единственный в своем роде, является важнейшим справочным пособием по истории отечественного востоковедения. Его появление в свет будет встречено с большим интересом не только в узких кругах специалистов. Богатейший и разнообразный материал, который тщательно собран за ряд десятилетий лучшим знатоком и критически им проверен, касается многих сторон истории русской культуры. Рукопись словаря, объемом около 45 авторских листов, подготовлена к печати.¹

Важное значение для истории русской науки имеет также и другой ненапечатанный еще труд И. Ю. Крачковского „Введение в абиссиноведение“. Возникший еще в студенческие годы интерес И. Ю. к эфиопскому языку и литературе не ослабевал всю жизнь. Он систематически следил за развитием этой науки и в разные периоды освещал в печати отдельные, наиболее важные вопросы абиссиноведения. В последние годы своей жизни И. Ю., после долгого перерыва, возобновил университетское преподавание этой дисциплины. На основе его лекций и возникло „Введение в абиссиноведение“. Эта книга, посвященная памяти крупнейшего русского абиссиноведа и историка Древнего Востока академика Б. А. Тураева, дает историю изучения Абиссинии, культуры и языков ее народов. Уделяя в книге особое внимание роли русской науки, И. Ю. определяет в ней задачи дальнейшего изучения вопросов абиссиноведения и характеризует строй абиссинских языков. Рукопись объемом в 15 авторских листов содержит также большой библиографический материал и совершенно готова к печати.

Велико количество научных трудов И. Ю. Крачковского. Одних только напечатанных работ — 458. Его труды снискали ему всемирную известность. Его авторитет как крупнейшего арабиста был признан всеми. Выше говорилось об избрании его в Арабскую академию. В 1944 г. он был избран почетным членом Иранской Академии наук;

¹ Ввиду поступавших к И. Ю. Крачковскому многочисленных запросов от учреждений и отдельных лиц относительно различных деятелей русского востоковедения, И. Ю. нашел возможным предоставить две копии рукописи словаря в общее пользование. Одна из них находится в консультационно-библиографическом отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, другая в Арабском кабинете им. И. Ю. Крачковского Ин-та востоковедения АН СССР.

в 1946 г. — действительным членом Польской Академии Наук; в том же году он был избран заграничным членом Фламандской Академии Наук и почетным членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, и т. д.

И. Ю. Крачковским оставлено и значительное рукописное наследство. Выше уже говорилось о некоторых, готовых к печати, его рукописях. Большую ценность представляют также многие другие его неопубликованные статьи и материалы. Важное значение имеет и богатейшая переписка И. Ю. с многочисленными научными учреждениями и учеными.

Однако всем этим далеко не исчерпывается научная деятельность И. Ю. Крачковского. Он принимал ближайшее участие во многих отечественных и международных коллективных научных работах. И. Ю. помогал многим ученым своими переводами, примечаниями, дополнениями справками, советами, чтением корректур и т. д. Многие работы возникли потому, что были им подсказаны и выполнялись под его непосредственным руководством. Обширна была и редакторская деятельность И. Ю., которая никогда не носила формального характера, но выполнялась им со всей тщательностью и ответственностью.

И. Ю. Крачковский был горячим патриотом нашей великой Родины. Вся научная и общественная его деятельность была направлена на развитие и процветание отечественной науки, на умножение ее славы. Благодаря трудам И. Ю. советская арабистика заняла ведущее место в мировой науке, что является общепризнанным фактом. Особенно ярко проявился патриотизм И. Ю. в годы Великой Отечественной войны. В тяжелую зиму 1941—1942 г., когда Ленинграду грозила смертельная опасность, И. Ю. оказался в передовых рядах героев-ленинградцев. В этот период он был председателем Комиссии по делам ленинградских учреждений Академии Наук СССР, председателем объединенного Ученого совета гуманитарных отделений Академии Наук и специально образованного Комитета Географического общества. И. Ю. группировал вокруг Академии всех ученых, оставшихся в Ленинграде, помогал им в условиях осады продолжать работу, руководя ею. Благодаря поразительной стойкости, бесстрашию и энергии И. Ю. и ленинградских ученых, несмотря на блокаду, непрекращавшиеся бомбардировки с воздуха, обстрел и продовольственные трудности, научная деятельность учреждений Академии Наук не прекращалась. Находясь на своем боевом посту, стремясь организовать нормальную работу, И. Ю. заражал всех окружавших его сотрудников бодростью и уверенностью и заставлял их забывать все тяготы и лишения блокады.

Как и в мирное время, в Академии Наук регулярно происходили научные заседания. Научная деятельность самого И. Ю. была в этот период еще более напряженной, чем до войны. За 10 месяцев блокады И. Ю. было написано свыше 25 печатных листов его главного труда

об арабских географах, и эти главы труда принадлежат к числу наиболее вдохновенных и совершенных. На заседаниях Арабского кабинета Института востоковедения Академии Наук И. Ю. читал свои доклады, всегда вполне готовые к печати. За этот период И. Ю. прочтены были в Кабинете следующие доклады: „Источник «Витязя буланого коня» Сенковского“ (6 IX 1941), „Географы XII века на востоке“ (16 X), „Йақут и географы первой половины XIII века“ (30 X), „Вторая половина XIII века в арабской географической литературе“ (20 XI), „Четырнадцатый век в арабской географической литературе“ (11 XII), „Энциклопедии мамлюкской эпохи. Путешествие Ибн Баттуты“ (25 XII), „Ибн Халдун и география в Магрибе XV—XVI века“ (24 I 1942), „Ал-Макрий и египетские географы до турецкого завоевания“ (22 II). И. Ю. тогда же выступал оппонентом в Институте востоковедения при защите П. П. Ивановым докторской диссертации „Архив хивинских ханов XIX в.“ (24 XI 1941 г.). Под председательством И. Ю. 29 декабря 1941 г. состоялось в Институте востоковедения заседание в память Алишера Навои, которое И. Ю. открыл своим вступительным словом.

Одновременно с этим под председательством И. Ю. Крачковского происходили и заседания объединенного Ученого совета по гуманитарным дисциплинам, на которых ленинградскими учеными сообщались в докладах результаты их текущей научной работы и защищались диссертации.

Громадная работа была проделана И. Ю. Крачковским по сохранению научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках Академии Наук и Географического общества. О самоотверженной работе И. Ю. в этот суровый период Совет Географического общества писал следующее:

„В тяжелые месяцы блокады Ленинграда, с июля 1941 г. по июль 1942 г., И. Ю. Крачковский руководил всей работой Общества, в частности по сохранению тех ценностей — архивных и библиотечных, которые накоплены Обществом за истекшие сто лет его существования.

„В июле 1942 г. И. Ю. Крачковский переехал в Москву, но и здесь продолжал вести руководящую работу в Обществе, не отказываясь ни от каких дел, связанных не только с арабистикой, но и с развитием отечественной географии и с интересами Всесоюзного Географического общества; благодаря его усилиям и всемерному содействию президента Академии Наук СССР и почетного президента Всесоюзного Географического общества академика В. Л. Комарова, в 1943 г. в Москве возобновлено печатание основного издания Общества — его «Известий». Являясь заместителем ответственного редактора «Известий» академика В. Л. Комарова, академик И. Ю. Крачковский продолжает в 1944 г. успешно руководить не только «Известиями», но и другими изданиями Общества“.¹

¹ Известия Всесоюзного Географического общества, т. 76, 1944, стр. 141—142.

Советское Правительство высоко оценило деятельность И. Ю. в условиях блокады Ленинграда и наградило его 17 мая 1944 г. орденом Ленина.

В Москве И. Ю. Крачковский продолжал свою напряженную научную и организационную деятельность не только в Географическом обществе, но и в ряде других научных учреждений столицы. 28 декабря 1943 г. И. Ю. организовал Московскую группу Института востоковедения Академии Наук СССР. Ближайшим образом И. Ю. участвовал в научной жизни Государственной исторической библиотеки, где он состоял членом ее Ученого совета (с 1944 г.) и прочел в ней цикл лекций по истории арабской литературы. Как и в Ленинграде, результаты своей текущей научной работы И. Ю. сообщал в докладах перед разнообразной аудиторией. В Москве за два года им было прочитано 24 доклада в Московской группе Института востоковедения, Институте языка и письменности Академии Наук СССР, Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Комиссии по истории Академии Наук СССР, Отделении литературы и языка Академии Наук СССР и в Московском Государственном университете им. М. В. Ломоносова. Вся эта деятельность И. Ю. много способствовала организации и повышению уровня научной работы в различных учреждениях Москвы. В Москве же была написана часть его книги „Над арабскими рукописями“.

Научные заслуги И. Ю. Крачковского и его кипучая, неутомимая деятельность были высоко оценены Правительством и он был награжден вторым орденом Ленина 10 июня 1945 г.

После кончины И. Ю. Крачковского состоялось решение Правительства об увековечении памяти ученого, так много сделавшего для развития отечественной науки. Постановление Совета Министров СССР от 5 апреля 1951 г. предусматривает издание избранных сочинений академика И. Ю. Крачковского, организацию в Институте востоковедения Арабского кабинета имени И. Ю. Крачковского и утверждение мемориальной доски на доме в Ленинграде, где жил академик И. Ю. Крачковский (В. О., 7-я линия, дом 2). Ученый Совет Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова, в котором И. Ю. Крачковский проработал сорок лет, также вынес постановление 26 марта 1951 г. об издании четырех томов его сочинений, издании научного сборника памяти ученого, установлении его портрета в портретной галлерее Университета.

В настоящее время разработан план академического и университетского издания трудов И. Ю. Крачковского. Скорейшее осуществление намеченного плана издания трудов И. Ю. явится лучшим и наиболее достойным средством, чтобы сохранить навеки память об этом большом ученом-гражданине, отдавшем всю свою жизнь для процветания и прославления науки горячо любимой им Родины.

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ НА ЛИВАНЕ И В ПАЛЕСТИНЕ

(1908—1910 гг.)

Еще на гимназической скамье у И. Ю. Крачковского появился интерес к Востоку; он твердо решил поступить на Факультет восточных языков С.-Петербургского университета и пробыл в нем с осени 1901 г. до конца 1905 г.

С 1 января 1906 г. И. Ю. Крачковский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию под руководством академика В. Р. Розена. В план занятий, кроме усовершенствования в арабском языке, была включена диссертация на звание магистра и путешествие на Ближний Восток; о последнем молодому арабисту было известно еще до окончания университета.

Имея в виду поездку, И. Ю. набросал самостоятельно широкую программу занятий. Он хотел углубить свои познания в арабской филологии, истории феодального периода, намеревался охватить всю существующую литературу по фольклору и лингвистике, „чтобы не открывать вторично Америки“. На первом плане стоял сирийский диалект арабского языка и французский язык, так как преподавание в университете св. Иосифа в Бейруте велось по-арабски и по-французски.

И. Ю. Крачковский выехал из Петербурга 22 июня 1908 г. и прибыл в Бейрут 6 июля 1908 г. В первые же дни И. Ю. отправился на поиски русской школы, где и познакомился с двумя учительницами-арабками.

Стояла летняя жара и занятия в Бейрутском университете на лето были прерваны; И. Ю. решил направиться вглубь Сирии, чтобы в чисто арабской среде лучше овладеть разговорным арабским языком. Он наметил местечко Шувейр на Ливане, где до него побывали В. Ф. Гиргас и А. Е. Крымский.¹

В Шувейр И. Ю. прибыл 10 июля с желанием и надеждою непременно научиться разговорному арабскому языку. Сопровождавший его

¹ См.: акад. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 118.

Игнатий Юлианович Крачковский.
Бейрут, февраль 1910 г.

араб „оказался очень милым человеком, объяснявшим мне усердно все места на пути. Дорога же действительно очень красивая и все места, начиная от Бейрутской реки, прямо интересны“.¹

Поселился И. Ю. неподалеку от Шувейра, в запущенном монастыре Мар Ильяс (св. Ильи), вся братия которого состояла из 7 человек. Шувейр принадлежал к числу поселений, где господствовала народная речь, овладеть которой так жаждал И. Ю. Убедившись, что монахи монастыря мало образованы, И. Ю. старался завести знакомства по соседству, начиная с маронитов, которых он ценил за то, что они „с арабской литературой знакомы отлично“.²

Образ жизни и бытовые условия в Мар Ильясе не были удобны для молодого ученого, но здесь, невольно, он сталкивался с самыми разнообразными представителями общества. Точно в пестром, одушевленном калейдоскопе мелькали земледельцы, садоводы, ремесленники разных специальностей; ученые, литераторы и поэты; сторонники разных политических партий; духовенство всяких христианских исповеданий и ступеней иерархии и мусульмане; богатые туристы и скромные странники; дельцы и тунеядцы. И. Ю. Крачковский писал: „Удивительная масса всяких национальностей бродит здесь: вчера был какой-то серб, по профессии маляр; позавчера итальянец, искатель воды“.³

Большой интерес И. Ю. Крачковского вызывали те, которые имели какое-нибудь отношение к арабской литературе, например заехавший с визитом в монастырь маронитский викарий:

„Оказывается, он из фамилии Бустани и приходится родственником переводчику Илиады.⁴ Обещал навестить меня в Бейруте. Интересно было бы с ним познакомиться поближе“.⁵

Очень поучительны были встречи с местной интеллигенцией — журналистами, писателями, учеными.

В июле И. Ю. обзирал Шувейр, „который оказался довольно большим“. На одной из первых прогулок он нашел „очень красивые места, особенно у ключей (‘Айн аш-ширкй, ‘Айн ас-Сарфад)“.

Началось и его знакомство с учителями школ Палестинского общества из Шувейра и других городков и селений на Ливане. В частности, И. Ю. „познакомился с арабкой, учительницей школы Палестинского общества, и с тремя молодыми арабами из Шувейра“.

И. Ю. встретился с неким ‘Исой, который в то время учительствовал в Бтегрине. Второй учитель, с которым познакомился в Шувейре

¹ Дневник, 11 июля 1908 г. Цитаты даны по дорожным записям и письмам И. Ю. Крачковского, хранящимся в личном архиве автора.

² Дневник, 12 июля 1908 г.

³ Дневник, 17 августа 1908 г.

⁴ Имеется в виду перевод Бутруса Бустани „Илиады“ на арабский язык.

⁵ Дневник, 17 июля 1908 г.

И. Ю. Крачковский, был тогда преподавателем красноречия **بيان** (байан) в Бельменде.¹ За первым знакомством последовали другие встречи, взаимные посещения, прогулки, осмотр школ:

„Был вчера в Бтегрине в гостях у учителя 'Исы (Ма'лұла); училища оборудованы очень прилично и сам он милый человек. Видел трех учительниц; одна говорит по-русски. Есть знающая немецкий и английский“.²

„Был вчера в деревушке Абӯ Мйзән (ابو ميزان), пожалуй самой красивой по местоположению из всех мною виденных. Стеснена со всех сторон горами и расположена в ложине; никакой дороги, не только колесной (طريق كروسة), но даже и простой пешеходной не имеется“.³

Не только преподавательский персонал, его уровень и обстановка в школах интересовали молодого арабиста; он вступал в беседы с учащимися. Через неделю по приезде в Шувейр И. Ю. Крачковский записал „со слов одного ученика школы в Карнет аш-Шахвейн“ восемь загадок, которые показывают, как быстро он осваивал трудную народную речь:

1. حذرك مذكّر شقّك فذرك — مغص
2. فى شى قد الكف بيقتل مية والف — مشط
3. بنت الملك بالجوره لابسه الف تموره — ملفوفه
4. فى شى على الرف بيحشى ويلطف — الحيه
5. فى شى بالقرن وبيجقرنه — قنديل
6. فى شى بالوانى بيعط يا اولادى — الجرس
7. فى شى بيصرح تقشعه — الرعد
8. فى بيت مكلّس ابيض من دون طاقة — بيضه

Перевод загадок.⁴

1. 'Остерег тебя, испортил тебя (подразумевается испортить желудок, пронести), разорвал тебя и расколол'. Разгадка — **مَغَص** — колики в животе, причем вернее **فَنَز**, а не **فَنَر**.
2. 'Что-то с ладонь убивает сотню и тысячу'. Разгадка — **مُشَط** гребень. (Повидимому, сотня и тысяча вшей).
3. 'Дочь царя в яме одета в тысячу юбок'. Разгадка — кочан капусты.
4. 'Что-то на полке идет и свертывается'. Разгадка — змея.
5. 'Что-то в углу и дразнит меня'. Разгадка — светильник. Обычно светильники ставились на полочке в углу. Повидимому, правильное **بيجقرنى** и **بالقرنه**.
6. 'Что-то в долине кричит, о мои дети!'. Разгадка — колокол. Вернее писать **بيعط** или **بُعِيط**.

¹ Дневник, 19 июля 1908 г.

² Дневник, 25 июля 1908 г.

³ Дневник, 20 августа 1908 г.

⁴ Перевод загадок и пояснения К. В. Оде-Васильевой.

7. 'Что-то кричит и ты его видишь'. Разгадка — гром البعد. Может быть, надо писать: *يُبصر*.
8. 'Имеется белый штукатуренный дом без окна'. Разгадка — яйцо *بَيْضَة*.

Вечером 2 августа 1908 г. И. Ю. Крачковский присутствовал на ученическом спектакле в католической школе около Бтегрин. По сообщению учителя 'Исы, который сопровождал И. Ю., пьесы проходили предварительно строгую цензуру; к постановке допускались сюжеты, мало интересные для арабской аудитории, но приемлемые с точки зрения школьного руководства, как поставленная в этот вечер пьеса *رواية رومانوس امبراطور الشرق*. Пьесы, более понятные для слушателей, не допускались. Цензурой была воспрещена, например, пьеса из истории феодального периода Сирии „Салāх ад-дйн ал-Айūбй“ (Саладин)

صلاح الدين الايوبي.

О просмотренной пьесе И. Ю. писал:

„Самая пьеса, конечно, довольно наивна и пахнет европейским средневековьем, но поучительного много. Сплошь, конечно, язык классический, но дается он верно с очень большим трудом, ибо публика пыталась поправлять певца, произносившего верно «о возлюбленная сердца!»

يَا حَبِيبَةَ الْقَلْبِ ... Представление прерывается вставками из публики, в полной мере сохранившей страсть к стихам и к ораторству, часто превращающуюся в пустую болтовню из любви к искусству играть словами. Даже и повторения у певца кто-то попросил двустилишем, смысл которого (точно не помню):

يا ايها صاحب الصوب الجميل كمل فإن القلوب سوامع

«О, обладатель прекрасного ливня, дай сполна, потому что сердца слушают».

Точно так же в одном патетическом месте, где сын оплакивает умершего отца, один из присутствующих, воскликнув «не спеши, о юноша!» *سَهْلًا اَيُّهَا الْغَتَّى*, продекламировал элегию.

После окончания — целая вакханалия стихов и речей, благодарственных, превозносящих науку и т. д. Вообще, стихами они владеют блестяще, если не считать мелких погрешностей против *и'раба* ¹ *اغراب*,² наподобие своих предков.³

Еще через неделю И. Ю. Крачковский обучался у учительниц арабским играм. Таким образом, он охватывал постепенно круг учебных занятий и развлечений детей на Ливане, а посещения учебных заведе-

¹ И'раб — правильное произношение по-арабски.

² Дневник, 3 августа 1908 г.

ний разных направлений позволяли делать выводы и сравнения с постановкой дела в школах Палестинского общества.

Своими успехами в разговорном арабском языке И. Ю. был страшно недоволен. Все же с первых дней он производил наблюдения и делал очень серьезные, вполне самостоятельные выводы о соотношении некоторых глагольных форм в классическом и разговорном местном диалекте.

„12—суббота, утро. Сидел в 'Айн ас-Сарфад, изучал Хартмана и внезапно сделал открытие о происхождении формы $\text{بُنْتُ} = \text{بُنَيْتُ}$, которая из Ḥamāsy^1 отмечена мной в рецензии на Петерса (P. Peeters). Глаголы *secundae kesrae* в здешнем диалекте систематически получают кесру и при первой [коренной]—шириб (= شَرِبَ), рыды (= رَضَى) и т. д. Ясно, что уж последняя форма своей аналогией могла оказать влияние на отмеченную, но еще характернее, что страдательный залог, сохранившийся только в двух قَتِّلَ и عَلَبَ (по Хартману), звучит қытил и гылиб. Ясно, что и بُنِيَّ буния произносилось, как быни и, значит, بُنَيْتُ (а не بُنْتُ скорее как в Ḥamāse) есть не что иное, как точная передача вульгарной формы. Таким образом, лишний раз выясняется, насколько важно для исследователя христианско-арабских памятников быть знакомым с живым диалектом, и, во-вторых, насколько сильно отражаются в них именно вульгаризмы (против Петерса хороший пример)“.²

В полном одиночестве, по ночам, в своей каморке или на пустынной плоской кровле И. Ю. учился произносить труднейшие звуки арабского языка 'айн и ح ع خ , различать تā и طā ط , повторял без конца специально подобранные фразы:

حملت حمل المحل 'Я носил бремя нужды',

يا محول الاوال حول حالنا الى احسن حال 'О, изменяющий всякое состояние, измени наше положение к лучшему положению!'

„После усиленной практики начинает, повидимому, выходить ḫā . Не скажу, чтобы за недельное пребывание было большим результатом“.³ Несмотря на улучшение произношения, он огорчался: „Настроение неважное, так как мой язык сугубо не вытанцовывается в монастыре, а сторонние знакомства что-то не удаются... С горя придумываю темы для книжных работ, на которые придется, верно, перейти (перевод Илиады, университет, сирийская пресса, арабская литература в Америке),⁴ в отчетах же придется, верно, подвирать изрядно“.

¹ См. рецензию И. Ю. Крачковского в „Записках Восточного отделения Археологического общества“, 1908, т. XVIII (1907—1908), стр. 0106—0113. — И. Ю. Крачковский. Ḥamāsa Бухтур и ее первый исследователь в Европе. ЗВО, 1913, т. XXI (1911—1912), стр. 022—033.

² Дневник, 12 июля 1908 г., Шувейр.

³ Дневник, 17 июля 1908 г.

⁴ Подразумевается литература арабских эмигрантов, бежавших из Сирии от гнета Турции. Все эти работы вскоре появились в печати.

И. Ю. пытался даже устроить регулярные занятия по языку с учителем 'Исой: „Никогда не предполагал, что язык у меня будет итти так скверно“.¹

Почты в Шувейре не было. Отправлять и получать письма приходилось в другом селении, Бикфейе, проделывать путь туда и обратно пешком по кручам. При первом посещении Бикфейи И. Ю. попалась в руки местная газета: он ее описал и с этого момента начал пристально следить за арабской прессой.

„Видел сегодня газету «Ливан» № 766 от 14—27 таммуза, заглавие каковой لبنان جريدة سياسية تجارية علمية تاريخية ادبية صناعية زراعية «Ливан, политическая, коммерческая, научная, историческая, литературная, промышленная и сельскохозяйственная газета». Основана в 1891 году... издается в Ба'абдā,² выходит раз в неделю и стоит в Ливане 3 риала, а в Египте и за границей 10 франков. Формат обычный — малый лист. Содержание тоже обычное“.

„Видел еще 28 выпуск (الجزء ٢٨) газеты «ал-Мухаддиб جريدة المهذب العلمية صناعية ادبية» Воспитатель. Научно-литературная и промышленная газета», выходящей в (لبنان) Захла (Лубнāн) от 11 السمت قى ١١٣٦ تـموز سنة ١٩٠٨ غ ٢٨ حزيران سنة ١٩٠٨ ش ١٢ جمادى الثانى سنة ١٣٢٦. В субботу, 11 июля 1908 года (по новому стилю), 28 июня 1908 года (по старому стилю) и 12 Джумāдā-с-Сāни 1326 года (по хиджре). Выходит раз в неделю, основана в 1907 году. Кроме ряда статей газета содержит «Известия — Корреспонденции — Хроника — Каменный уголь — Отборное — Объявления». Всего восемь страничек в номере. Цена на Ливане 10 франков, за границей — 15“.³

„Здесь курьезен не только способ пересылки газет, но и собирания подписной платы, состоящий в том, что некий доверенный тип редакции ходит по Ливану и собирает ее у подписчиков!

„От него я узнал некоторые подробности насчет здешней прессы, состоящей из 5 газет, из коих все — маронитские, кроме «Лубнāн» — православного [органа] и «Арз ارز» официального, издающегося в Джўнийе جونية. Кроме виденных мною, есть «Ар-Рауда» الروضة, издающаяся тоже в Ба'абде بعبدية, имеющей таким образом две газеты. «Лубнāн» печатается в 1500 экземплярах; около 1200 их расходуется на Ливане и в Сирии; около 300 в Египте, Судане, Европе и Америке, конечно среди эмигрантов. Единственный сотрудник получает 5 лир в месяц; приняв во внимание еженедельность газеты — не так и мало“.⁴

И. Ю. Крачковский желал прочесть сам доступные №№ газет, хотел услышать, увидеть все своими глазами. Тут сказалась уже тогда, выработанная система исследовательской работы И. Ю. Крачковского,

¹ Дневник, 27 июля 1908 г.

² Ба'абдā — бывшая зимняя резиденция турецкого губернатора.

³ Дневник, 16 июля 1908 г.

⁴ Дневник, 30 июля 1908 г.

которой он держался до конца: найти все самому и все проверить, а в этом случае и позаимствоваться было совершенно неоткуда — он открывал новые пути для науки.

Экскурсии по живописным окрестностям Шувейра совершались обычно в компании знакомых учителей; много времени отнимали визиты, но большая часть отдавалась чтению на арабском языке, так как русской литературы, не считая отрывного календаря, у И. Ю. Крачковского с собой не было.

Разговоры с учителями постоянно вращались вокруг арабской литературы, классической и современной, мусульманской и христианско-арабской; об этом можно судить, например, по записи о посещении одного литератора и учителя (му'аллима) в Шувейре.¹

От разговоров на литературные темы, естественно, появилось желание узнать, что же представляет собой современная арабская литература. В Шувейре он прочел كنوز لبنان „Сокровища Ливана“, затем الغريب في الغرب „Чужой на Западе“ — „довольно курьезное произведение одного шувейрита, Миха'ила Рустума“.²

29 июля 1908 г. он „начал читать Калилу и Димну по изданию, напечатанному в Бейруте в 1896 г.“.³ Чтение „Калилы и Димны“ было окончено 5 августа со словами: „Занятная штука! Непременно ее нужно будет почитать со студентами“.

Четыре недели самостоятельной работы в этом направлении не прошли даром; оригинальные мысли о новой арабской литературе были занесены в дневник в Шувейре; он приводит слова мусульман после смерти писателя Наджиба Хубейфа: هذا هو رجل واحد اصلح العلم في الاسلام. „Этот единственный человек реформировал науку в Исламе“. И далее: „Интересно сравнить с гордым принципом первой эпохи новой арабской литературы (времен Тантави и Кремера)“.⁴ „Шувейр не на шутку может считаться очагом современной литературы“.⁵

23 августа 1908 г. И. Ю. Крачковский переписал для Машрика текст „Михаила“, предисловие исправил абуна Афанасий“. Эта статья „Легенда о чудесах архангела Михаила в Палестине“ قصة اعجوبة لميخائيل была напечатана в декабре 1909 г.⁶

¹ Дневник, 25 августа 1908 г.

² Дневник, 27 июля 1908 г.

³ Дневник, 8 августа 1908 г.

⁴ И. Ю. Крачковский. Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810—1861 гг.). Труды Комиссии по истории знаний Академии Наук, Л., 1929. — И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. 3-е исправленное издание, М.—Л., 1948, стр. 119—127.

⁵ Дневник, 8 августа 1908 г.

⁶ См.: И. Н. Винников. Игнатий Юлианович Крачковский. Материалы к биобиблиографии ученых СССР, М.—Л., 1949, стр. 21, № 16.

Рис. 1. Горный пейзаж на Ливане.

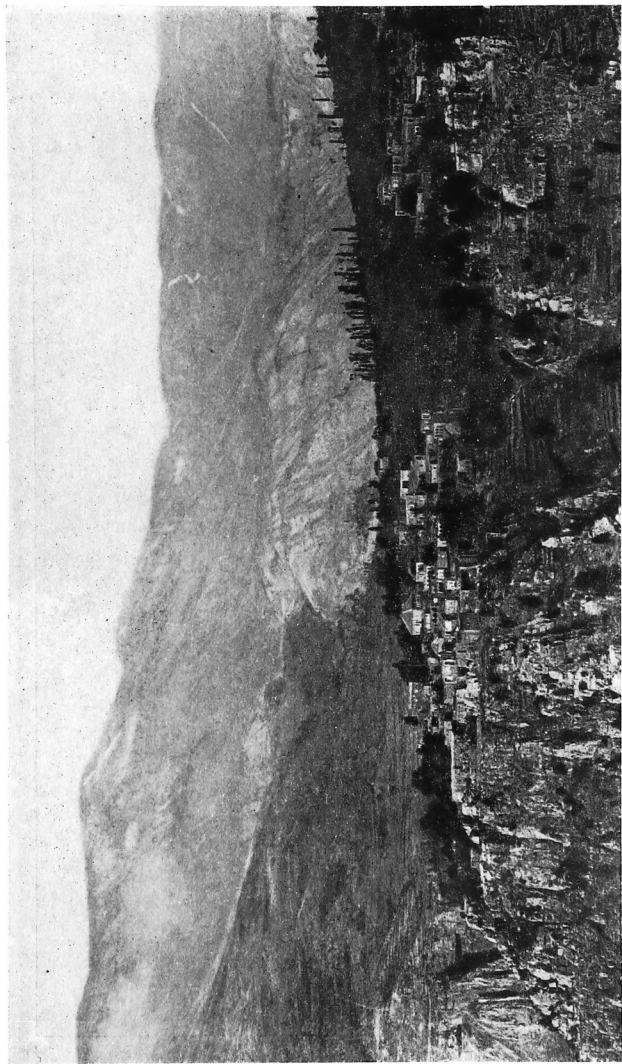

Рис. 2. Селение Хасрӯн на Ливане.

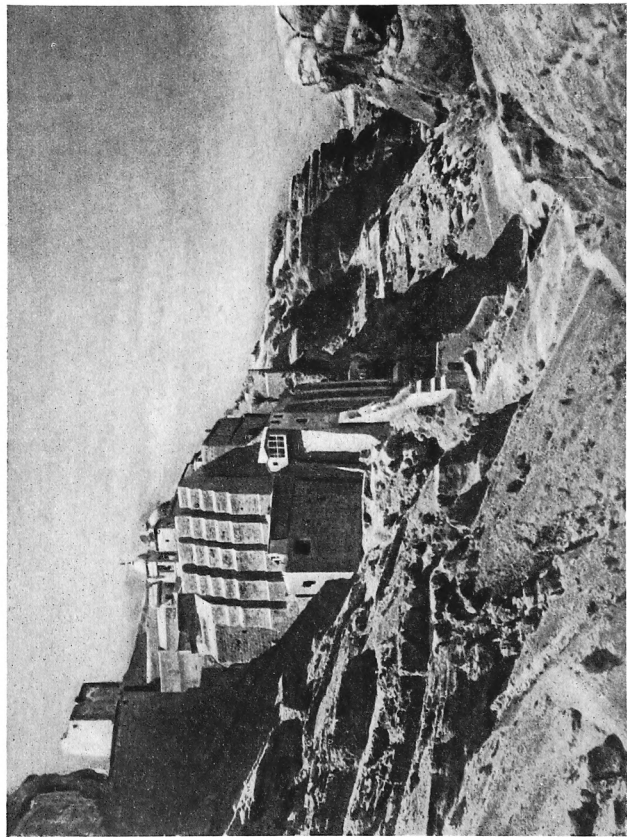

Рис. 3. Мар Сабба (монастырь Саввы), VI в. н. э. Палестина, к юго-востоку от Иерусалима.

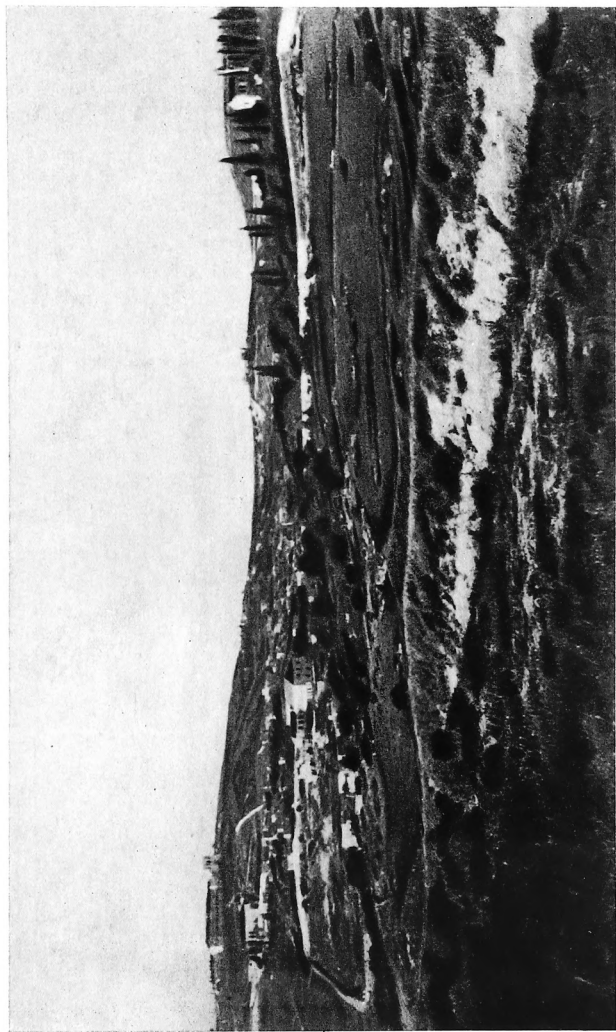

Рис. 4. Вид Назарета в начале XX в. Палестина.

До начала учебного года в Бейрутском университете И. Ю. Крачковский познакомился на Ливане с одним из профессоров, у которого ему предстояло слушать лекции, — рано умершим проф. Луисом Ронсеваллем. День ото дня литературные знакомства расширялись. Заглядывали в захудалый монастырь туристы, духовные лица разных толков и наклонностей:

„Вчера же был здесь пребывающий временно в Шувейре и его уроженец — дамаский поэт Амйн Зāхир Хайр Аллах امين ظاهر خير الله, повидимому большой талант. У меня спросил хафифом: كيف انتم بهذه:¹ «Как Вы обходитесь с этой тарабарщиной?» и ответил хафифом же: نشكر الله دايماً الزمان «Слава богу, как всегда». Поднес раису (заведующему) два новых произведения: повесть и поэму о землетрясении в Сан-Франциско“.²

„Дочитал вчера произведение второе Амйна Зāхира и его ривāйя رواية. Довольно характерно, что в литературе, повидимому, исчезает страсть к празднословию из любви к искусству. Само произведение носит довольно-таки сентиментальный характер и [автор] опять-таки не мог обойтись без экзотической темы“.³

И. Ю. всегда живо интересовался связями России с Востоком; о связях Сирии и Ливана с Россией в середине прошлого века есть много свидетельств. Между прочим, в дневнике есть следующая запись: „Имеется в монастыре, между прочим, славянское евангелие, пожертвованное митрополитом Филаретом в 1848 г. с его собственной надписью, гласящей о пожертвовании «в обитель св. Илии⁴ на горе Ливане». Надпись удостоверена консулом в Бейруте и переведена на греческий и арабский языки“.⁵

И. Ю. Крачковский вернулся в Бейрут 2 сентября к началу учебного года в двух высших школах, где он намеревался слушать несколько курсов лекций. Он целиком погрузился в научную работу, почти нигде не бывал. Только по воскресеньям, после прогулки, он отправлялся в школы Палестинского общества, где беседовал с учительницами и, таким образом, постановка преподавания в этих учреждениях становилась ему все яснее.

С этими интересами И. Ю. было связано его случайное знакомство с отцом дамаского поэта Амйна Зāхира امين ظاهر, назначенным смотрителем училища в Бельменде. По определению И. Ю. Крачковского, это „тип занятный, знает Хартмана“.⁶

¹ Один из арабских стихотворных размеров.

² Дневник, 12 августа 1908 г.

³ Дневник, 22 августа 1908 г.

⁴ Здесь жил И. Ю. Крачковский с 10 июля 1908 г. до возвращения в Бейрут, с перерывами во время экскурсий. Ср. выше, стр. 114.

⁵ Дневник, 31 августа 1908 г.

⁶ Дневник, 30 августа 1908 г. — М. Хартман, немецкий востоковед, работу

В начале февраля 1909 г. И. Ю. Крачковский оказался случайно в Триполи: до этого порта он провожал захватившего в Бейрут по пути одного своего университетского товарища. Дурная погода на море задержала И. Ю. в Триполи на несколько дней. Он использовал их на осмотр города, знакомство со школами Палестинского общества. Город Триполи был тогда центром школьной сети Палестинского общества в северной Сирии. Вот как описано препровождение времени в Триполи:

„Не задалась моя поездка: дождь так и льет. Несмотря на сие, совершил обход всех достопримечательностей в лице здешних училищ, которых масса. В женских сначала ничего толком не мог добиться, но потом удалось повидать начальницу, довольно симпатичную девицу, бывшую раньше в Бейт Джа'ле, которая и приняла меня за французского консула“.

Запись дневника от 9 февраля 1909 г. дает представление о педагогическом составе в школах Палестинского общества. Учительницы были русские (в Триполи одна — из Новгорода, другая — из Киева) и арабки, обычно получавшие образование в учреждениях Палестинского общества. В Бейт Джа'ле, недалеко от Иерусалима, где преподавала раньше начальница школ в Триполи, находилась хорошо организованная женская учительская семинария. Что касается мужского преподавательского состава, то он тоже состоял из русских и арабов. Русские учителя приезжали из России по окончании различных учебных заведений, не исключая Факультета восточных языков С.-Петербургского университета, откуда вышел Даниил Владимирович Семенов.¹ Многие учителя-арабы также оканчивали курс учебных заведений в России (в Полтаве, Киеве и других городах).

Налаженные с осени 1908 г. серьезные занятия в Бейруте были прерваны с 22 марта по 21 апреля 1909 г. поездкой в Египет на III Всемирный археологический конгресс. По возвращении обычное течение работы нарушилось ненадолго из-за выезда в Дамаск с несколькими русскими участниками конгресса.

На летний отдых И. Ю. Крачковский выехал из Бейрута в середине июня 1909 г. и вторично остановился в Триполи. Конечно, ни школы, ни педагоги не были забыты. Он побывал с визитом у райсы, начальницы школы, узнал, что с осени она собирается покинуть Сирию и хочет вернуться в Россию. Это известие заставило его задуматься:

которого И. Ю. Крачковский подверг заслуженной критике. См.: И. Н. Виноков. Игнатий Юлианович Крачковский. М.—Л., 1949, стр. 21, № 19: „Арабский вопрос и русские симпатии“.

¹ Научный сотрудник Института востоковедения. Умер в Ленинграде в 1942 г.; см.: И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 245, 249.

„Кто в результате останется у Палестинского общества — абсолютно не понимаю“.¹

„Обозревал опять женские школы и даже рискнул по-арабски экзаменовать“.² Продолжались также экскурсии по окрестностям в компании педагогов, а главное, молодого арабиста привлекли серьезно к участию в экзаменах.

„Вчера был педагогический день: кроме своих палестинских учителей,³ познакомился с одним из протестантских — тип довольно колоритный; сегодня думаю навеститься к нему. Теперь же утром хочу пробраться в город посмотреть на тамошние школы“.⁴

Под „городом“ подразумевается Триполи, так как И. Ю. жил на отлете, в тихом приморском городке у гавани, под названием Мйна.

22 июня он был в школах, где ему подносили стихотворные приветствия.⁵ „Вчера был у муаллима [т. е. учителя] Ханны, который тоже поднес «стих»“.⁶

„Экзамены меня заели: сегодня у мальчиков в Триполи, завтра у девиц там же, даже, кажется, с митрополитом. «Просят» присутствовать не столько начальствующие, сколько подчиненные“.⁷

27 июня экзамены в школах кончились, но еще на две недели И. Ю. Крачковский задержался в Триполи; все условия жизни ему нравились, он больше отдыхал и развлекался, чем в Бейруте. 14 июля в компании с учителями он выехал в горы и поселился на лето в местечке Амиюн.⁸ „Третий день сижу уже в Амиуне и в восторге от самого места... Места в общем значительно глуше тех, где я странствовал в прошлом году, но народ столь же симпатичен“.⁹ (рис. 1).

Казалось бы, с наступлением летнего сезона непосредственные связи со школьной работой затихнут, но произошло не так:

„Эти два дня были заняты экзаменами, в воскресенье с той же целью двигаемся в Думу и Кесбу“.¹⁰

С 23 июля до середины сентября посещения школ прекратились, но общение с учителями поддерживалось постоянно.

„Вчера прибыли в Кесбу, где обычная праздничная суета. Весь день прошел в визитах, питье шароба и разговорах о России“. Он встретил и здесь горячие симпатии к России.¹¹

¹ Дневник, 16 июня 1909 г.

² Дневник, 17 июня 1909 г.

³ Подразумеваются учителя школ Палестинского общества.

⁴ Дневник, 22 июня 1909 г.

⁵ Дневник, 23 июня 1909 г.

⁶ Дневник, 25 июня 1909 г.

⁷ Дневник, 26 июня 1909 г.

⁸ Дневник, 13 и 17 июля 1909 г.

⁹ Из письма от 18 июля 1909 г., г. Амиюн на Ливане, к Ю. Ю. Снитко — сестре И. Ю. Крачковского.

¹⁰ Дневник, 17 июля 1909 г. Два дня экзаменов в Амиуне падают на 15 и 16 июля.

¹¹ Дневник, 20 июля 1909 г.

„Вчера вечером лазили в монастырь Хаматура; вид замечательный и постройки прямо чудом прилеплены к горе; подъем страшно труден, но все искупает красота“.¹

„Сегодня экзаменовали в мужской школе, а вечером опять лазили на гору к Каср-Накус, кажется до сих пор не известно никому. Завтра — в женской школе, а потом в (селение) Думу“.² „Виды по обычаю очень интересны, — отмечает И. Ю., — подъем и спуск через горный хребет; местность не очень даже пустынная, а внизу на реке у деревни Кфер Хульда зелень даже роскошная“.³

„Два дня просидел в Бельменте, куда совершил путешествие пешком. Двинулись во вторник вечером, вернулись вчера. Местность опять-таки очень интересная; вид на море с очень широким горизонтом, вдали Триполи с одной стороны, Энфе — с другой“. Во время своих скитаний И. Ю. писал:

„От этих передвижений совсем нет времени заниматься; подогнал только Ханифу до 270 стр.⁴ Читаю много Ад-Дия الضياء «Свет», но все летние планы, повидимому, останутся таковыми и только“.⁵

Некоторые живописные места особенно привлекли внимание И. Ю. Крачковского. Так, на обороте вида Хасруна И. Ю. написал: „Одно из замечательных по красоте мест в Сирии — село Хасрун (рис. 2), масса воды и масса зелени; темная полоска справа, вдали — остаток знаменитого леса кедров“.

„Пространствовали вчера в монастырь Кефтуи и на Нахр ел-Джоз. Таким образом, эту часть Ливана я обследовал, кажется, досконально“.⁶

На пароходе из Триполи в Бейрут И. Ю. встретился с одной из бейт-джа'льских учительниц и драгоманом русского консульства в Иерусалиме.⁷

На „зимних квартирах“ с 12 сентября И. Ю. Крачковский возобновил занятия по прежнему плану. Его знакомства с арабами стали гораздо шире в среде как мусульманской, так и христианской.

И. Ю. Крачковский, тогда еще совсем молодой человек, принял живое участие в преобразовании Палестинского общества. Им была составлена специальная заметка и отчет о состоянии Общества. Новые и живые предложения И. Ю., изложенные им в записке, были состав-

¹ Дневник, 21 июля 1909 г.

² Дневник, 22 июля 1909 г.

³ Дневник, 24 июля 1909 г. — На пути из Амиюна в сел. Дума дорога пересекает реку Нахр ал-Джбз.

⁴ И. Ю. Крачковский готовил указатели к историческому произведению арабского писателя-энциклопедиста IX в. Абū Ханйфы ад-Дйнаверй; издание появилось в 1912 г. См.: И. Н. Винников, ук. соч., стр. 25, № 34.

⁵ Дневник, 9 августа 1909 г.

⁶ Дневник, 20 августа 1909 г.

⁷ Дневник, 13 сентября 1909 г. Бейт Джа'ла — селение около Иерусалима, где находилась семинария Палестинского общества.

лены с большим знанием дела и вносили много нового и рационального. Несмотря на сопротивление более консервативных членов общества, составлявших „Палестинскую комиссию“, приехавшую для инспектирования школ Общества, записка И. Ю. была ими принята.

В своем дневнике И. Ю. отметил, что членов комиссии „здорово удалось переупрямить и моя записка прошла почти целиком“. О стремлении И. Ю. поставить работу Общества по-новому говорит и следующая заметка: „Крайне приятно, что удалось пробить хоть первую брешь в Палестинском Обществе“.¹ Очевидно, молодой ученый не собирался останавливаться на этих первых своих усилиях, увенчавшихся успехом.

На пароходе „Косейр“ 5 декабря И. Ю. Крачковский отбыл из Бейрута через Яффу и Порт Саид в Александрию, прожил в последней два дня и переехал в Каир ради работы над рукописями. В Каире он оставался около месяца. На обратном пути он задержался в Александрии и 21 января 1910 г. оказался в Бейруте, где продолжал свою работу до конца марта.

Направляясь в Палестину, И. Ю. Крачковский остановился ненадолго в Яффе. Здесь, как и в других случаях, он не упускал возможности развивать свои взгляды и новые точки зрения среди лиц, связанных с Палестинским обществом. В дневнике 23 марта 1910 г. молодой ученый записал: „С большим удовольствием потолковал о Востоке“ и радовался, что его попытка вызвать интерес к Востоку в русской литературе находила отклики.

24 марта И. Ю. Крачковский приехал в Иерусалим и сразу оказался в сфере самой оживленной просветительской деятельности Палестинского общества: „Водворился благополучно в подвории, прибыв в Иерусалим вчера вечером. Хотелось бы дня в три обзреть город, чтобы потом можно было приняться за работу“.

Большой интерес представляла для И. Ю. патриаршая библиотека, в которой он получил возможность „копаться“. „К удивлению ничего решительно в ней не находится и я решительно недоумеваю, куда в самом деле исчезли Саввины рукописи.“² Не может же быть, чтобы от них ничего, кроме тишендорфовских отрывков,³ не находилось“.

Из дальнейших записей дневника видно, что И. Ю. проводил в названной библиотеке каждое утро, а то и целый день. Он „разделался“ с ней дней через десять, т. е. закончил просмотр интересовавших его рукописей и книг. С той же целью разыскать новые рукописи И. Ю. посетил древний монастырь Саввы (рис. 3), заложенный еще в VI в. н. э., но с досадой отметил в своем дневнике: „...ничего, конечно, не нашел

¹ Дневник, 19 марта 1910 г.

² Подразумеваются рукописи из монастыря св. Саввы (Мар Саба) в трех часах пути от Иерусалима.

³ Подразумеваются рукописи из коллекции К. Тишендорфа в собрании Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

и только проехался довольно симпатично на ослике".¹ Много времени занял осмотр Иерусалима, прогулки и небольшие путешествия по его окрестностям. Частым спутником И. Ю. был П. К. Жузе, профессор университета в Казани, а затем в Баку.² Наряду с этим И. Ю. знакомился со всеми научными учреждениями, находившимися в Иерусалиме. Так, о музее библейской истории имеется запись в дневнике: „Тоже великолепная идея комментарий каждой строки Библии путем вещественных памятников“. Но о Палестинском исследовательском фонде И. Ю. писал: „...музей оказался самым жалким“. Несмотря на это молодой ученый жалуется, что „все время в Иерусалиме проходит у меня не столько в занятиях, сколько в странствованиях; материала для работы находится не много...“. Не без юмора сообщает он о том, что „мне приходится и ослов нанимать и чай устраивать...“ во время этих скитаний.

Из Иерусалима И. Ю. собрался проехать в Назарет, на Тивериадское озеро, а затем через Хайфу обратно в Бейрут. „Пребывание мое в Палестине затянулось, и я боюсь, что мне не удастся пробыть столько, сколько хотелось бы в Дамаске, и, может быть, совсем исключить Алеппо“.³

Требовательный к себе, И. Ю. Крачковский считал, что он мало сделал для науки за время пребывания в Иерусалиме. Такой взгляд, безусловно, не верен. Если учесть, сколько времени было посвящено на поиски рукописей, на просмотр их и выписки в разных библиотеках, официальных и частных, сколько посещено музеев, школ и других научных учреждений, итог получится вовсе не маленький. Не менее важны были встречи и беседы с местными учителями и учительницами, особенно из арабов, с писателями и учеными. Знакомства с европейскими востоковедами все больше убеждали И. Ю. Крачковского, как высок был уровень и превосходство русского востоковедения. Туризм, за который он упрекал себя, отнюдь не являлся минусом, а плюсом: чтобы судить о культуре страны, надо было оценить людей со всем их окружением, узнать современное положение и культурное прошлое страны. В этом отношении пребывание в Иерусалиме было чрезвычайно полезно, а поездка в Назарет еще больше связала И. Ю. Крачковского с задачами Палестинского общества.

„Сидим в Назарете (рис. 4), куда прибыли вчера часа в четыре, после очень интересного пути, несмотря на утомительность и сквернейшие ночевки (Рамалла, Набулус, Буркын). Познакомился со здешней публикой и пробуду до понедельника“.⁴

¹ Дневник, 8 апреля 1910 г.

² Умер в 1942 г. См.: И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. 1950, стр. 185, 243.

³ Письмо от 17 апреля 1910 г. Иерусалим.

⁴ Дневник, 27 апреля 1910 г.

В Назарете И. Ю. познакомился с двумя учительницами Палестинского общества. Обе они окончили женскую учительскую семинарию в Бейт-Джә'ле. Они принимали участие в экскурсиях И. Ю. Крачковского по окрестностям Назарета, одна из них, Культұм 'Оде, вышла замуж в 1913 г. за заведующего амбулаторией в Назарете И. К. Васильева.¹

Радужный прием заставил И. Ю. задержаться в Назарете:

„Скверно приезжать в те места, где тебя знают хотя бы и заочно — от всяких завтраков, обедов и прогулок совсем нет тогда спасения. Если прибавить, что в свободное от занятий время я старательно посещаю здешние школы, то, может быть, поверите, что ужасно трудно было найти свободную минутку...“

„Как видите, срок моего пребывания в Палестине значительно удлинился... Я уж и принес себя отчасти в жертву; покинем Назарет мы послезавтра, направимся через Кану Галилейскую в Тивериаду, затем переправимся через Тивериадское озеро на станцию железной дороги и оттуда в Хайфу. Скверно только то, что благодаря задержке, на Алеппо мне почти совсем времени не останется, да и пребывание в Дамаске придется порядком сократить. Но «совершившийся факт самый лучший», а поэтому я и не очень жалею о таких результатах своей «научной командировки». Не жалею и потому, что этот переезд из Иерусалима в Назарет был, быть может, наиболее удачным и интересным, которые мне приходилось делать в этом году.² Пять дней верхом по очень разнообразной и красивой местности, с ночевками в ужасных местах, с самыми комическими инцидентами вроде коз, свалившихся на голову сквозь крышу, и т. д.“³

„На прощание му'аллима Культұм 'Оде спела песенку:⁴

احبابنا قد وقفنا كى نودعكم
وقلبنا بلهب الحزن يشتعل
حان الفراق فيها انى اودعكم
تذكرونى متى اخطو بباطركم
وزودونى ابا عينى برؤيتكم
هيهات عيني بعد الآن تنظركم
خذوا فواذا يذوب لوعة معكم
وغادروا قلبا يشكو موثر فرقتكم
فهل اودع روحى ام اودعكم
فسيروا بامن فان الرب يحفظكم

¹ В день мобилизации в июле 1914 г. Васильевы прибыли в Одессу, по пути в Кронштадт, на побывку к родственникам. С той поры Культұм 'Оде-Васильева осталась навсегда на новой родине, и в настоящее время она работает в Москве.

² Подчеркнуто в письме; намек на экскурсии в Египте весной 1909 г.

³ Письмо от 3 мая 1910 г. Назарет.

⁴ Дневник, 10 мая 1910 г.

Друзья наши! Мы вышли проститься с вами,
А сердце наше пылает огнем печали.
Пришло время разлуки, и вот я прощаюсь с Вами.
Вспоминайте обо мне, когда вспомнится.
И дайте мне еще раз увидеть Вас, о глаза мои!
Вряд ли мои глаза вновь увидят Вас!
Возьмите с собой душу, которая тает от муки,
И покиньте сердце, жалующееся на горечь разлуки с Вами.
С чем я прощаюсь — с душой ли своей, или с Вами?
Добрый путь. Поистине господь хранит Вас¹.

6 мая 1910 г. И. Ю. Крачковский приехал в Хайфу и остался там на три дня.

С 11 по 19 мая 1910 г. И. Ю. Крачковский пробыл в Бейруте, а 20 мая он приехал в Дамаск, вторично после апреля 1909 г.

„Опять в Дамаске и опять в «Виктории» и опять попал в десятый номер! Удивительно иногда складываются обстоятельства, кажется исключительно для того, чтобы напомнить «прошрое, близко-далекое...». Голова трещала жестоко и поэтому визиты с завтра начну“.²

Несмотря ни на что, научная деятельность продолжалась настойчиво; И. Ю. Крачковский направился на поиски рукописей: „Сегодня целый день в скитаниях немного более полезных, чем вчера... Для библиотеки назначен понедельник“. По поводу пребывания И. Ю. Крачковского в Дамаске в газете „ал-Муктаба“, № 388, от 23 мая 1910 г., появилась небольшая заметка; вырезка вложена в дневник:

زار دمشق الأستاذ اغناطيوس كراشكوفسك من رجال المشرقيات
في روسيا وأحد اساتذة اللغة العربية في كلية بطرسبرج وهو
روسى الاصل واللغة تعلم العربية في صباه في سورية ومصر حتى
انه لميجيد التكلم بها والكتابة كسائر ائمة المستشرقين وله معرفة
واسعة باللغات السامية كالعبرانية والسريانية والعشبية كما
يعرف بعض لغات اوربا واللغة التركية * *

Дамаск посетил профессор Игнатий Крачковский, один из русских востоковедов и преподавателей арабского языка в Петербургском университете. Он — русский по своему происхождению и родному языку — в молодости изучил арабский язык в Сирии и Палестине так, что прекрасно говорит и пишет на нем, подобно другим выдающимся востоковедам.

Он обладает обширными познаниями в семитских языках — еврейском, сирийском и абиссинском, а также знает европейские языки и турецкий³.

¹ Перевод А. А. Долининой.

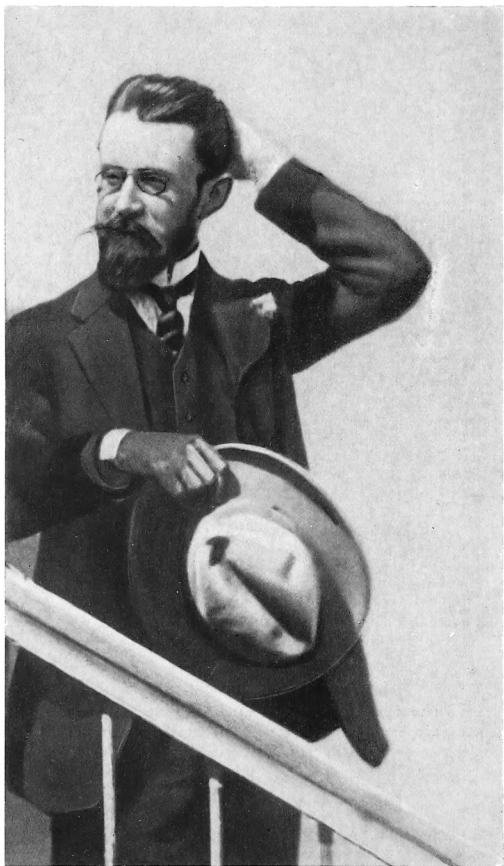
² Дневник, 20 мая 1910 г.

³ Перевод А. А. Долининой.

Учительница женской школы Палестинского общества
в Назарете Культум 'Оде (К. В. Оде-Васильева). 1910 г.

Рис. В. А. Крачковской.

Игнатий Юлианович Крачковский в Назарете.
Начало мая 1910 г.

Поиски рукописей продолжались вплоть до отъезда, но И. Ю. Крачковскому так и не удалось в Дамаске добраться до арабских рукописей, хранившихся у антиохийского патриарха. Только через три года 44 рукописи из этого дамасского собрания оказались в Петербурге, И. Ю. Крачковский получил к ним доступ, а в феврале 1919 года с его помощью они были доставлены в Азиатский музей. Очерк И. Ю. Крачковского „Рукописи двух патриархов или сбывшееся предсказание“ значительно дополняет лаконичную запись в дневнике.¹

Пожалуй, удачнее всего были поиски у дамасского торговца рукописями, где И. Ю. нашел „страшный беспорядок и сколько-нибудь порядочного мало“, однако „кое-что все же нашлось, хотя и не экстраординарное. Повезло как-то на автографы: автограф комментатора «Истории Йемена» تاريخ اليمن, Бурхāн ад-дина Халебского, Ибн Семмāна, внука 'Абдул-Ганй Набулусского. Дорожится старик, но думаю его как-нибудь уломать“.²

„Вчера был в Сейднае, где самой большой достопримечательностью является, пожалуй, живущий на покое Муркос.³ Приятно было потолковать; старик разговорчивый и, повидимому, был рад.

Ночью сегодня думаю двигаться сперва в Алеппо и на обратном пути в Хомс“.⁴

В Алеппо И. Ю. Крачковский приехал 29 мая 1910 г. Здесь, как и всюду, его в первую очередь интересовали рукописные собрания и библиотеки. Но в большинстве случаев они состояли из известных уже молодому арабисту книг и рукописей. Самая крупная библиотека принадлежала маронитам, но и в ней не было ничего интересного для него.

„Вчера просмотрел и кончил маронитскую библиотеку; численностью очень крупна, хотя особо редких вещей нет. Состав обычный: библия, поучения, богослужение. В мусульманской части: макамы, грамматики, полтора дивана“.⁵

Разочаровала И. Ю. и библиотека митрополита, но по другой причине. Когда он пришел ее осматривать, то „митрополия оказалась с закрытыми шкафами книжными, хотя судя по корешкам там все больше греческие“.⁶ В известной степени его вознаградили две частные

¹ Академик И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, ук. изд., стр. 37—44.

² Рукописи, купленные И. Ю. Крачковским в Дамаске, сохранились в его библиотеке.

³ Г. А. Муркос, уроженец Дамаска, был профессором Лазаревского института в Москве (1872—1900 гг.) и дожил на покое в деревне Сейднаа около Дамаска до 1911 г. См.: И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, ук. изд., стр. 33. — Он же. Очерки по истории русской арабистики, стр. 161—162.

⁴ Дневник, 28 мая 1910 г.

⁵ Дневник, 30 мая 1910 г.

⁶ Дневник, 1 июня 1910 г.

библиотеки; одна из них принадлежала „сирийскому попу... у которого порядочно интересных вещей, даже по мусульманской части. Жаль только, что вместо обработки этих материалов занимается какой-то ерундой“.¹

О самом городе Алеппо в дневнике нет заметок, может быть оттого, что И. Ю. не встретил в Алеппо той молодой компании школьных учителей и учительниц, с которыми он совершал большинство экскурсий в Сирии. И. Ю. записал: „Завтра думаю двигаться: никак не могу решиться, куда — в Хама или в Хомс. Жара дожимает страшно, и по ночам совсем не могу спать. Вчера было около 40°!“.²

Совсем иначе, видимо, чувствовал себя И. Ю. в Хамā, но не из-за погоды: „В Хама такая же неистовая жара, как и в Алеппо, при этом яростный ветер. Остановился в вокзальном буфете, благо есть комната для спанья... только и есть хорошего, что на'уры да 'Асй“.³ Далее И. Ю. сообщает, что „проехался не без удовольствия на лодке“ по реке Оронту, на которой находятся на'уры.

„Был у митрополита, — пишет он далее, — старина довольно крупная. Беднота в митрополии суровая и пахнет и средневековьем и запустением.“

Хороший дом фамилии 'Азм; курьезно, что показывавший отказался взять на чай.

А на'уры действительно красивы и даже поэтичны со своим стоном“.⁴

На пребывание в Хомсе ушло пять дней, так как И. Ю. опять оказался в учительской и литературной компании.

И. Ю. писал: „Вечером с компанией учителей, среди которой есть по обычаю симпатичные люди, совершили маевку в окрестности к садам на Оронте с очень красивыми местами“.⁵

„Вчера осмотрел, кажется, все здешние достопримечательности: был в цитадели, главной и халидовской мечети, в церкви св. Юлиана... Вечером опять маевка в окрестности“.⁶

„Только завтра двигаюсь в Триполи и притом, кажется, с лихорадкой, которая является совсем неожиданным приложением. Эти дни проводил преимущественно в училище, а после 4 часов — в прогулках со здешней компанией“.⁷

¹ Дневник, 3 июня 1910 г.

² Дневник, 3 июня 1910 г.

³ На'уры — водяные колеса, орошающие сады и поля у города Хамā водами р. Оронта, называемого арабами Нахр ал-'Асй. Число водяных колес к первой четверти XX в. сравнительно с XIV в. сократилось почти в 4 раза; см.: M. Söbernheim. Hamā. Enzyklopaedie des Islam, т. II, Leiden—Leipzig, 1927, стр. 254—255.

⁴ Дневник, 4 июня 1910 г.

⁵ Дневник, 6 июня 1910 г.

⁶ Дневник, 8 июня 1910 г.

⁷ Дневник, 10 июня 1910 г.

„Только что распрощался с компанией здешних учительниц, которые по обычаю провожали очень трогательно. Одна дала свою карточку с четверостишием:

إذا نظرتكم فتاة الشرق جاهلة
فلا تلووموا سوى الحكماء والقدر
كم من فتاة قضت من قبل أن بلغت
آمالها بركى العقول والفكر
لا الشعب ينجدها لا الأهل تعضدها
فهى الضعيفة صوطاً فى بنى البشر
عسى الزمان الذى قد جار فى ما مضى
يمن يومًا بنيل المجد والوطر.

‘Если Вы видите, что девушка на Востоке невежественна, то осуждайте за это только правителей и судьбу.

Сколько девушек с возвышенным умом и мыслями погибло, прежде чем исполнились их надежды.

Ни люди не помогают им, ни семья их не поддерживает, и слабо звучит их голос среди людей.

Может быть время, несправедливое в прошлом, дарует им когда-нибудь исполнение желаний и славу!’.¹

Хомс был последним этапом странствий И. Ю. Крачковского по Сирии, Ливану и Палестине. В пятницу 12 июня 1910 г. он вернулся „из Хомса совсем разбитый и лихорадкой и одиннадцатичасовой тряской в убийственном дилижансе, который всю дорогу мчит как угорный“.

В дневнике не указано, куда больной И. Ю. направился из Хомса. Повидимому, он возвратился в Хамā, так как ехал на дилижансе, а оттуда — в Триполи, где застрял до 20 июня из-за болезни „абū рубаб“,² вторично посетившей его на Востоке. Еле поправившись, И. Ю. вернулся в Бейрут и стал усиленно готовиться к отъезду в Россию. Из Бейрута он отбыл 2 июля 1910 г. на пароходе „Евфрат“, в Одессу приплыл 13 июля, а в пятницу 16 июля закончилось в С.-Петербурге двухлетнее путешествие магистранта И. Ю. Крачковского на Восток.

Природа и люди Сирии, Ливана и Палестины, нравы и обычаи, страдания и чаяния арабского народа стали понятны и близки И. Ю. Крачковскому. Вдали от родины он особенно стремился к тем, кто знал Россию и русских, кто чем-нибудь был с нею связан. Он убедился, что престиж России стоял очень высоко.

¹ Дневник, 10 июня 1910 г. — Перевод А. А. Долиняной.

² Местная форма лихорадки „абū рубаб“, т. е. „отец спия“, с сильными головными болями, высокой температурой и слабостью, впервые трепала И. Ю. Крачковского в сентябре 1908 г. в Бейруте.

По всей Палестине можно было путешествовать в начале XX века, владея одним русским языком. В Яффе, Иерусалиме и некоторых других городах было много вывесок на русском языке, торговцы понимали по-русски, но не всегда говорили по-английски. В Триполи, на улице, ребяташки лет 5 приветствовали И. Ю. Крачковского по-русски: „Здравствуйте“. И. Ю. охотно сближался с деятелями Палестинского общества, входил в интересы школьного дела и старался принести посильную помощь.

И. Ю. Крачковский вернулся на родину не только полноценным знатоком классического арабского языка и арабской литературы. Он в совершенстве овладел живыми арабскими диалектами Сирии и Египта. Он открыл еще никому неведомую, современную арабскую литературу. Она развивалась на его глазах. Важнейшим центром ее была Сирия. Это замечательное открытие датируется записями в дневнике от 27 июля 1908 г., от 8 и 25 августа того же года и другими. На Ливане возникли планы вступительных лекций И. Ю. Крачковского в Университете и многие работы по современной арабской литературе.

Избранный 3 июня 1915 года в пожизненные действительные члены Палестинского общества приват-доцент С.-Петербургского университета И. Ю. Крачковский знал сильные и слабые стороны школьной сети Палестинского общества на Ливане и в Палестине лучше многих других деятелей. Этим объясняется постоянное участие в работах Палестинского общества И. Ю. Крачковского, который оставался в составе Президиума до дня своей смерти — 24 января 1951 г.

ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ АКАДЕМИКА И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

Многочисленные труды скончавшегося 24 января 1951 г. крупнейшего советского арабиста академика И. Ю. Крачковского обращали на себя внимание не только арабистов. Они всегда вызывали живейший интерес и у востоковедов других специальностей, у историков русской и советской литературы, у исследователей ранней истории народов СССР, у историков отечественной науки и т. д. Этим прежде всего и объясняется тот факт, что изданная Академией Наук СССР в 1949 г. библиографическая работа „Игнатий Юлианович Крачковский“ давно уже полностью разошлась. В настоящей статье мы даем список работ И. Ю. Крачковского, вышедших в 1949—1954 гг., и пользуемся случаем привести две работы И. Ю., вышедшие одна в 1946 г. и другая в 1948 г., но не попавшие в список его печатных трудов, опубликованный в названной выше работе. Мы даем здесь также список научных докладов, публичных лекций и речей И. Ю. Крачковского за 1949—1950 гг., так как они ярко характеризуют многогранную научную и общественную деятельность покойного ученого. Как в одном, так и в другом случае продолжаем (в скобках) нумерацию соответствующих разделов работы 1949 г. — „Игнатий Юлианович Крачковский“.

I. ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ

1946

1 (435). Источник „Витязя буланого коня“ и других восточных повестей Сенковского. — Труды Военного института иностранных языков (Москва), 1946, № 2, 5—32.

1948

2 (436). Quelques additions et corrections à la „Bibliographie des Oeuvres de Ignace Goldziher par B. Heller, Paris 1927“. — Ignace Goldziher Memorial Volume, Part 1, Budapest, 1948, 430—431.

1949

3 (437). К. В. Оде-Васильева. Образцы ново-арабской литературы (1880—1947). С предисловием академика И. Ю. Крачковского. — Изд. Московского института востоковедения, 1949, XIII + 299. — См. № 246 в библиографической работе „И. Ю. Крачковский“, 1949.

Предисловие — стр. III—IX.

На заглавном листе, напечатанном по-арабски, указано, что это издание второе.

4 (438). К вопросу об анализе поэтических цитат в географическом словаре Йакута. — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР, 1949, V (№ 7), 281—287.

5 (439). География у арабов до первых географических произведений. — Ленинградский Государственный ордена Ленина университет имени А. А. Жданова, Восточный институт, Ученые записки, Серия востоковедческих наук, вып. 1, 1949, 18—42.

6 (440). Вторая записка Абу Дулафа в географическом словаре Йакута (Азербайджан, Армения, Иран). — Известия Академии наук Азербайджанской ССР, 1949, № 8, 65—77.

7 (441). Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII веке. — Советское востоковедение, Институт востоковедения Академии Наук СССР, 1949, VI, 185—198.

8 (442). К вопросу о принципах эпиграфической работы. — Эпиграфика Востока, III, Академия Наук СССР, 1949, 90.

Подпись: И. Кр.

9 (443). Памяти Ж.-Б. Шабо. — Эпиграфика Востока, III, Академия Наук СССР, 1949, 90—91.

Подпись: И. Кр.

10 (444). Арамейские документы ахеменидского Египта. — Эпиграфика Востока, III, Академия Наук СССР, 1949, 91—92.

Подпись: И. Кр.

1950

11 (445). Очерки по истории русской арабистики. — Академия Наук СССР, Серия „Итоги и проблемы современной науки“, 1950, 298 стр.

Содержание: Предисловие (5—9). — Предистория русской арабистики. Киевская и московская Русь (13—39); Восемнадцатый век (40—69). — Арабистика в России. Возникновение русской арабистики: Начало университетского преподавания в Харькове и Казани (73—78); Деятельность в Москве Болдырева и его учеников (79—86); „Западные окраины“ (Вильна, Дерпт, Гельсингфорс) (86—92). — Петербургская арабистика в первой половине XIX в. Арабский язык в общих сводах двух первых десятилетий XIX в. (93—96); Проект Азиатской академии (96—99); Основание Азиатского музея и работа Френа (99—105); Сенковский и его ученики (105—115); Тантави и финские ученые (115—117); Арабистика в общей печати (117—122). — Петербургская арабистика во второй половине XIX в. — в начале XX в. Деятельность Дорна в Петербурге (123—125); Основание Факультета восточных языков (125—132); Кафедра арабского языка и словесности (132—136); Гиргас и его роль в создании русской арабистики (136—139); Розен — основатель новой школы русского востоковедения (139—143); Ученики Розена, не-арабисты и арабисты (143—149). — Арабистика вне Петербурга до 1917 г. Ослабление связей Гельсингфорса и Дерпта с Петербургом (150—153); Арабистические работы в провинции (153—156); Арабистика в Московском университете после Болдырева (156—160); Лазаревский институт восточных языков и Восточная комиссия (161—168); Деятельность Крымского. Его издания и ученики (168—172); Казанские арабисты (172—187); Арабисты в Средней Азии (187—192); Арабисты на Кавказе (192—196); Арабская колония в России (196—198). Арабистика в СССР.

1917—1937 годы. Состояние арабистики к 1917 г. Наличные пособия и издания (201—205); Новые формы и средства после 1917 года (205—211); Переводческая работа. Рост учебной литературы (211—217); Научная работа (217—230); Участие в культурном строительстве СССР (230—239). 1938—1948 годы. Утраты науки (240—246); Организация работы (246—248); Переводы. Учебная литература (248—251); Научная работа (251—267); Заключение (267—269). — П р и л о ж е н и я. Основная библиография по истории русской арабистики (273—279); Указатели (280—296).

12 (446). Арабская хрестоматия. Составлена А. З. Писаревским. С предисловием акад. И. Ю. Крачковского. — Ленинградский Государственный орден Ленина университет имени А. А. Жданова, 1950.

Предисловие И. Ю. Крачковского — стр. III—VIII.

13 (447). Бируни и его роль в истории восточной географии. — Бируни. Сборник статей. Академия Наук СССР, Отделение истории и филологии, 1950, 55—73.

14 (448). Шахразур в географическом словаре Якута и в записке Абу Дулафа. — Известия Академии наук Азербайджанской ССР, 1950, № 5, 95—99.

Посмертные работы

1951

15 (449). Турецкий первопечатник Ибрахим Мутафаррика и его работы по географии. — Тюркологический сборник, I, Академия Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1951, 120—126.

16 (450). Неизвестные страницы „библиографии“ М. Миансарова. — Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1951, X, вып. 1, 95—96.

17 (451). К истории „Корпуса семитических надписей“ и „Репертуара семитической эпиграфики“. — Эпиграфика Востока, IV, Академия Наук СССР, 1951, 117—118.

18 (452). Броккельман, Карл. — Большая советская энциклопедия, 6, второе издание, 1951, 132.

Статья существенно дополнена.

19 (453). Приветствие журналу „Ат-Тарйк“. — Ат-Тарйк, Бейрут, 1951, № 1, 64.

Приветствие в связи с награждением журнала Золотой медалью мира. — На арабском языке.

1952

20 (454). Из истории торговых связей халифата в X в. — Ученые записки Ленинградского Государственного орден Ленина университета имени А. А. Жданова, № 128, Серия востоковедческих наук, вып. 3, История и филология стран Востока, 1952, 45—51.

1953

21 (455). Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому. — Академия Наук СССР, Институт востоковедения, Очерки по истории русского востоковедения, 1953, 7—22.

22 (456). Один из первых исследователей восточных элементов в „Слове о полку Игореве“. — Академия Наук СССР, Институт востоковедения, Очерки по истории русского востоковедения, 1953, 23—30.

1954

23 (457). Морская география в XV—XVI веках у арабов и турок. — Географический сборник, III. (Географическое общество Союза ССР, Академия Наук СССР), 1954, 13—44.

24 (458). Образчик арабского канцелярского стиля 80-х годов XIX века на Северном Кавказе. — Академия Наук Грузинской ССР. Труды Института языкознания. Серия восточных языков. I. Тбилиси, 1954, 241—249.

II. НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ, ПУБЛИЧНЫЕ ЛЕКЦИИ, РЕЧИ

1949

1 (339). Ал-Бирунӣ в истории арабской географической литературы. — Институт востоковедения Академии Наук СССР. — 10 I.

Повторено на специальной сессии Академии Наук СССР в марте.

2 (340). Арабские поэты о книге. — Библиотечный институт имени Н. К. Крупской. — 29 I.

3 (341). К вопросу об анализе поэтических цитат в географическом словаре Йакута. — Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР. — 5 III.

4 (342). Вторая записка Абӯ Дулафа в географическом словаре Йакута. — Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР. — 29 V.

5 (343). Образчик арабского канцелярского стиля 80-х годов XIX века на Северном Кавказе. — Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР. — 22 X.

6 (344). Новая книга о семито-хамитских параллелях. — Кафедра ассириологии и гебраистики и Кафедра египтологии и африканских языков Восточного факультета Ленинградского Государственного университета имени А. А. Жданова. — 25 XI.

1950

7 (345). Новые рукописи стихотворений ал-Ба'вā Дамасского. — Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР. — 28 I.

8 (346). Работа Арабского сектора в ближайшие годы. — Открытое партийное собрание, Институт востоковедения Академии Наук СССР. — 18 II.

9 (347). Шахразур в географическом словаре Йакута в записке Абӯ Дулафа. — Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР. — 25 II.

10 (348). Один из первых исследователей восточных элементов „Слова о Полку Игореве“. — Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР. — I IV; Московская группа Института востоковедения Академии Наук СССР. — 13 V.

11 (349). Западноевропейские хрестоматии по новой арабской литературе за последние годы. — Кафедра арабской филологии Восточного факультета Ленинградского Государственного университета имени А. А. Жданова. — 6 IV.

12 (350). Арабские хрестоматии К. В. Оде-Васильевой и Г. В. Церетели. — Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР. — 8 IV.

13 (351). Мысли из практики научной работы. — Собрание аспирантов Института востоковедения Академии Наук СССР. — 15 IV.

14 (352). Сообщение о поездке в Москву в мае 1950 г. — Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР. — 23 VI.

15 (353). Новые материалы для переиздания словаря проф. Х. К. Баранова. — Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР. — 28 VI.

16 (354). Языковедческая дискуссия и работа над арабским словарем. — Группа арабистов Сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — 18 X.

17 (355). О подготовке переводов с арабского для академической серии „Литературные памятники“. — Группа арабистов Сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — 1 XI.

18 (356). Новые словари арабского языка, изданные в Палестине и Сирии. — Группа арабистов Сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — 15 XI.

19 (357). Новый глоссарий ливанского диалекта. — Группа арабистов Сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — 29 XI.

20 (358). Абиссиноведение и эфиопская филология в России и СССР. — Сектор восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — 1 XII.

21 (359). Первые годы ливанского журнала Ат-Тарйк. В связи с награждением журнала Золотой медалью мира. — Группа арабистов Сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. — 13 XII.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
В. В. Струве. Восстание в Египте в первый год царствования Дария I . .	7
Л. А. Липин. Древнейшие законы Месопотамии	14
Н. В. Пигулевская. Греко-сиро-арабская рукопись IX в.	59
В. И. Беляев и И. Н. Винников. Памяти академика И. Ю. Крачковского .	91
В. А. Крачковская. И. Ю. Крачковский на Ливане и в Палестине . . .	106
И. Н. Винников. Дополнения к библиографии трудов академика И. Ю. Крач- ковского	125

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. В. Солтанов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *А. В. Сорокина* и *Е. Б. Томсинская*

*

РИСО АН СССР № 5422. М. 40702
Подписано к печати 25/IX 1954 г.
Бумага $70 \times 108\frac{1}{16}$. Бум. л. $4\frac{1}{8}$.
Печ. л. 11.3. Уч.-изд. $8.81 + 12$ вкл.
(1.28 уч.-изд. л.). Тираж 2500. Зак.
№ 1113. Цена 5 р. 90 к.

1-я тип. АН СССР. Ленинград.
В. О., 9-я линия, д. 12.

5 р. 90 к.